ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

Серия «КЛАССИКА КАВКАЗА»

МУХАММЕД АСАД БЕК

ДВЕНАДЦАТЬ ТАЙН НА КАВКАЗЕ

Издательский дом «Кавказ»
Баку–2013

Ответственный редактор серии: **Эльдар М.ИСМАИЛОВ**

Ответственный за выпуск: **Мазаир САДЫХОВ**

Перевод с немецкого: **Сабина ГАДЖИЕВА**

М. Асад бек. «Двенадцать тайн на Кавказе». Баку, Издательский дом «Кавказ», 2013, 304 стр.

ISBN 9952-432-39-9

Представляемая вниманию читателя книга является одним из ранних произведений автора. Можно считать, что опыт работы над ним позволил М. Асад беку всесторонне осветить многие стороны жизни на Кавказе и в других своих книгах. Вызывают восхищение весьма меткие этнографические зарисовки автора, его умение обобщать увиденное и указывать на важность Кавказского региона в системе мирового геополитического пространства.

На русском языке книга издается впервые.

© Издательский дом «Кавказ», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кавказ – жемчужина Востока.

«Кольцо гор, которое охватывает землю, как обручальное кольцо – палец», – говорили о нем старцы.

«Земля языков и чудес», – называют его сегодня поэты Востока, так как бесчисленны языки гор и бесконечны чудеса, о которых рассказывается на этих языках.

В своей книге я попытаюсь описать этот причудливый мир на основе собственных наблюдений и рассказов других людей.

На протяжении многих тысячелетий Кавказ – эта гигантская стена, отделяющая Азию от Европы, – включает в себя страны, где проживают необычные народы со своеобразными нравами и таинственным прошлым. Со времен Прометея до Сталина продолжается удивительная летопись этой земли, которая, словно собрание раритетов всемирной истории, надежно сберегла все исчезнувшее, давно пережитое и забытое.

Дикая жестокость, кровожадность и страсть к разбою, но в то же время рыцарская отвага, благородство и чувство собственного достоинства характерны для народов этой земли, и было бы неверным видеть в них всего лишь примитивных пещерных людей. Профессор Марр, один из самых известных знатоков кавказских народов, совершенно прав, когда утверждает, что «на Кавказе нет дикарей и нет народов без собственной культуры». Недооценивать их самобытность нельзя, даже если она боль-

ше проявляется в духовной, непонятной европейцам форме.

Сегодня Кавказ находится на распутье – революции и войны потрясли устои старого, патриархального уклада жизни. Народы, обреченные до сих пор вести образ жизни своих предков в узких ущельях, вдали от остального мира, теперь должны были переселиться в дальние плодородные равнины предгорного Кавказа. Если бы эта смелая попытка удалась, и горцы действительно осуществили бы свою давнюю мечту и переселились бы на равнины, если бы этот, все еще разбойничий и гордый, Кавказ раз и навсегда был бы покорен, то древние обычаи – адаты, – старинный и привычный уклад жизни в горах постепенно уступили бы место новому.

В настоящее время этот процесс еще не завершен. Европа уже стучится в ворота Кавказа, но пока эти ворота открыты лишь наполовину. Тот, кто бывал на Кавказе, знает: могут понадобиться столетия для того, чтобы последний разбойник превратился в мирного земледельца, а романтическая жизнь в горах прекратила свое существование.

Но эти преобразования постепенно свершаются. Старые порядки отмирают, и может даже сегодня, когда я пишу эти строки, на смену какому-нибудь древнему горскому адату приходит новый, прозаичный и будничный европейский обычай.

А до тех пор, пока этот всемирный исторический процесс не завершится – а кто знает, когда это произойдет, – Кавказ останется сказочной страной, страной чудес.

Завеса тайн окутывает доселе непокоренные вершины, не изученные народы живут в ущельях, над пропас-

тями, древнее благородное рыцарство процветает там в своем первозданном виде. А смельчак-европеец, который отважился ступить на эту землю, и сегодня не может знать наверняка, что его там ожидает: гостеприимство или пуля какого-нибудь героя-горца.

Народы Кавказа не образуют единства. Христианские, мусульманские, языческие и еврейские кланы живут там бок о бок, смешиваясь друг с другом. Народы с богатой древней культурой – азербайджанцы, грузины и армяне – соседствуют с племенами хевсуров, сванов и других. Чем выше в горы, тем слабее становится влияние культуры этих трех кавказских народов, тем самобытнее, консервативнее и примитивнее формы существования горцев.

В своей книге я постараюсь рассказать о жизни именно этих горских народов, об обычаях людей, населяющих Богом забытые горные расщелины и вершины, потому что именно там еще живет древний Кавказ. Необычные жизненные устои древней земли гор не должны неблагоприятно повлиять на оценку европейцами народов моей родины. Напротив, мое повествование позволит им легче постичь тайны этой неизученной земли.

В ответ на возможную строгую критику хочу подчеркнуть: на Кавказе есть больницы и школы для девочек, автор знает это из собственных наблюдений. Но энциклопедических сведений вы здесь не найдете, потому что эта книга ни в коем случае не претендует на статус серьезной научной литературы.

АСАД БЕК

Берлин, осень 1930 г.

ГЛАВА I

Отъезд в горы

Искендерхан в юности был солдатом. Во всяком случае, он так рассказывал. Наверняка, ему суждено было дойти до высших военных чинов, если бы коварная судьба не сыграла с ним злую шутку. В его паспорте было указано: «Искендерхан, дворянин», а ниже в скобках – «неграмотный». Это короткое слово Искендер никак не мог удалить. Он всегда пасовал перед бездной знаний, а так как даже на родине Искендера – в Дагестане – офицер должен был, как минимум, уметь без ошибок подписываться, он отказался от славы своего тезки Александра Великого, в которой не сомневался, и вышел в отставку.

– В наше время, – любил он говорить, – рыцари опустились до писарей. Никто больше не грабит села врага, не крадет овец и не похищает красивых девушек. Вместо этого они сидят с затупившимися кинжалами в своих каморках, склонившись над толстыми книгами с уродливыми черными знаками, а свободолюбивому рыцарю не нужны толстые книги.

Для меня Искендерхан всегда был олицетворением дагестанского рыцарства. Его длинные черные усы угрожающе свисали над верхней губой, кинжал и сабля, с которыми он никогда не расставался, бренчали при каждом шаге. И даже когда вечерами Искендер

вытаскивал свой кинжал из ножен, чтобы отрезать себе самый жирный кусок жареной баранины, его лицо не теряло сурового выражения завоевателя мира.

Роковая отметка в паспорте положила конец его военной карьере, но не уважению жителей дагестанских ущелий, которые не придавали никакого значения записям в чужих паспортах. Исполинская фигура Искендера производила на них большое впечатление. И когда он, герой, в парадном обмундировании, верхом на коне проезжал по аулам, все кланялись ему и пересказывали друг другу легенды о его благородстве, силе и рыцарстве.

Я лично всегда был твердо убежден в том, что Искендерхан – миролюбивый хозяин горного дагестанского аула – был скорее рыцарем-разбойником, чем заурядным офицером. И когда я спрашивал его: «Искендер, сколько людей ты убил?», «Сколько девушек украл?», было понятно, что отрицательный ответ оскорбил бы его достоинство.

– Очень много, – отвечал он гордо, а я и по сей день не знаю, не содержали ли эти слова больше правды, чем он сам того желал. Об Искендерхане ходило много слухов, и некоторые из них не соответствовали его авторитету отца семейства и хозяина аула.

Семья Искендерхана была большой, хотя у него была всего лишь одна жена, которой он, как истинный подкаблучник, хранил верность. Эта женщина была лезгинкой, тоже родом из Дагестана и привнесла в брак, помимо завидной плодовитости, ярую приверженность европейской цивилизации. Однако эта приверженность ограничивалась тем, что каждый раз, ког-

да она ждала ребенка, а это происходило почти каждую зиму, спускалась с гор Дагестана на равнины Азербайджана, чтобы там, в Баку, в сомнительном спокойствии нефтяного города исполнить свой женский долг.

В то же самое время, когда я впервые увидел свет нефтяного Баку, она родила сына, который получил имя Алибек. У моей мамы было слабое здоровье, и отец выбрал эту пышущую здоровьем лезгинку моей кормилицей. Она согласилась, и таким образом Алибек стал моим молочным братом, а Искендерхан – молочным отцом. Суата, так звали мою кормилицу, долго не выдержала у нас и уехала обратно в горы. Алибек навещал нас каждое лето и жил в нашем доме, в селении Мардакян, на окраине Баку, где расположились только виллы, вокруг которых разбиты сады, у границ которого заканчиваются нефтеносные степи, начинается зеленая равнина.

Мне редко разрешали ездить в Мардакян. Говорили, что там свирепствует малярия. Каждой весной, когда в Баку начинал плавиться асфальт, я уезжал в Германию, во Францию и Швейцарию. Дом в Мардакяне пустовал, только мой отец отдыхал там иногда после напряженных нефтяных дел. Однако вскоре началась война, и путешествия за границу прекратились.

Летом 1916 года я надолго приехал в Мардакяны, встретился там со своим молочным братом Алибеком, ел дыни и персики, слушал сказки, которые рассказывал старый слуга, и заболел малярией. В доме поднялась паника. Врачи, всезнающие нефтяники и суетливые тетки давали советы, каждый считал себя ви-

новным в том, что произошло, и никто не знал, как мне помочь. Верное средство от малярии нашел один из слуг.

Этот слуга был евнухом из Персии, где пристрастился к мудрым рассказам, глубоким размышлениям и сладостям. Пятнадцать лет назад мой отец нашел его, и с тех пор он жил у нас то ли в качестве слуги, то ли горничной, что позволяло ему чувствовать себя особо важным человеком.

– Когда Всевышний сотворил мир, – рассказывал евнух, – он был гладким и ровным, как поверхность моря. На равнинах жили люди, животные, духи, пороки и болезни. Только после сотворения понял Милосердный, что земля получилась слишком гладкая и ровная, и поэтому смилостивился. Он решил подарить каждой стране холмы и горы. В огромный мешок собрал большое количество гор и стал равномерно распределять по земле. Но дьявол, покровитель пороков и болезней, не хотел удостаивать человечество таким подарком. Когда Аллах парил между Каспийским и Черным морями, дьявол подкрался к его мешку, разрезал веревку, и все горы упали на равнину между двумя морями. Так возник Кавказ – страна гор. Но Создатель был в ярости:

– О, дьявол, – сказал он, – ты изуродовал мое творение и свершил первую несправедливость. В наказание эта горная страна, которая сейчас образовалась, станет для тебя недоступной. Людям и животным дозволено жить в горах, а тебе со своими прислужниками, пороками и болезнями нельзя вступать в эту страну гор. Жизнь и без тебя там будет достаточно тяжелой.

Как сказал Аллах, так и вышло. Пороки и болезни обитали на земле, в садах, где живется легко. Герои же и орлы жили в горах, где нет болезней и пороков.

Евнух был мудрым человеком. Все собравшиеся вокруг меня внимательно слушали его. Я поднялся с подушек и проговорил:

– Я хочу к Алибеку, в страну гор.

Мой отец откашлялся:

– В горах живут одни дикари. Никто из нас не понимает их языка. Там живут идолопоклонники и разбойники, что тебе там делать?

Мой молочный брат Алибек поднялся и стал защищать свою родину:

– В горах, – сказал он, – живут мой отец, моя мать, мои братья и сестра, они защитят моего больного молочного брата. В нашем ауле нет разбойников. Никто во всем Дагестане не посмеет тронуть моего молочного брата. У моего отца много друзей на нашей земле, а воздух в горах лучше, чем на равнинах. Мой молочный брат там точно выздоровеет!

Нам – мне, моему молочному брату и мудрому евнуху – потребовалось несколько дней для того, чтобы уговорить моего отца разрешить мне съездить в аул Искендерхана. Мне позволили провести в Дагестане все лето, а потом через горы поехать в Бештау, на первоклассный кавказский курорт. Мой отец не мог меня сопровождать. Со мной поехали только мой молочный брат, евнух, который взял на себя роль кормильца, еще двое верных людей из нефтяников. Сопровождаемый таким караулом, я наконец-то смог навестить своих родственников. Перед отъездом отец пода-

рил мне золотой кавказский кинжал и поведал, в каких случаях нужно его применять в горах, как вести себя, чтобы считаться воспитанным и благородным человеком. Он сам бывал в этой дикой горной стране и знал, что законы и нормы поведения там значительно сложнее, чем в салонах нефтяного города.

– Дикие дагестанцы, – сказал он, – сильно отличаются от диких или менее диких людей остального мира. Трудно путешествовать по Дагестану и обойтись без промашек. Там нужно прежде всего уважать стариков, подчиняться их обычаям и не забывать о том, что деньги в горах не имеют силы. В крайнем случае обращайся к слуге.

Этого совета было вполне достаточно, так как евнух был действительно опытным человеком. Итак, мы с моим молочным братом хорошо вооружились, запаслись дельными советами и отправились в дикую страну бесчисленных народов, всадников, разбойников и героев.

ГЛАВА II

Идиллический разбойничий приют

Мы доехали до Гуниба, что в центре Дагестана, западнее от города Темир-Хан-Шура. После Гуниба, рядом с руинами старого шамхальского замка, на уступе скалы располагался аул Искендерхана. Наше путешествие продолжалось пять дней: сначала мы ехали по берегу Каспийского моря, по знаменитому пути кочевников, по которому на протяжении тысячелетий ежегодно весной северные народы заселяли равнины Закавказья до тех пор, пока один мудрый правитель не преградил переход от гор до моря железной стеной.

«Здесь начинается Азербайджан», – высек правитель на железе и преградил растерянным кочевникам дорогу на равнину. После Темир-Хан-Шура – города, основанного Тамерланом и разрушенного русскими генералами, начинались горы, заканчивалась зеленая полоса каспийского побережья. Серыми, неприступными и грозными выглядели горы. Там еще водились леопарды и кабаны, постепенно рассыпались древние руины. Там, на порогах своих домов, сидели дикие лезгины и стреляли в воздух, когда приближались чужие, в знак гостеприимства или угрозы, по обстоятельствам. Они оценивающе разглядывали проезжающих мимо путников и смеялись им вслед, если те не были одеты по последней дагестанской моде.

В первом же ауле мне пришлось переодеться. Мой белый черкесский костюм оскорбил бы эстетический вкус горцев, особенно потому, что я носил к нему золотой кинжал. На меня смотрели бы как на варвара. Белое с золотом можно носить в городе или на курорте Бештау, где нет людей с хорошим вкусом. В горах же нужно знать: костюм следует носить под стать кинжалу. К золоту подходит только черное. В моем случае сочетание черного с золотом было самым подходящим для того, чтобы выглядеть прилично. Причем, золотым мог быть только кинжал. Непростительной ошибкой было бы показаться еще и с золотым револьвером, саблей или хуже того, – проскакать по аулу, украшенным орденами. Это считалось полной безвкусицей. Даже простой пастух обязательно с презрением отвернется от мужчины в таком наряде, пусть даже этот орден ему собственноручно вручил персидский шах или русский царь.

Убогая железная дорога заканчивалась после Махачкалы. Дальше можно было передвигаться только на ослах по горным тропам. Нас повсюду торжественно встречал один из друзей Искендерхана и докладывал о последних подвигах моего молочного отца.

Проехав Гуниб, мы сделали остановку. Перед нами лежала широкая пропасть, и на выступе, недалеко от дна ущелья, я увидел пункт нашего назначения. Одного взгляда на неприступное расположение этого места было достаточно, чтобы понять: хозяин аула мог действительно чувствовать себя здесь защищенным от любого врага.

– Сначала мы остановимся здесь, – сказал евнух. – Алибек должен поехать вперед, известить о нашем визите и подготовить встречу.

Но встреча не заставила себя долго ждать. Из-за скалы показалась женщина в чадре, в ярких шальварах и с младенцем на спине. Она шла к нам в вышитых золотом башмаках, за ней следовали несколько вооруженных мужчин.

– Асия, – позвала она, – Асия.

Впервые я услышал имя, которое дала мне моя кормилица.

Далее женщина заговорила на лезгинском. Охрана отвернулась, чтобы не видеть ее лица, с которого она теперь скинула чадру. Только мне и евнуху можно было лицезреть это смуглое лицо с большими дикими глазами. Она склонилась ко мне, и я ждал от нее поцелуя, но вместо этого моя кормилица начала меня обнюхивать, подняла мои руки, понюхала подмышками, грудь, вокруг рта. Потом поцеловала меня и с удовлетворением сказала:

– Ты пахнешь мужчиной, это хорошо.

Она села на землю, предложила мне сесть рядом и продолжила:

– Асия, сын мой, люди говорят, что ты болен. А я тебе скажу, что ты не болен, ты просто голоден. Я кормила тебя грудью, когда ты лежал в колыбели, и хочу это сделать сейчас.

Она неожиданно обнажилась до пояса, наклонилась вперед и вложила свою грудь мне в рот. Я с испугом посмотрел на евнуха.

– Соси, – сказал он на русском. – Так приветствуют в горах.

Немного осмелев, я приступил к делу, и моя кормилица в последний раз накормила меня грудью. Я сосал до тех пор, пока ее младенец, который был привязан к ее спине, не стал громко протестовать. Я облегченно отпустил грудь и поднялся.

– Почтенная матушка, – сказал я, – остальное должен получить малыш.

Мужчина, стоявший все это время рядом со мной, рассмеялся – это был Искендерхан, которого я не узнал. Он взял меня на руки, как маленького ребенка, и понес в аул. Кормилица, евнух и все остальные шли за нами. Так начался мой визит к молочным родственникам.

Нас с евнухом поселили в маленькой сакле, своего рода вилле с балконом и плоской крышей, в которой из мебели не было ничего кроме шелковых подушек. На них подавали еду, спали и ими укрывались ночью. Каждый вечер Искендерхан приходил к нам и приносил мне бузу. Буза – это легкий хмельной напиток из перебродившего молока, который, по мнению горцев, излечивает от всех болезней. А по утрам ко мне приходила кормилица и читала странные лезгинские заклинания, что должно было благоприятно подействовать в сочетании с бузой. Целыми днями я валялся на крыше и мечтательно обозревал горы.

И по сей день не знаю, что именно мне помогло: горный воздух, буза или лезгинские заклинания. Точно одно: в течение одной недели исчезли последние

признаки малярии, и я, оторвавшись от шелковых подушек и крыши, решил поближе познакомиться с землей последнего рыцаря. Экскурсии, которые мы предприняли вместе с Алибеком и евнухом, охватывали аулы, горы и долины разноязычного, многоликого Дагестана – суровой, грубой, полной тайн и все же гостеприимной земли, мало кому знакомой, и которая сама ни с кем знакомиться не хочет.

ГЛАВА III

Страна гор

Суровые, таинственные, неприступные горы. Седые вершины Дагестана, зеленые девственные леса Ичкерии, белые ледники Чечни. В дагестанских аулах, во дворах мечетей, склонившись над Кораном, сидят бледные, худощавые мужчины. Они сидят здесь десять, двадцать лет. Безгранична мудрость Корана, записанная мелким изящным почерком. Там, где начинаются девственные леса, прекращается действие Корана, там никто не знает великого писания.

В лесах, между холмами и реками раскинулись маленькие шатры, никто не сможет их найти, кроме людей посвященных. В палатках, на каменных постаментах стоят маленькие черные деревянные фигурки – божества лесных людей. Перед ними горят костры, седобородые жрецы закалывают жертвенных животных, едят их сырое сердце и обмазывают богов и самих себя жертвенной кровью. И воинов, собирающихся в разбойничий поход против казаков, поселившихся в долинах, тоже мажут этой кровью. Тогда горят казачьи станицы, ревет скот, гремят выстрелы. А его императорское высочество, которое восседает в Тифлисе, во дворце с сотней окон, получает пространные доносы и красным карандашом предписывает: «Карательная экспедиция».

Пять раз в день раздается в Дагестане с вершины минарета:

– Аллаху акбар! Аллах велик!

Пять раз в день слышат горцы этот призыв и молятся:

– Аллаху акбар!

Все в горах понимают эти слова. Это арабский язык, язык Священного Корана. Кроме родного языка, знают только этот язык. Пять-шесть аулов говорят на общем языке, а это десять–двадцать тысяч людей, которые образуют один маленький народ. За следующей горой живет уже другая народность, которая говорит на другом языке, которого соседний народ не понимает, настолько сильно он отличается от его языка.

Как китайский с немецким можно сравнить языки этих народов, проживающих рядом друг с другом. Бесчисленны горы Кавказа, бесчисленны долины, бесчисленны народы, которые говорят на различных языках, имеют различные формы черепа и принадлежат к совершенно разным расам. Сто, двести, а может и триста языков существуют в горах, и редко, кто понимает язык соседа. Ему это и не нужно, так как весьма не просто и довольно опасно покидать свою долину и отправляться в чужие горы. Только абрек делает это, воин и разбойник. Он – набожный писарь, мулла, который путешествует по стране, проповедая ислам. Язык писаря – арабский. Он находит в каждом ауле людей, которые понимают арабский и переводят его проповеди.

Язык Корана выучить тяжело. Проходит десять, а то и двадцать лет, пока правоверный ученик усвоит его мудрость. Воин, крестьянин и женщина не способ-

ны на это. Крестьянин и его жена изучают азербайджанский, он дается легче, любой может им овладеть.

Для воина, князя и разбойника азербайджанский язык не пригоден. Слишком много людей знают его в горах, даже женщина могла бы услышать и понять то, что обсуждают рыцари между собой, то, что не касается ни женщин, ни крестьян, ни батраков. Поэтому у князей свой особый язык, который понимают только они и равные им по званию. Это знаменитый язык охотников.

Обитатели рыцарских замков, княжеских дворцов, разбойничьих гнезд придумали этот язык. Тайна его строго охраняется, ни одному постороннему до сих пор не удалось разгадать его, несмотря на то, что в этой горной стране он широко используется всеми благородными лицами. Люди говорят, что это язык давно исчезнувшего рыцарского клана. Князья так тщательно скрывали его, что о его существовании узнали только несколько десятилетий назад. Все важные дела, тайные предприятия, решающие судьбу горских народов, обсуждаются только на этом языке. Науке известны лишь пять слов секретного языка, которые не похожи ни на одни слова, из всех известных человечеству: шапака – лошадь, амафа – кровь, амии – вода, асац – ружье, ашопшка – трус. Сам язык называется чакобса.

Почти все языки народов Кавказа не имеют своей письменности. Зачем горцу что-то записывать? Это делает за него на арабском писарь. Самые многочисленные горские народы (понятие «многочисленный» здесь, конечно, относительно) имеют свою скромную устную литературу, у малых же народов и того нет. Все они

живут по своим сложным, различным горским законам – адатам, которые знают старейшины, и по которым, к примеру, убийство детей или убийство брата не наказуемо. Наказуемо только убийство человека другой крови и другого рода, а именно – по законам кровной мести.

Если ехать по горам, то вблизи аулов, на обочине дороги, между кустарниками, из-за скал можно наткнуться на сверкающие стволы винтовок. Бояться не нужно: эти ружья не направлены против путешественников. Это кровные мстители, которые подстерегают своих жертв, кого-то из вражеского клана, кто должен пройти мимо. Только многочисленные семьи могут с успехом довести до конца кровную месть или успешно защититься от мстителей. Небольшие же семьи безнадежно приговорены к никогда не прекращающейся мести семьи, превосходящей ее по численности. Ни богатство, ни знание, ни сила, ни мужество не ценятся в горах так высоко, как численное превосходство мужчин в роду, защитников, кровных мстителей, входящих в большой клан. Об этом и молитва горцев:

– Прежде всего, о Аллах, увеличь число моих родственников и уменьши – моих врагов.

Многочисленность родственников – это то, к чему стремится каждый крестьянин и рыцарь.

В каждом ауле, на вершине каждой горы, у каждого водного источника в Дагестане возвышаются крепости. Не все они рыцарские замки, большинство из них – это просто каменные башни с воротами и несколькими крошечными окнами. Все знают, что это означает, когда ворота крепости заперты. Из окон выглядывают

измученные, запуганные лица, мужчины и женщины умоляюще протягивают руки и просят еды. Это люди, приговоренные к пожизненному заключению, люди, которые заперли себя навсегда, так как не в силах избежать кровной мести. Если один из членов семьи совершает убийство, то возмездие неизбежно. Виновен он на самом деле или нет, никого не интересует. Если его семья бессильна и малочисленна, то убийца не сможет себя защитить, и ему приходится бежать. Он заколачивает свой дом, прощается с друзьями, покидает имение и скот и навеки переселяется со своей семьей в каменную, безопасную башню, которую никогда больше не покинет. У ее ворот, в кустах или траве, скрываются, подстерегают, сменяя друг друга, жаждущие кровной мести враги. Долгие годы выжидают они терпеливо, до тех пор, пока все люди в башне умрут или, измученные, откроют ворота и добровольно выйдут навстречу пуле врага. Навещать их никому нельзя, только один раз в день друзья приносят им еду и воду.

Очень опасно «бедному» мужчине навлечь на себя вражду могущественного рода. Я знаю случай, когда мститель на протяжении тридцати лет осаждал одну такую башню. И этот срок далеко не редкость при исполнении кровной мести.

Не каждый народ имеет князей и дворян. Чеченцы, к примеру, многочисленный народ, который никогда не признавал дворянства.

– Мы сами себе князья, – с гордостью говорят чеченцы, народ, который не имеет правителей и никогда их не имел, в языке которых слово «приказ» отсутствует. Это слово чеченцу незнакомо, его заменяет сло-

во «просьба». Вот пример, как по-чеченски звучит приказ:

– Царь просит господина «Х» десять лет отсидеть в каторжной тюрьме, – так народ подчиняется русским законам.

По соседству с чеченцами живут кабардинцы – самый феодальный народ в мире, который с таким упорством претворял в жизнь средневековый феодализм, что их даже сегодня невозможно представить без короля, князя, графа, барона, рыцаря, буржуа, ремесленника, крестьянина, и может именно поэтому некоторые ученые считают их потомками крестоносцев. Но даже князь без родни беден, по сравнению с крестьянином из многочисленной семьи. Князь, у которого нет родни, изгоняется из страны, потому что мужчина без родственников – это мужчина без власти и уважения.

Рыцари и писари странствуют в горах. Их уважают и побаиваются, так как они идут по правильному пути. Но их не любят, а любят только ашуга – артиста, певца, сказочника, шута, глашатая и трубадура. Ашуг – это общественное мнение гор, который может своей тонкой иронией, острыми шутками и поучительными сказками организовывать движения, создавать партии, вызывать, предотвращать или останавливать кровопролитные бои. Если ашуг спел свою песню в чьем-то доме, то он вправе встать, взять со стены ковер, хозяйский кинжал или любой другой понравившийся ему предмет и забрать его с собой. Это принадлежит ему, это его вознаграждение, которое он сам выбирает, и никто не может ему отказать. А если ашуг – летописец

гор – происходит из княжеского рода, то в былые времена ему могла принадлежать жена или дочь хозяина, потому что ашуг, как говорили в горах, – это человек, который заботится о народе и ему принадлежит народная любовь.

Странные, загадочные и неизученные – эти бесчисленные осколки народов; никто не знает, откуда они произошли, какая судьба привела их в эти темные, суровые горы. Об этом написаны толстые трактаты на латинском, греческом, арабском, русском и других западных языках. Но, по сути, они не могут раскрыть все тайны гор. Если же спросить у горцев об этом, то они качают головой, улыбаясь, поглаживают свою бороду и отправляют вас к своим мудрецам. Те не улыбаются, а рассказывают следующее:

– За неповиновение Всевышний покарал людей и наслал на них потоп, но затем Он смилостивился и решил спасти от каждой твари по паре в Ноевом ковчеге. На вершинах Кавказа укрылись люди в безопасном месте. От них и происходят горцы. Этим народам нельзя было слишком сильно размножаться, так как долины были предназначены для других людей, для тех существ, которые появились после потопа. Кавказец должен оставаться в горах, как вечный памятник милосердия и мести Бога.

Если у мудреца спрашивают, откуда у него эти сведения, он отвечает:

– Так написано в одной книге.

Этот ответ всегда звучит в разговоре с горскими мудрецами. Из уст горцев, диких вооруженных воинов, часто можно услышать мудрые изречения и на-

меки, которые едва ли родятся в голове примитивного человека. Словно отголоски давно забытой культуры, они возникают внезапно, появляясь из-за случайно приоткрывшейся завесы прошлого. Все эти вещи черпаются из книги, из загадочной книги, которую якобы никто сам не читал. Эта книга мудрости доступна немногим, один раз в десять лет мудрецы собираются на берегах горного озера Эсан. Ночью появляется книга, которая на разных языках сама обо всем рассказывает собравшимся. Только полчаса говорит книга, однако и этого достаточно для десяти долгих лет молчания.

Для науки кавказцы – все еще *terra incognita*. Лишь некоторые из дюжины уже исследованных языков имеют сходства с другими существующими языками, остальные представлены обособленно. Ко всему прочему, не все народы и языки здесь имеют название, многие из них обозначаются не иначе, как «наш народ», «наш язык». Их названия то ли забыты, то ли просто скрываются. Так, в одном из районов Дагестана живут около восьмидесяти тысяч людей, которые говорят на одном языке, и которых ученые окрестили аварами, хотя они не имеют ничего общего с древними аварами.

Никто не знает, откуда происходят все эти народы. Тысячелетия назад они, должно быть, жили в степях Европы и Азии, а потом, возможно, были покорены и уничтожены новыми переселенцами. И только малая их часть была оттеснена в горы. В горах оставались навсегда и некоторые представители многочисленных народов, проходивших через Кавказ. Еще в незапамят-

ные времена некоторые племена были насильно сюда переселены.

В Испании, Северной Африке, Италии, на границе Китая находят останки родственных кавказским народам племен. В Сирии и Египте обнаружены архитектурные фрагменты, схожие с кавказскими, а в Индии и Бирме существуют обычаи, известные только в горах между Черным и Каспийским морями.

Если бы горы и камни Кавказа могли говорить, пришлось бы, наверное, заново переписать историю мира. Тысячелетия существования человечества, исчезнувшие культуры, забытые военные походы оставили свой след на молчаливых лицах горцев. Они не могут всего рассказать, не могут передать того, что видели глаза их предков, того, что творили их предшественники. История человечества несовершенна. Самое неизученное похоронено на Кавказе, в этой позабытой древней антикварной лавке. Изредка вспыхивает прошлое в мудром изречении, в странном обычае, в механическом движении; посторонним оно непонятно, но действует на них завораживающе и многообещающе. Ведь всем известно: эти увешанные оружием, неграмотные, жестокие варвары не какие-то дикари, не чистый лист бумаги, на котором Европа может писать свои письмена. Некоторые из этих народов имеют древнюю культуру.

Так, почти по соседству с примитивными, поистине дикими хевсурами живут ингуши, этикет и манеры которых утонченнее, чем церемонии при самом солидном монаршем дворе Европы. А самобытность культуры кабардинцев проявляется в каждом движении, в

каждом шаге, в их чувстве такта, в презрительном тоне, с которым они обращаются к своим диким соседям, и в холодном высокомерии старых князей. Эту культуру не так-то просто распознать. Помимо знания языков и восточных традиций, привязанности к земле, необходимы добрые советы, без которых не добиться расположения горцев. Правда, поначалу может показаться, что помощь не нужна, потому что везде, даже в самых отдаленных аулах, гостя встречают очень радушно. Для него открыты все двери, все стараются ему услужить, но он никогда не увидит истинное лицо хозяина дома, не сможет познакомиться с его жизнью, взглядами и обычаями, если за него заранее не замолвил слово какой-нибудь князь или «кунак» – друг. Горцы подозрительны и скрытны по отношению к европейцам, ничего хорошего от Европы не ждут. Они гостеприимно распахивают двери всем западным путешественникам, но, вместе с тем, сохраняют недоверие в своих сердцах.

В Дагестане редко встретишь безграмотного лезгина, так же как умеющего писать ногайца. В целом на Востоке умеющий писать – это большая редкость, тем удивительнее тяга к знаниям у лезгин. Они мусульмане-сунниты, которые поставляют всему Кавказу самых грамотных проповедников. Там, где рядом живут десять лезгин, сразу же открывается арабская школа, в то же время они – самый воинственный, самый разбойничий и храбрый народ Кавказа.

Народы живут в горах и должны подстраивать свою жизнь под эти условия. Гостеприимство и рыцарская честь являются везде святыми законами, так

же как набожность и страсть к войнам. Даже одежда почти у всех одинаковая. Все носят одинаковое оружие и все, без исключения, презирают людей, которые родом не из гор. Общими для всех являются неискоренимое свободолюбие и способность проявить себя, завоевать симпатию и дружеские чувства в любых условиях существования: при дворе европейского монарха, в бюро американского банка или в пустыне Африки.

Различны их языки, их прошлое и их обычаи; различны божества и храмы, различны типы всегда благородных и спокойных лиц. Тысячелетия назад эти народы были изгнаны со своей прародины с высокоразвитой культурой, навсегда оттеснены в суровые, серые крепости Кавказа, в страну высоких гор, темных ущелий и белых ледников, в страну, которую они защищают с храбростью, ставшей притчей во языцех, от любого завоевателя.

ГЛАВА IV

Неприступные сокровища

Алибеку, моему молочному брату, не нужны были деньги, а только овцы, кинжал и лошади. Деньги, звонкие золотые монеты, жемчужные бусы и драгоценные камни нужны были его отцу, Искендерхану.

Искендерхан не знал, как можно без труда добыть золото. Он заставлял себя выполнять работу, которая не приносила ему почти никакого дохода. А быть может, он скачет вооруженный со своими друзьями по долинам и нападает на живущих там богачей, отбирая у них деньги. Потом возвращается домой и, навещая по пути знакомых князей, хвастается:

– Видите, какой я рыцарь!

Возможно, это происходило так, а может иначе. Мой слуга подтрунивал над ним.

– Искендеру приходится совершать набеги, голодать при этом, скрываться от людей и все это ради двух рук, полных денег. Ей-богу, твой отец в долине делает все лучше! Он не совершает набеги, не прячется, никого не грабит, только землю, и зарабатывает за день больше, чем Искендер за месяц.

Так говорил мой евнух.

Мы передвигались через ущелья, по соседним аулам. Евнух постоянно говорил:

– Здесь живут герои; они герои в своем неведении. Древние мудрецы давно умерли, только шейх Джафар еще жив, но он молчит, не хочет выдавать свою тайну.

Постепенно я стал понимать, что именно имел в виду евнух. Кавказ чудовищно богат. Здесь не нужно грабить, чтобы добыть золото. Никто, кроме очень узкого круга людей, не знает об этом богатстве, а знающие не могут им воспользоваться.

Однажды, когда я сидел у края высохшего источника, вдруг почувствовал, как по моим пальцам потекла какая-то клейкая жидкость, которая струилась по краю небольшой скалы. Я помял в руках небольшой кусок клея, слепил из него фигурку и ощутил давно знакомый, сладкий аромат, на что поначалу не обратил внимания, настолько родным был этот запах. Это был запах сырой нефти, перемешанной со смолой. Я вскочил с места. Я совсем забыл, что нахожусь не в Баку, в нефтяном городе, где каждый кусок земли пропитан нефтью, а в Дагестане. Высокие горы отделяли меня от ближайших нефтяных источников. Я внимательно осмотрел место, и действительно, тонкая струйка нефти протекала под камнями. Я знал, что это означает. Не каждый государственный банк Европы имел достаточно денежных средств, чтобы заплатить за эту тонкую, почти невидимую полоску. Я вырос среди нефтяников, среди людей, которые живут только ради этих тонких полосок, и знал, что эта тягучая жидкость была настоящей, драгоценной сырой нефтью, которая просачивалась из глубинных пластов. Это не было случайностью, это не прекратится через месяц, напротив, это – верный признак неисчерпае-

мых запасов. Я вскочил взволнованный, не зная, что делать. У моих ног лежало богатство, которое во много раз превосходило по цене золото, которое Искендер-хан мог бы присвоить за всю свою жизнь.

– Алибек, – воскликнул я, – Алибек, смотри, что я нашел!

Молочный брат подошел, он достаточно часто бывал в Баку, для того чтобы знать, что такое нефть. Его лицо оставалось спокойным.

– Это еще что! Два года назад, когда в соседнем ауле мы копали колодец, чтобы найти воду, из земли забил фонтан нефти. Три дня это продолжалось, пока мулла не проклял это место. С тех пор никто не рискнул больше приблизиться туда, а яму засыпали.

Я растерялся; нефть, которая была для меня тогда самым священным, была здесь небрежно засыпана. Тут подошел наш евнух, сохранявший полное спокойствие.

– Здесь повсюду нефть, – сказал он. – Только они не знают, как ею пользоваться. Нужно рассказать твоему отцу!

Действительно, это было не единственное место, где я во время своего пребывания в горах ощущал родной запах нефти. Я даже постепенно привык воспринимать его без волнения, а когда спустя месяцы рассказал об этом дома, мой отец только рассмеялся. В молодости он обнаружил в горах много нефти и даже послал туда геологов для исследования территории. Эта земля таит в себе огромное количество «черного золота», возможно, даже большее, чем в Баку. Только какая от этого польза? Горцы не хотят ничего об этом слышать, а предпочитают и дальше заниматься грабе-

жами. Даже предводитель всех горских народов не может ничего сделать. Он мог бы построить нефтяные вышки, и нефть текла бы сама, приумножая его богатства. Но дело в том, что не существовало никакой возможности провести нефтепровод через горы или построить железную дорогу. А без этого даже самые богатые источники ничего не стоят. Транспортировка нефти – это самое главное. Только железная дорога и нефтепровод делают нефть по-настоящему ценной, а их, очевидно, здесь невозможно быстро построить. Может быть, когда запасы нефти в Баку иссякнут, с этой целью придется снова покорять Кавказ, а пока кавказская нефть добывается лишь у берегов Каспия.

От Каспийского до Черного моря, через горы, простирается будущий источник нефти. Сегодня здесь живут кабардинские князья и кумыкские сюзерены, которые не признают того, что не имеет отношения к истинному рыцарству. Но долго ли будет так продолжаться? Слишком силен запах нефти, вытекающей из гор.

Когда мы возвращались в наш аул после долгой поездки верхом, Алибек неожиданно сказал:

– Давайте навестим шейха Джафара. Он очень стар и скоро умрет, неплохо было бы проведать старика.

Евнух с радостью согласился, он тоже был другом старых людей. Мы свернули с пути, поскакали вниз, в ущелье, тихо постучались в саклю шейха. Нам открыл сам шейх Джафар, который был не просто мудрецом. Люди нарекли его святым, а сам он называл себя великим грешником. Его жизнь была полна загадок. Много лет назад, когда в горы пришли имамы, Джафар сра-

жался в первых рядах мюридов – священных воинов. После каждой битвы он возвращался с полным мешком отрубленных рук врагов. Руки были прибиты на стены его дома гвоздями. Джафар получал от суверена за каждую руку по золотой монете. Таковы были законы того времени. Позже шейх стал наибом – губернатором одной из провинций – и ввел смертную казнь за курение, а также пытки над людьми, которые не молились пять раз в день. Когда же царская армия в первый раз пришла в горы, погасла звезда шейха.

Русские победоносно продвигались в горы, а шейх подстерегал их со своими всадниками за каменными глыбами. Впереди всех на белом коне скакал его превосходительство генерал, новый правитель. Шейх был опытным стрелком, он не мог промахнуться. Часы генерала были сочтены. Короткий выстрел, генерал беззвучно выпал из седла. Шейх бежал в отдаленные горы и долины и повсюду хвастался:

– Я сделал десять тысяч женщин вдовами и такое же количество детей – сиротами. Красива жена генерала и дети у него малые, теперь они плачут вместе с царем. И все это сделал я!

Такое хвастовство – обычное дело в горах. Русские, которые пришли из долин, были суровы и объявили:

– Прошли те времена, когда можно безнаказанно убивать генералов.

Они решили наказать горы. Пять аулов, которыми правил шейх, были осаждены, приехал новый генерал и провозгласил:

– Все пять аулов будут сровнены с землей, если население не заплатит в течение месяца штраф в пятьсот тысяч рублей.

Генерал прекрасно знал, что даже сто кавказских аулов никогда не смогут собрать такую сумму, и был уверен, что разрушит аулы. Население, которое должно было теперь отвечать за своего прежнего господина, вынуждено было смириться. Весть о предстоящей расправе распространилась повсюду, а единственный виновник произошедшего, наиб, который мог бы одним своим появлением спасти людей, не давал о себе знать. Шли дни, уже из города было привезено горючее для поджога домов. Жители похоронили последнюю надежду. Но тут произошло неожиданное: к генералу с посланием прибыл всадник. В письме говорилось: «Ваше превосходительство, народ не обязан из-за меня терпеть вашу жестокость. Мой посланец укротит ваше корыстолюбие».

Курьер привез с собой три мешка. Один из них был заполнен необработанными алмазами, а два других – грубоочищенным золотым песком. Это не были награбленные сокровища, те были ограненные, отчеканенные или литые. Это были сокровища прямо из рудников, но об их месторасположении не знал никто, даже местные жители.

После этого начались бесконечные поиски алмазов. И русские, и местные жители взбирались на самые недосягаемые высоты и вступали там в схватку с другими золотоискателями. Генерал и сам отправлялся со своим штабом искать золото. Среди русских началась настоящая золотая лихорадка. Но все попытки были тщетными. Ни малейших следов золота или каких-либо драгоценных камней обнаружено не было. Только не имеющий ценности горный хрусталь, а ал-

мазы, которые послал шейх, оказались на проверку настоящими.

Шейх в ту пору прекратил свою борьбу, поселился в сакле аула и посвятил себя замаливанию грехов. Однажды русские его арестовали и пытали, но он не выдал местонахождение рудников. Им удалось узнать от него только то, что алмазы залегают в горах в неограниченном количестве и недоступны. В конце концов, его оставили в покое.

И вот передо мною стоял шейх – пожилой, высокого роста мужчина, с длинной, выкрашенной хной бородой и ногтями, смуглой кожей и огромными серыми глазами. Мы поприветствовали его, и он проводил нас в гостиную. Алибек представил нас. Как только шейх узнал, что я прихожусь молочным братом его земляку, он встал и произнес приветствие на азербайджанском языке, которое завершил необычным вопросом:

– Ты убивал неверных?

– Нет еще, – ответил я смущенно.

Шейх неодобрительно покачал головой, продекламировал воинственный арабский стих и закончил его словами:

– Когда я был в твоем возрасте, я уже успел убить двух неверных и одного кровного врага. Современная молодежь взрослеет очень медленно!

Евнух попытался перевести разговор в мирное русло.

– Уважаемый шейх, – сказал он, – мы пришли к тебе, так как слава о тебе разносится в горах, и хотели бы увезти с собой домой хоть каплю твоей мудрости.

Эти слова очень понравились шейху. Он рассказал о жестокой секте Сикра, к которой принадлежал, о тарикате, священном учении мюридов, о жизненном пути верующих, который был усыпан трупами врагов и вел к воздушным замкам, где их, по желанию, окружали прекрасные юноши или девушки.

Воздушные замки и прекрасные девушки совершенно не интересовали евнуха.

– У нас ты известен, как спаситель пяти аулов, которые русские хотели разрушить, – начал было он.

После этих слов шейх загрустил и не захотел говорить об этом.

– Это – единственный грех в моей жизни, за который мне еще придется расплачиваться, – произнес он и умолк.

Позднее в ауле мне рассказали, что залежи алмазов обнаружили мюриды. Их предводитель, имам Кази-мулла, разглядел в этих сокровищах угрозу для свободы народа, а прежде всего – для благочестия своих подданных. Поэтому запретил прикасаться к ним, проклял богатство и приказал всем, кто знал об их месторасположении, навсегда забыть об этом. Шейх Джафар, очевидно, был одним из посвященных в тайну мюридов и только из сострадания к людям, находящимся под угрозой по его вине, нарушил приказ своего имама и добыл алмазы и золото. Из-за этого поступка он испытывал угрызения совести, стал жить отшельником в ущелье, читая молитвы и принимая милостыню.

Обладать миллионами и жить подаянием – сегодня такое возможно только в Дагестане. Кавказцы были

уверены, что алмазные поля действительно существуют. Некоторые семьи имели необработанные алмазы и золотые слитки, что подтверждает эту историю. Я тоже в свое время получил камень в золотой оправе в подарок от одного друга, но никто не мог проследить историю происхождения этого камня, она терялась где-то в горах.

Сегодня советское правительство делает все, чтобы разыскать сокровища, и эти попытки далеко не безнадежны, потому что более половины Кавказа остается еще неизученной. Местным жителям неинтересна своя страна с геологической точки зрения, а для европейцев экспедиции в незнакомые горные районы слишком опасны. Но примечательно то, что когда народу грозит большая опасность, всегда находятся люди, которые неожиданно приходят на помощь с мешками золота или драгоценных камней. Так произошло и в середине прошлого столетия, когда черкесы захотели переселиться в Турцию, но у них не было на это средств, и во время последней революции, когда весь Кавказ утопал в крови.

В горах не любят говорить о сокровищах, а их поиски считаются грехом. Но все же находятся люди, русские или местные, которых охватывает золотая лихорадка, и они всю жизнь проводят в горах в поисках сокровищ. Время от времени их тела находят на дне ущелий.

Мне не известно, остались ли до сих пор в горах люди, знающие тайну. В любом случае, они молчат и не доверяют никому, так как знают, что произойдет, если обнаружатся эти богатства. Тогда горы распро-

щаются со своей свободой, а свобода для них дороже алмазов.

По сравнению с золотом, драгоценными камнями и нефтью, все остальные богатства гор остаются незамеченными, хотя добыть их намного легче: они никем не охраняются и не создают затруднений при перевозке. А их достаточно для того, чтобы Кавказ стал самым богатым регионом в мире. В Дарьяле, у берега Терека, где царица Тамара построила двадцать замков, по числу своих полководцев, в земле покоится серебро. С древних времен там работают рудники и до сих пор они не истощены. Кроме того, в горах есть сера и медь. Если горцы воюют, у них есть свой порох, и они могут изготавливать свои медные пушки. Так что, им не нужна помощь неверных.

В глубоких пластах залегают железо и уголь, цинк и ценная целебная соль. На вершинах гор, на дне высохших горных озер можно добывать йод, которого в мире все еще не хватает. В Бештау и Цхра-жаро в горах бьют минеральные источники, вода которых исцеляет от любой болезни, и даже от любви.

В горах есть и спрятанные сокровища древних султанов. Об этом ходят легенды, поэтому я не буду пересказывать их. Но когда в горах упоминают о богатстве, легенды уже не нужны, потому что факты говорят сами за себя.

Лишь одну легенду я хочу поведать, но она, так сказать, признана официально. Это – история сокровищ озера Эсан. На Кавказе, в отличие от других горных земель, мало озер, поэтому их очень ценят. Самым священным считается озеро Эсан, где собираются мудрецы всех народов.

Десятки лет назад, когда великий Шамиль воевал с русскими, на озере Эсан находилась его сокровищница. Шамиль воевал тридцать лет, тридцать лет был он единственным правителем Дагестана, а его сокровища безмерно приумножались. Тут он заметил, что люди служат ему не ради веры в Аллаха, а ради денег. Собрал он у берега озера своих советников, губернаторов, генералов, придворных и говорил о Всевышнем и его вечных законах. Потом русские пленники принесли огромные ящики из казны, которые один за другим выбрасывались в озеро – сто ящиков с золотом и обработанными драгоценными камнями и триста ящиков с серебром. А имам и его генералы наблюдали за этим, молились и проклинали богатство. Шамиль стал бедным и уверенным в себе, зная, что с этих пор люди будут служить ему не из-за денег. Когда в дальнейшем он потерпел поражение от русских, царю пришлось выплачивать ему пенсию, иначе Шамиль, богатый предводитель, умер бы с голоду. Его сокровища же лежат на дне озера. Местные жители не могут поднять их со дна, а чужаков к озеру не подпускают.

ГЛАВА V

«Раздетый» город

Каждый вечер, когда солнце садилось, а скот возвращался в аул, я шел в мечеть. Но не для того, чтобы молиться, хотя не пропускал ни одной молитвы, а потому что мечеть в Дагестане, как и во всех аулах и городах, заменяла клубы и представляла собой центр духовной жизни. Если кто-то приезжает в аул, где он никого не знает, то идет во двор мечети и представляется самому старшему из присутствующих. Тут он будет сразу же окружен людьми, которые станут проявлять свое безграничное гостеприимство. Не мешает и просто прогуляться по двору мечети. Туда приходят абреки после успешных разбойных вылазок и рассказывают о своих последних подвигах, здесь можно узнать свежие новости страны, городов и вообще всего Востока. Невероятно, как быстро распространяются на Востоке новости через горы и пустыни. Но самое интересное начинается, когда остается узкий круг посвященных для обсуждения проблем, над которыми ломает голову правительство. Кроме того, в эти тихие вечерние часы подробно рассказывается о самых знаменитых и дерзких набегах, чтобы молодежь научилась чему-то дельному, а старики могли спокойно умереть, оставив достойное наследство.

Самая известная и нашумевшая история во время моего пребывания в горах, вызвавшая восхищение и

удивление, была история нападения на Кизляр – современный город с банками и почтой, трехэтажными домами, дорогими магазинами, с полицией и целым полком солдат в качестве постоянного гарнизона.

Для правителей Дагестана в Махачкале это происшествие – сплошная загадка. Они предполагали, что в основе его лежало предательство, и не знали, где искать виновных. И в горах никто ничего конкретного сказать не мог, а просто радовались «великому событию». Только спустя недели, когда искатели приключений появились в горах, можно было вечерами во дворе мечети по секрету услышать от них всю историю. Нам особенно повезло, потому что их предводитель был ближайшим другом Искендерхана и подробно, без хвастовства поведал историю, которую я хочу вам рассказать.

Однажды пришла весть о том, что из России в Кизляр под специальной охраной привезут весь годовой бюджет Дагестана. Деньги должны были остаться в Кизляре несколько дней, а потом отправлены дальше в Махачкалу под усиленным конвоем. Охранять деньги – одна из непростых задач в Дагестане – было поручено командующему местными и правительственными войсками, расквартированными в Кизляре. Такая перевозка денег была безопасной, и даже неожиданное нападение со стороны горцев не представляло угрозы для многочисленного конвоя. Таким образом, деньги были доставлены в город и переданы военным, которые сразу же стали готовиться к поездке в Махачкалу. Денежные перевозки в Дагестане нередки. Само собой разумеется, что между городами, которые не соедине-

ны железной дорогой, транспортировку осуществляют военные. В большинстве случаев достаточно одного патруля, чтобы спокойно преодолеть весь путь. Кроме того, все происходило в абсолютно мирное время, и уже долгие годы охрана денег являлась чистой формальностью. Никакого повода для беспокойства не было. Оба города, как Махачкала, так и Кизляр, считались почти европейскими, и их жители насмешливо улыбались, когда туристы из Европы задавали им вопросы о бандах грабителей. Уже сотни лет Кизляр не слышал выстрелов, разве что во время ежемесячных балов. Только на Востоке могут быть такие противоречия – мирный европейский современный город, а на расстоянии каких-то шести часов езды – глубокое средневековье, подлинный Восток, о котором никто не пишет, который все больше забывается и остается незамеченным. Так что Кизляр был прекрасным городом вблизи гор – гордость нашедших себе там новую родину европейцев.

Незадолго до прибытия денег командующий получил анонимное послание, в котором было написано, что одна многочисленная, недавно организованная банда решила совершить нападение на транспорт. В письме излагались подробности плана. Через два дня после доставки письма к командующему зашел один из знатных местных князей и взволнованно рассказал, что его друзья в горах тоже слышали о готовящейся вылазке и что там ведется основательная подготовка. Тогда полковник задумался. Но когда на следующий день снова пришло анонимное письмо, то он послал в Махачкалу телеграмму с просьбой прислать директивы, которые поступили безотлагательно.

До Махачкалы тоже дошли аналогичные слухи, и правительство распорядилось принять особые меры по обеспечению безопасности при перевозке денег. Казалось, что опасность действительно существовала. Каждые два часа из гор приходили новости: вот уже видели подозрительных всадников, изучающих дорогу, уже рассказывают, что банды разбойников формируют целую армию с пулеметами, пушками и т.д. Волнение усиливалось. В городе заключались пари, будут ли деньги украдены или нет, а полковник становился с каждым часом все тревожнее. Наконец, он решил ехать в Махачкалу не только с усиленной охраной, но и взять с собой всех военных, которые были в его распоряжении, русских и местных, полицию и добровольцев для пущей уверенности. И еще какое-то число местных жителей, жаждущих приключений, вызвалось помочь. Таким образом, обычная перевозка превратилась во впечатляющую военную операцию.

Перед отъездом полковник обратился ко всем с торжественной речью:

– Мы покажем этим бандитам, что не боимся их! Только безумцы могут на нас напасть. Горе тем, кто этого не понял!

– Ура-а-а! – закричали слушатели, осушили бокалы с шампанским и двинулись в путь.

Переход, который обычно длился двадцать четыре часа, растянулся на четыре дня.

Тысячи людей, которые должны были питаться, останавливались в каждом ауле, для того чтобы показать мирному населению невероятную военную мощь, дабы весть о ней разнеслась по горам и нарушила пла-

ны грабителей. Испуганные бандиты действительно не показывались, и экспедиция проходила без происшествий.

– Да они просто трусы, эти щенки, – ворчал полковник, ведь в душе он все-таки надеялся на то, что войдет в Махачкалу победителем после небольшой перестрелки в горах. Но, к сожалению, ничего подобного не происходило. На четвертый день армия вошла в Махачкалу, ей была устроена торжественная встреча, а полковник вел себя как счастливый победитель. Он сразу же телеграфировал о своем успешном прибытии в Кизляр и получил ответную телеграмму с поздравлениями. В тот день он радовался, словно ребенок. Итак, опасная экспедиция завершилась, армия осталась еще пару дней в Махачкале, чтобы отдохнуть, главнокомандующий принял парад, и горы на какое-то время были полностью забыты.

А тем временем произошло следующее: как только армия покинула Кизляр с деньгами, население вернулось к повседневной жизни и напряженно ожидало новостей о военных баталиях. Новости не заставили себя долго ждать. Вечером того же дня на горизонте появились маленькие облачка, которые становились все больше, пока жители не распознали множество, запряженных волами крестьянских повозок, приближающихся к городу. В них можно было разглядеть фигуры людей, одетых в лохмотья, которые издалека были похожи на рыночных торговцев или крестьян-горцев. Телеги медленно въехали в город, доехали до самой большой городской площади и там остановились. Люди молча слезли и, не отвечая на вопросы, стали спо-

койно грабить большие магазины на городской площади, складывая товары в свои повозки. Их предводитель поднялся на повозку и провозгласил, коротко и ясно:

– Город принадлежит нам! Мы возьмем все, что нам понравится!

Так и случилось. Десятерых полицейских, которые остались в городе, быстро обезоружили, штаб заняли, и грабеж проводился беспрепятственно. Не спеша новые господа обыскивали дом за домом, вскрывали сейфы и забирали кассу. Каждый житель города был задержан и препровожден до своего дома, откуда он должен был вынести все ценности. Под конец его раздевали догола и оставляли сидеть в четырех стенах, чтобы он не мешал. Вся одежда была отобрана. Новые правители праздновали свою бескровную победу. Четырех дней хватило для того, чтобы все ценное в городе погрузить на повозки и отправиться в обратный путь. До смерти перепуганные жители даже не пытались противостоять грабителям или бежать за помощью. Что в таком случае с ними сделали бы горцы, им было хорошо известно. Одного взгляда на этих вооруженных до зубов грабителей было достаточно, чтобы понять – это были настоящие абреки. Жители города имели все основания радоваться тому, что остались живы. Кроме того, на этот раз разбойники вели себя довольно порядочно: не надругались над женщинами и даже не убили ни одного русского. Что касается изнасилований, то позже на этой почве возникло множество споров, так как никто не хотел верить в то, что женщины, лишенные одежды, остались нетронутыми,

хотя перед отъездом бандиты установили соответствующий плакат на городской ратуше. Когда на четвертый день из Махачкалы пришла телеграмма от полковника, извещающая об его успешном прибытии, бандиты послали ему от лица всех жителей искреннейшие поздравления и так же размеренно, как и прибыли, стали собираться в обратный путь.

Разграбленный город облегченно вздохнул. Когда полковник со своей армией вернулся, то встретил обезумевших отцов города, закутанных в солому, которые на почте безуспешно пытались соорудить замену похищенному телеграфному аппарату.

Эта история вызвала громкий скандал. Полковника тотчас же уволили, как и всех обезоруженных полицейских. Правительство было вне себя от ярости, газетам запретили писать об этом происшествии. Многочисленные карательные экспедиции долго и безуспешно прочесывали горы. От похищенных вещей и денег не было ни слуху, ни духу. На этот раз люди в горах имели опытных советчиков и смогли замести все следы.

Кто были эти советчики, никто в городе не подозревал, да и в горах ничего конкретного не знали. Вся правда была известна, скорее всего, лишь предводителю грабителей, рассказавшему нам эту историю во дворе мечети. Только спустя годы она стала достоянием общественности.

Через несколько месяцев после нападения в России начались бомбометания, сотни тайных типографий печатали призывы к рабочим, а у царской полиции неожиданно появилось много работы. Никто не мог объяснить причину такой активности «преступ-

ных элементов». Немногие могли разобрать штемпель, который поставил предводитель горцев на плакате у ратуши. Да и сам предводитель не знал, что означает эта печать, ведь он же не мог читать.

Во дворе мечети при тусклом лунном свете он протянул мне маленький, круглый предмет, и я, склонившись над шероховатой поверхностью, расшифровал: «Группа кавказско-коммунистических террористов-активистов, горы Гау».

– Человек, который дал мне эту вещь, – сказал предводитель, – получил половину всей добычи, это была его идея – он великий человек.

В то время я не интересовался «великими людьми» и не знал, что означает «террористы-активисты», и, вернув ему печать, продолжал слушать его разбойничью песню, которую он сам придумал и посвятил «великому человеку», давшему ему печать как талисман в борьбе против русских.

Сегодня я знаю, как и многие, кем был этот человек. Его звали Камо, армянин из Тифлиса, скрытный, жестокий человек, едва умеющий читать, ненавидевший всех и вся, добрую половину своей жизни проведший в каторжных тюрьмах. Только одного человека называл Камо своим другом, грузина, который постоянно переезжал с места на место и устраивал заговоры даже тогда, когда сидел в тюрьме. Именно ему он посвятил свою жизнь, так же как тот посвятил свою жизнь другому великому человеку, жившему на другом конце света, кстати, тоже в горах, в городе Цюрих. От него почти не было вестей, только изредка он писал лаконичные письма с надписью: «Инструкции».

Грузин уже долгое время переживал за великого человека в Цюрихе, который жил там без денег и не мог завершить свой великий труд. Камо не мог позволить, чтобы его друг страдал.

– Камо поможет, – сказал он и направился в горы.

Грузин тоже не бездействовал, он придумал большой план, который должен был одобрить и человек в Цюрихе. Камо должен был найти только предводителя, а тот был честным до мозга костей и разделил добычу ровно пополам. Тревога на какое-то время покинула великих людей в Грузии и Цюрихе. И вновь заработали типографии, снова можно было перевозить через границу пироксилин для подготовки к великим событиям. Сегодня армянин Камо мертв; глупая смерть настигла его, – он попал под трамвай в Тифлисе, когда перебегал площадь, торопясь с поздравлениями во дворец к своему другу, грузину, который тогда уже стал правителем. Великий человек из Цюриха тоже мертв. Только грузин живет сегодня и правит одной шестой частью Земли. Грузина зовут Сталин, а человека из Цюриха, который одобрил план, звали Ленин.

Это - одна из историй, которые можно услышать в лунную ночь во дворе мечети как наставление для молодежи. Люди в горах в то время ничего не знали об этих великих людях, впрочем, так же как и сегодня. Еще меньше знают они о том, какую роль горцы сыграли в подготовке самой большой революции, дав возможность великим людям продолжить свою работу. Они просто горцы, честные и воинственные.

– Если ты струсишь во время набега, то я прогоню тебя прочь, – поют девушки в горах.

– Если ты погибнешь во время набега, то я обрадуюсь, – поют матери.

– Что нам честь и разум, если любимые нас прогонят, – поют воины и становятся абреками, разбойниками, самым уважаемым сословием на Кавказе.

«Абрек живет, как зверь, но возвышен, как ангел» – гласит горская пословица. Некоторые семьи даже считают недостатком, если среди членов их семей нет абреков. Я видел нескольких абреков. Среди них есть князья и крестьяне из разных уголков Кавказа. Все они жизнерадостны и хвастливы, целиком отдаются своему ремеслу и презирают любую власть. Абреки – подлинные рыцари.

Они всегда веселы, смеются и шутят во время боев, невзирая на смерть и проклятия, ищут опасность ради опасности и грабят, чтобы одаривать своих жен. Они горды, никто не может с ними сравниться в этом, разве что жрецы, преданные Богу. Абрек никогда не теряется, может найти выход из любой ситуации, не имеет права сомневаться.

Самым почитаемым абреком, которого я знал, был Замиага. Он был громадного роста, у него была черная борода и при этом руки, которым позавидовал бы любой пианист.

ГЛАВА VI

Кавказская сабля

История рыцаря Замиага, великого воина и еще более великого разбойника, заслуживает того, чтобы быть рассказанной. Это типичный представитель страны гор, которым мог гордиться вымирающий род джигитов – искателей приключений и феодалов. Когда я впервые его увидел, он лежал перед своим замком и пил красное кахетинское вино, которое мог употреблять в большом количестве, не пьянея, из бурдюка, изготовленного из овечьей шкуры. Он презирал правило, предписывающее использовать стаканы для питья, в самом крайнем случае пил из огромного рога.

Если он не пил или не танцевал, значит, продумывал один из своих прославленных набегов, в этом его никто не мог превзойти, или же восхищался вышитой золотом униформой одного флигель-адъютанта. В своем средневековом замке он жил только зиму и часть лета, остальное же время посвящал «работе», которая заключалась в том, чтобы грабить почтовые обозы, идущие из России в Грузию, и устанавливать пошлину купцам и караванам, направляющимся по другую сторону гор.

Ко мне Замиага с самого начала отнесся благосклонно, потому что я всегда выказывал глубокое уважение к нему, что он воспринимал как нечто само со-

бой разумеющееся, часто рассказывал мне о различных подвигах, которые совершали другие воины, но умалчивал о своих. Ему было достаточно славы и легенд, окутывавших его имя. Но его подвиги потеряли свое значение после того, как зарево революции осветило горы. Однажды ему не повезло: он случайно убил какого-то комиссара-коммуниста. За это большевики прозвали его «акулой дагестанской биржи» и удостоили отдельного военного похода. Да-да, дагестанской биржи! Таковой, конечно, не существовало, но так звучал термин. Это было превосходно.

Для того чтобы от него отстали, и дабы восстановить нарушенное политическое равновесие, Замиага убил одного белогвардейского генерала. И теперь «белые» нарекли его «красным палачом Дагестана» и тоже грозили карательной экспедицией.

Полностью скомпрометированный, Замиага попытался возглавить в горах движение за свободу и создать республику, но ему открылась горькая истина: многие племена перешли либо на сторону «белых», либо «красных», а за зеленым знаменем Пророка пошли бы лишь немногие. Так что, Зами ничего не оставалось, кроме как покинуть свой ставший небезопасным замок и бежать в Константинополь, где он надеялся найти достойное применение своим талантам. Но, к сожалению, и тут опоздал, потому что, когда он прибыл в город калифов, тот уже подчинялся англичанам, которые с подозрением относились ко всему, что было связано с калифами. Особенно если связанное с калифом в русской эмигрантской газете называют «красным палачом», и он, возможно, является агентом коммунистов.

Я встретил Зами в Константинополе, на Галатском мосту, когда он в праздничном черкесском костюме, с отделанной золотом саблей на боку продавал эмигрантскую газету, которая его же и оклеветала. Я купил один экземпляр.

– Почему ты не продаешь свою саблю? Лучше же быть сытым и без сабли, чем с саблей продавать газеты, – спросил его я.

Зами только улыбнулся. Нет, он не хотел продавать саблю. Деньги быстро кончатся, и он снова останется на сухом пайке. Он решил повернуться спиной к Востоку, который его больше не ценит, и уехать в Южную Америку. И именно для этого ему нужна была сабля!

– Что ты будешь делать в Южной Америке? – удивился я.

– Там я продам саблю, куплю землю и сделаю из местных дикарей настоящих рыцарей.

Так все и произошло. Однажды ночью на одной тихой, темной припортовой улице Зами ограбил издателя эмигрантской газетенки и уже на следующий день отплывал на огромном корабле. Расплывчатая даль океана поглотила его.

Долгие годы я ничего о нем не слышал. Даже его земляки, которые, вооруженные саблями и кинжалами, жили впроголодь в Стамбуле и делали все, чтобы у запуганных местных жителей не стерлись воспоминания о былой славе седых вершин Кавказа и племенах разбойников, тоже не знали ничего о его судьбе.

Я встретил Зами спустя десять лет в кафе на Потсдамской площади. Однако на нем не было черкесско-

го костюма и отсутствовала сабля. Замиага был одет в модный пиджак в яркую клеточку, волосы уложены в прическу с ровным пробором. Кроме того, он был владельцем четырехместного «Мерседеса». Его водитель носил одно из самых лучших древнерусских имен.

Он помахал мне рукой в желтой перчатке, расцеловал и без церемоний рассказал историю своей головокружительной карьеры или, как он сам выразился, «своего признания на диком Западе». Вот как происходило его восхождение, ведь только дикий кавказец мог выжить среди не менее диких латиноамериканцев.

На таможне выбранной им южноамериканской республики он был задержан пограничниками. Его сабля привлекла всеобщее внимание, потому как ввоз оружия в эту страну был запрещен, а во-вторых, за золотые изделия нужно было платить высокую пошлину. Зами отложил саблю в сторону, сел в кресло чиновника и на своем английском языке со стамбульским акцентом стал обсуждать с южноамериканцами международное таможенное право. Через полчаса Зами вдруг заметил, что его сабля исчезла во время дискуссии, а вместе с ней – и будущая гасиенда, и ведущая роль в политической жизни Южной Америки. Дагестанские воины становятся в таких ситуациях очень темпераментными и склонными к приступам гнева. Зами возмущенно вскочил с места, ударил по столу кулаком и во все горло закричал:

– Ах вы, мошенники! Зами – герой Дагестана. Народы моей страны поручили мне привезти эту саблю вашему славному президенту в знак признания его героизма! У нас почитают воинов, а у вас воруют честь.

Если я сейчас же не получу обратно свою саблю, то я оповещу премьер-министра, и тогда вам не поздоровится.

Эти слова возымели свое действие. Сабля нашлась. Через час Зами уже ехал в люкс-вагоне экспресс-поезда в резиденцию южноамериканского президента. Тут ему не оставалось ничего другого, как подарить свою бесценную и любимую саблю, торжественно вручив ее потрясенному президенту во время заседания парламента, и до поры до времени отложить приобретение столь желанной гасиенды.

Президент не остался в долгу перед посланцем кавказских рыцарей. Зами два месяца жил во дворце главы государства, достойно принимал участие в балах, устраивающихся в его честь, и много рассказывал о славе, которой пользовался президент в Дагестане, хотя в своей стране был не особенно популярен. Потом, через два месяца, Зами был неожиданно и назло всем врагам назначен генералом национальной гвардии, а вскоре после этого ему поручили личную охрану президента. Сегодня Замиага занимает пост главы штаба и является правой рукой президента по военным вопросам. А в Германию он приехал для изучения новых достижений прусской полиции, чтобы затем с пользой применять их в своей стране.

Кавказский рыцарь смог снова завоевать себе место под солнцем. Интересно то, что сам Зами всю эту историю воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Путь от рыцарского замка на Кавказе до торговца газетами в Константинополе, а оттуда во дворец южноамериканского президента дагестанскому рыцарю не кажется длинным.

– А эта сабля досталась тебе по наследству? – спросил я, когда Зами закончил свой рассказ.

– По наследству? – удивился он. – Я нашел ее в одном доме.

– В каком еще доме?

– Мы как-то грабили один аул, и в одном из домов сидел парень, которого я убил и забрал у него саблю. А теперь она висит в музее.

Зами довольно улыбнулся и предложил мне сигарету из своего золотого портсигара.

Такова история Замиага – великого героя. И она не единственная. После большой суматохи в конце войны с Кавказа бежали многие горцы-военные. Но, в отличие от своих русских коллег, они не стали официантами или платными танцорами. У них в крови сидит неистребимая тяга к дворцам и штабам. В Европе, Азии и Африке, везде, где существуют резиденции, солдаты и идут войны, можно встретить смуглых кавказцев, статные фигуры со сверкающими глазами, аристократическими лицами и пластичными движениями. Они льстят власть имущим, ухаживают за их дочерьми и, не задумываясь, проливают свою кровь в пустынях, горах и крепостях, везде, где еще требуются храбрые воины.

Зачем они это делают?

«Для воина умереть в постели большой позор»; «Проливать кровь – большая радость» – гласят пословицы в горах.

Людям, которые и сегодня в это верят, незнакомо слово «препятствие».

ГЛАВА VII

Создатели ароматов

В Дагестане живут не только воины и разбойники. На вершинах неприступных гор, в аулах, в еще не разрушенных рыцарских замках живут жрецы, писари, заклинатели духов и даже артисты, которых здесь, как и везде на Востоке, считают любимцами Аллаха. Артист в горах – это не только поэт, художник или певец. Здесь, в забытых Богом уголках, в грязных хижинах, можно встретить служителей другого вида искусства, которое неизвестно в Европе или не воспринимается как таковое. И все же это последний осколок одного из самых древних видов искусств, известных человечеству.

Представители этой вымирающей профессии не пишут книг, не сочиняют стихов, не боятся никакой критики. Они живут отшельниками в своих тайных мастерских и занимаются в Дагестане, Константинополе и Персии очень благородным делом – делают так, чтобы люди благоухали. А это задача не из легких, по крайней мере, в этом меня уверял один из самых лучших создателей ароматов Дагестана, который с тоской вспоминал о тех временах, когда еще существовали люди, знающие толк в этом искусстве. Этот мастер теперь живет в качестве гостя у одного лезгинского мецената. Так как ему импонировали моя скромность, любознательность и вежливость, он оказал мне честь и

рассказал об основах своего искусства в том виде, в котором его применяли в последний раз только при дворе султана Абдул Гамида в Стамбуле, во дворце Йылдыз-Кешк, что на Босфоре.

Создатель ароматов должен был придумывать и изготавливать для всех людей, а особенно для женщин, подходящий им запах. В Европе этим занимается парикмахер, а в Париже – господин Коти. Но эти люди являются всего лишь жалкими ремесленниками, продающими фабричную продукцию, чтобы почти от всех женщин исходил схожий аромат. Мастер считал это абсолютным варварством. Каждая женщина отличается от другой, а, следовательно, должна быть отмечена своим, присущим лишь ей одной, ароматом.

Как только в гарем Абдул Гамида в Йылдыз-Кешк, в цветочный дворец персидского шаха или в княжеский замок шамхала в Дагестане приводили новую девушку, она должна была, прежде чем предстать перед господином, появиться перед создателем ароматов, единственным человеком, которому было разрешено общаться с ней тет-а-тет. Мастер расспрашивал девушку о ее происхождении, привычках и воспитании, просил ее танцевать, есть, петь, наблюдал за ней со всех сторон, задавал тысячу вопросов, после чего с нахмуренным лбом возвращался в свою лабораторию.

Там он работал, часто в течение многих недель, чтобы выработать несколько капель благоухающей эссенции, с помощью которой девушка должна была отличаться от других женщин.

Эти духи должны были проявить скрытые черты ее характера, а также подчеркнуть или прикрыть осо-

бенности ее тела, как того требуют вдохновение мастера и правила искусства создания ароматов. Лезгинская девушка-дикарка получала резкий, терпкий запах, а утонченная принцесса – нежный сладкий аромат или в контраст к ее утонченности – какой-либо сильный запах. Решающими были внешний облик девушки, ее фигура, походка, движения, вдохновлявшие мастера. Иногда, если у девушки был особый нрав, то требовалась помощь опытных евнухов, а в особо сложных случаях, например, если речь шла о европейке, то приходилось даже потревожить самого правителя. Так что, девушка сначала приобретала свой аромат, а потом уже отправлялась к парикмахеру, гримеру и в последнюю очередь попадала к евнухам, специалистам по одежде и украшениям для нанесения последнего штриха. Красивая девушка была в глазах создателя ароматов вроде принесенного ему природного сырья для создания дамы из гарема, дорогим материалом, в обработке которого он играл решающую роль. Одежда, украшения и даже краски были, по его мнению, лишь второстепенной деталью. Особенно одежду считал он временным футляром для его произведения. Самое важное для него – верно подобранный аромат, который будет ощущать правитель в минуты наслаждения. Если он правильно сделал свое дело, то на следующий день довольный господин наполнит его кошелек золотом.

Использование духов пришло к нам с Востока и является древнейшей культурной традицией человечества. Нигде больше в мире не поддерживали ее лучше, чем в лабораториях древних парфюмеров.

Одной из ветвей этого искусства является создание духов для мужчин. Здесь следуют другим правилам. От воина должен исходить запах, придающий смелость ему и сбивающий с толку его врага. С этой целью изготавливают резкие духи из чеснока и других сильно пахнущих ингредиентов и раздают воинам. Люди смазывают перед боем свое тело и лицо этим средством, а его одурманивающий запах, как утверждал мастер, притуплял у воинов чувство страха и лишал рассудка противника. Но изготовлением духов для воинов мастер почти не занимался. На первом плане для него стояли женщины, им было предназначено его творчество.

Женщины, воины – все это преходящее, человек быстро забывает их. После их смерти ничто больше не напоминает об искусстве мастера, подлинный мастер творит для вечности. Так что, мастер посвящал себя книгам, к которым нужно относиться как к женщинам. Книга должна благоухать, одно ее содержание должно опьянять читателя. Автор, иллюстратор, каллиграф и создатель ароматов принимают равное участие в ее создании. Найти нужный запах для книги – весьма непростая задача. Задумчиво перелистывает мастер только что изданный сборник. Он раздумывает, заглядывает в книги старых мастеров, советуется с автором и иллюстратором и требует внести поправки в книгу. Только потом постепенно начинает работу, сравнимую с работой поэта.

Книга всегда будет нести в себе вместе с творчеством автора и искусство создателя ароматов. Аромат определяет содержание книги, он должен гармонировать с обложкой и шрифтом.

– От книги должен исходить аромат, – говорил мне мастер. – Старинные трактаты, написанные изящным шрифтом, должны бодрить своим ароматом, чтобы уставший читатель не заснул и добрым словом вспомнил мастера.

В настоящее время это искусство угасло, девушки и книги не благоухают соответственно своему содержанию. Их владельцы лишь изредка вспоминают о чудесных временах мудрых каллиграфов, евнухов и создателей ароматов.

Последние мастера этого искусства живут в замках Дагестана, в Турции и Персии. Они рассказывают свои истории, в которые уже мало кто верит, и презирают фабриканта Коти, уничтожившего их возвышенное искусство.

ГЛАВА VIII

Любовь

Восточный человек нерешителен и скромен в любви.

– Он не знает, что такое любовь, – говорит европеец. – Восточный человек женщину покупает, она для него рабочая скотина, которую он не имеет права видеть до брака. Как же он может любить ее?

На Востоке нет любви, утверждает европеец, в это он верит и пишет статьи на эту тему, пытается бороться с восточным варварством и презирает людей, которые не испытывают чувств к женщине. Он прав, так как приезжая в мягком салоне на Восток, видит бордели, где у женщин на груди висят таблички с ценами, видит замужних женщин, укутанных в чадру и приобретенных мужьями за деньги. Он не слышит признаний в любви, не видит страданий от любви, не видит, чтобы какой-то мужчина приветливо помахал рукой своей жене при всех, или заботливых жен вокруг мужчин. Он не видит сцен любви, нежностей, клятв в вечной любви, слез и поцелуев. Он встречает только женщин в чадре и мужчин, которые на вопрос о местонахождении их жен, коротко и ясно отвечают:

– Что поделаешь, тяжелая доля у скотины.

Так что, западный человек уверен, что людям на Востоке любовь не знакома, в лучшем случае, они спо-

собны чувствовать на самом низменном уровне. Но он заблуждается. Любовь на Востоке существует. Ее выражения разностороннее и богаче, чем у европейца, и недоступны Западу, как Кааба в Мекке. Он не может потрогать ее руками, потому и не может в нее поверить. А может не хочет? Каждый ориенталист, который приезжает на Запад в мягком салоне скорого поезда, в свою очередь, утверждает:

– На Западе нет любви, там господствуют только низменные страсти.

Слишком сильна граница, разделяющая любовь на Западе и Востоке, очень уж по-разному горит огонь любви, по-разному звучат слова нежности, произносимые дрожащим голосом.

На Востоке существует единый, общепризнанный любовный ритуал. От Марокко до самых ворот Китая одинаково влюбляются, одинаково ухаживают и признаются в любви. Это делают везде – на улице, в гостях, в саду и на торжествах. Все видят эти знаки любви и узнают их. Только чужакам они непонятны.

Но этот древний вид отношений постепенно отмирает. Запад побеждает. Только в немногих областях еще встречаются древние обычаи, древние сцены любви. Они до сих пор господствуют в Северной Африке, Туркестане, оазисах Персии и прежде всего на Кавказе, в горах, которые хранят все и не хотят перенимать даже самую малость от Запада.

Любовь восточного человека начинается у маленького родника в ауле или у большого струящегося городского фонтана. Начинается она совсем не романтично. Каждый вечер девушки с кувшином для воды

направляются к роднику. Идут одни, без евнухов и без пожилых женщин. Те знают, – у родников зарождается любовь. Недалеко от родников собираются молодые люди, они не обращают внимания на проходящих мимо девушек, говорят о войнах и разбое или рассказывают друг другу анекдоты. Девушки не торопясь набирают воду, потом возвращаются намеренно медленной походкой. Кувшин очень тяжелый, он наполнен водой до краев. Для того чтобы не споткнуться, девушки откидывают с лица чадру и скромно опускают глаза. Каждый вечер ходят девушки к роднику, каждый вечер собираются на площади молодые люди и рассуждают о войне и мире. Случайно, совершенно случайно поднимает одна из девушек глаза и бросает взгляд на мужчин. Они этого не замечают. Только когда девушка возвращается, один из них поворачивается и смотрит на небо. Иногда его взгляд встречается с взглядом девушки, а иногда нет. В этом случае на следующий вечер на его месте сидит уже другой юноша, чтобы тоже попытать свое счастье. Если взгляды молодых людей несколько раз пересеклись у родника, то понятно, к чему все идет.

У мужчины есть три пути: он либо посылает почтенных людей к отцу девушки, чтобы те торговались о цене выкупа за нее, либо готовится совершить разбойное нападение, чтобы добыть денег. Если же он не хочет ни того, ни другого, а его любовь взаимна, то он похищает девушку и, пока ее отец не нагнал их, бежит к местному князю и просит у него убежища.

Князь почитает за честь предоставить кров беглецам, он должен защищать их, принять у себя и, как

только утихнет гнев родителей, пойти к ним в дом и свататься за юношу, как за собственного сына.

Есть еще и четвертый выход, который избирает молодой человек, когда взгляд девушки не хочет пересекаться с его взглядом. Но об этом будет рассказано ниже.

Молодой человек не сразу принимается за дело. Объяснений в любви взглядами, даже если это продолжается несколько месяцев, недостаточно для действий. Переглядыванием у родника заплетается первая ниточка. Позднее это безмолвное объяснение осторожно продолжается в другом виде. В гостях, на пиршествах и свадьбах обычно встречается молодежь, юноши и девушки, не прикрытые чадрой, сидят в разных углах комнаты.

И здесь они не разговаривают друг с другом, а только перекидываются взглядами. Затем начинаются танцы. Сначала мужчины танцуют свой воинственный танец, а потом и женщины встают, чтобы показать свою грацию.

Неожиданно вскакивает один из юношей, заказывает танец горцев и, танцуя, приближается к ряду девушек, какое-то время танцует около всех, потом, наконец, кланяется своей избраннице, которую он уже хорошо знал через безмолвный язык влюбленных. И тут начинается знаменитый кавказский танец любви, эротичный и страстный, пластичный и воинственный, неописуемо дикий и содержательный. Его может танцевать только одна пара, остальные должны ждать, когда наступит их черед.

Во время танца, торжеств, у родника молодые не имеют права разговаривать друг с другом. А слова и

не нужны, – что можно сказать возлюбленной, когда сотни ушей подслушивают разговор. Лучше молчать, есть много способов безмолвного объяснения.

В жаркие летние дни, когда аулы словно вымирают, парочка встречается на улице или вечером в саду, когда все спят. Многие недели сидит влюбленный в одно и то же время где-то в укромном месте и часами ждет свою возлюбленную. Однажды она узнает, где он ее ждет, придет к нему, сядет далеко и начнется беседа, которая должна быть интересной. Юноша должен рассказать какую-нибудь сказку или старую историю, в которой содержался бы намек на то, что он хочет. Но его слова должны звучать абсолютно безобидно, чтобы те, кто может их подслушивать, не распространяли потом всякие нелепицы.

Эта беседа является заключительной фазой ухаживания, после должно последовать предложение руки и сердца, а вслед за ним и многочисленные, сложные и продолжительные церемонии восточной свадьбы.

На Кавказе это происходит следующим образом. Сначала должен быть установлен калым – плата за невесту, деньги, которые жених должен заплатить отцу невесты, что может вызвать у европейцев впечатление, что за женщину торгуются как за домашнее животное. Хотя нужно отметить, что такой обычай приличнее, чем обычай покупки мужчины в Европе, как его называют люди на Востоке, за приданое жены.

По восточной традиции, ребенок является собственностью мужчины. Размер калыма всегда сильно разнится и зависит от состоятельности мужчины и красоты женщины.

Только недавно правительство Дагестана установило конкретную сумму, которую нужно платить за жену. Кодекс по этому вопросу очень подробный, содержит множество подпунктов и был разработан специальной комиссией, состоящей из профессионалов и духовных лиц, в результате длительного труда. По этому кодексу женщины делились на многие группы: уродливые, средние, красивые, очень красивые и сказочно красивые, а также на целомудренных и потерявших невинность. Принадлежность девушек к той или иной категории определяет специальная комиссия, что, в свою очередь, заверяется местными властями. Цены за невинных девушек доходят до двух тысяч марок. Несколько пфеннигов, как символическая сумма, платят за потерявшую невинность. Минимальная цена за девственницу – пятьсот марок. По мнению специалистов, во столько обходятся уход и воспитание девушки до достижения брачного возраста, остальное – доплата за красоту. Прежняя доплата за высокое происхождение была отменена демократическим правительством. Оплата в рассрочку разрешена в зависимости от возраста. О цене договариваются доверенные жениха. Отклонение предложения является неслыханным оскорблением, но все же у отца невесты, который не хочет давать согласия на этот союз, есть возможность сделать это тактично, назвав непомерно высокую плату за дочь.

Когда калым установлен, в ауле начинаются свадебные пиршества. Неделями продолжается праздник, на котором не присутствуют ни жених, ни невеста. Перед свадьбой жених переезжает к своему другу,

живет, уединившись, у него в доме, никого не принимая, и мечтает о любви. Ночью его тайком (хотя все об этом знают) на несколько часов посещает невеста. Старейшинами это разрешено, чтобы молодые еще до свадьбы узнали друг друга лучше, смогут ли они жить вместе, не совершают ли ошибку. Но на этом свидании обязательно должно присутствовать третье лицо и наблюдать за обоими, чтобы при необходимости прервать рандеву. Свободных браков в горах не существует.

За несколько дней до свадьбы эти свидания прекращаются. У женщины теперь много дел, нужно собирать приданое, которое на Востоке включает в себя деньги, одежду, украшения, которые дарятся в день свадьбы родственникам жениха. Каждый из них получает подарок и должен преподнести ответный дар. Подарки родственников принадлежат женщине, но самый дорогой подарок, который будет отдан только после свадьбы, должен сделать ей муж. Его стоимость определяется заранее, и здесь также допускается оплата в рассрочку. Если женщина очень любит мужчину, то она может через несколько дней после свадьбы в присутствии свидетелей отказаться от дара. И это отличает ее мужчину от других, так как этот подарок является как бы компенсацией за боли, которые испытывает женщина во время первой ночи. Вдовы и женщины, потерявшие невинность, не получают такого подарка.

За день до свадьбы, то есть в день, предшествующий брачной ночи, молодые не видятся. По мнению восточных людей, мужчине вредно видеть невесту в

день свадьбы. Утверждается, что тогда в самый ответственный момент его может покинуть мужская сила. Невесту, закутанную с головы до пят, забирают вооруженные друзья жениха. В праздничном помещении ее ожидает жених. Их разделяет лишь тонкий занавес и их пальцы касаются, а мулла задает привычные вопросы. Последний вопрос муллы звучит так:

– Способен ли ты быть мужем этой женщины?

После того как жених отвечает: – Да, – обычно какая-нибудь старушка начинает произносить заклинания, направленные против врагов жениха. Если же кто-то в тот момент, когда он произносит «да», вынимает свой кинжал из ножен и шепчет:

– Неправда, он на это не способен, – то жених лишается мужской силы на год.

Лишение мужской силы путем заговора является в горах излюбленной формой мести. Существует множество заклинаний и магических средств, которые применяются в таких случаях. Кроме того, есть люди, которые этим занимаются, составляют и продают эти заклинания. Так что, опасения друзей жениха вполне оправданны. Сразу же после бракосочетания новобрачные разлучаются: невеста проводит время со своей родней, а жених – с друзьями, они празднуют отдельно. По окончании торжества невеста ожидает жениха в брачных покоях. Но не так уж просто жениху туда проникнуть – у каждой двери его поджидают замаскированные фигуры и преграждают вход. Только после того, как он платит деньги, его пропускают дальше, но и в самой спальне его подстерегают неожиданности. То это какая-то старуха, которая расположилась на ди-

ване и не уходит, пока не получит свое вознаграждение, то дюжина кошек или кур, которых друзья жениха подкинули в комнату, и т. п.

И лишь когда все нарушители спокойствия обезврежены, жених может войти в спальню, и начинается самая сложная, длительная часть свадебной церемонии – раздевание невесты. Об этом обычае следует рассказать отдельно. На Кавказе еще с древних времен существует стойкий идеал красоты, не подвергшийся никаким изменениям – стройные линии, то, что Европа открыла только в последние годы. Все средства, которые использует европейская женщина с целью сохранения стройности, на Кавказе известны издавна. Женщины на Кавказе физически закаляются, неделями не пьют воды, не едят сладостей, и все это ради стройности фигуры.

В отличие от других восточных людей, которые оценивают красоту женщин часто по упитанности, кавказцы ценят в них тонкость талии, грудь, которая может поместиться в ладони, и плечи, равные по ширине бедрам.

С малых лет женщины Кавказа носят тугой корсет из тонкой сафьяновой кожи, который снимают только во время купания. Избавиться от него они имеют право лишь в брачную ночь. Этот сафьяновый корсет выполняет ту же роль, что зажимы на ногах у китайцев, он формирует тело. Кавказская женщина остается всегда стройной, худой, и самой большой похвалой для нее являются слова, которые она слышит в свой адрес вот уже столетия:

– Ты тонкая, словно доска!

Сафьяновый корсет держится на шнуровках и завязывается сложнейшими узлами, которые очень трудно развязать. В основном это делают сами женщины, но в первую брачную ночь – это задача жениха. Женщина не имеет права ему помогать. Разрезать узлы ножом тоже нельзя. Это было бы позором, если бы в брачную ночь ему не хватило бы самообладания, и он перерезал шнуровки. Более того, на следующее утро к нему приходят друзья, чтобы посмотреть на развязанные узлы.

Но и на раздевании невесты свадебные церемонии не заканчиваются. Вокруг брачных покоев, у стен, окон стоят друзья жениха в почетном карауле. Если новобрачные совсем молоды, то они даже иногда забираются на крышу дома и бросают в комнату через дымоход кошек, кур, деньги и еду. Жених должен тогда открыть окно, все эти предметы выкинуть обратно и при этом не грубить друзьям. Только после настойчивых просьб они оставляют его в покое. После этого наступает самый ответственный момент всего праздника, которого ждут друзья и гости. В тот момент, когда мужчина удостоверился в невинности своей невесты, он берет пистолет и стреляет в воздух. Тотчас же начинает стрелять его почетный караул, который находится поблизости. Стрельба продолжается до самого утра. Утром молодожены переезжают в дом одного из друзей и проводят там медовый месяц. Никто не имеет права им мешать, и они не должны показываться на людях. Почетный караул не выпускает их.

В некоторых областях до сих пор существует традиция, по которой невеста после медового месяца воз-

вращается в дом родителей на два года и принимает мужа от случая к случаю. Только по истечении этого срока, во время которого мужчина обзаводится собственным жильем, начинается настоящая супружеская жизнь. Эти браки, которые сильно отличаются от европейских, очень редко бывают несчастливыми. Они строятся на традициях, которые предусматривают все, что может помешать союзу, и делают восточные браки самыми счастливыми в мире, вопреки точке зрения востоковедов. Восточные люди – семейные люди.

Основа брака в горах – отсутствие проблемы с тещею. По древней традиции, которая и сегодня распространена во многих областях, мужчина не имеет права видеть свою тещу в течение первых двадцати лет супружества. Теща не может входить в его дом, а если где-то его случайно встретит, то должна сразу же уйти. Свидания с дочерью тоже сильно осложнены. Только мужчины из семьи жены могут беспрепятственно входить в дом к новобрачным, они отвечают перед мужем за верность жены. Если жена неверна, то ее наказывает не муж, а отец или брат, потому что именно они виноваты в том, что плохо воспитали ее, и должны теперь совершить кровную месть.

Но супружеская измена – случай очень редкий, так же как ссоры и скандалы, хотя хорошим тоном считается пожаловаться на своего мужа или жену, чтобы злые духи им не позавидовали. Восточный человек остается в браке таким же, как и во времена сватовства, у родников, когда его взгляд впервые встретился с взглядом будущей жены. Его любовь нежна, мягок и нежен он по отношению к жене, его счастье не выставляется

напоказ. Он не хвастается своей супругой, не говорит о ней и рассматривает как бестактность, когда его спрашивают о ее местонахождении. Он тогда обрывает грубо, чтобы избежать дальнейших расспросов. Только когда он наедине с ней, один в своем «гареме», куда никто, кроме него, не имеет доступа, проявляется его внутренний мир. Он садится к ногам своей жены, гладит ее руки, нежно смотрит на нее, слушает песни и рассказывает ей сказки. Он не отваживается ее поцеловать и даже обнять, но женщина знает, что муж ее желает. Она должна первая склониться над ним. По ночам он не идет к ней, когда у него проснется желание, ждет под ее окном или перед дверью и так долго будет петь песни или шептать нежности, пока она тихим посвистыванием не даст знать, что сегодня согласна принять его. Муж никогда не рискнет потребовать исполнения супружеского долга. Часто проходят месяцы, а жена его не принимает. Тогда он терпеливо ждет. Жена впускает мужа, когда захочет, а он всегда готов.

Мужчина знает, - жена нужна не только для ночей, слишком много у нее забот в течение дня, когда она поет песни, позволяет гладить себе руки и улыбается своему мужу. Но когда женщина рожает сына – восточный мужчина становится полным подкаблучником, а женщина – его госпожой. Он не имеет права вмешиваться в воспитание детей, должен исполнять любое ее желание и спокойно ждать, пока дети вырастут и будут принадлежать ему.

Восточный человек не любит выставлять напоказ свою любовь к жене и детям, это считается глупым хвастовством, недостойным настоящего мужчины. Лю-

бовь – не публичный спектакль, который разыгрывают перед всеми. В присутствии постороннего восточный человек сдержан со своей женой и детьми, но не из-за высокомерия, а от смущения, стыдливости и страха, что посторонний может осмеять его чувства. Если кто-то увидит его случайно за игрой с детьми, или как он помогает жене по дому, то должен сделать вид, что ничего не заметил, иначе тот чувствует себя опозоренным, словно его увидели обнаженным на улице. Даже самый суровый воин сильно смущается, если посторонний человек увидит, как он проявляет свои чувства, теряется, не знает, как себя вести, и опускает глаза, как мальчишка, которого застали за запрещенным занятием. Это чувство стыда рождается из-за большой любви, великой нежности, открытости его души и глубоких чувств, на которых строится вся его личная жизнь.

Вот почему восточному человеку не понятна западная любовь. Он никогда не поймет, как можно выходить на публику со своей женой. Принимать гостей вместе с ней – также для него недопустимо! Гость на Востоке приходит либо к мужчине, либо к женщине, никогда к обоим сразу. Супруги не выходят вместе и не любят показываться где-то вместе. Любовь для восточного человека – дело очень деликатное, личное, без участия третьего лица. А если кто-то и увидит то, что ему не полагалось видеть, то он должен сказать себе слова великого поэта Гёте:

– Я это видел, но это неправда!

Но не всегда все в любви протекает гладко, здесь тоже бывают соперники, несчастливая любовь, препятствия к заключению брака, ненависть и предательс-

тво. Иногда уже у родников начинаются любовные страдания, например, если девушка упорно не реагирует на взгляды мужчины. Тогда настоящему мужчине остается только один выход – похитить девушку (о похищении с согласия невесты мы упоминали выше), увезти ее в соседний аул и силой овладеть ею. По закону гор после этого девушка должна выйти за него замуж. Похищение невесты считается самой романтической традицией в горах, происходит по отработанной схеме и с напряжением наблюдается всем народом.

Вечером у родника совершается похищение. При поддержке своих друзей парень набрасывается на девушку, накидывает мешок ей на голову и бросает в седло. Раздаются выстрелы, даже если ничто не мешает совершению разбоя, слышится лошадиный топот, а иногда можно услышать пронзительный крик девушки.

Ее родственники сразу же начинают преследовать похитителя. Если они настигнут его, то могут безнаказанно убить, так же как и всех сопровождающих. Но в большинстве случаев похитителю удается найти в горах какое-нибудь гнездышко, которое охраняют его друзья.

Но семья похищенной сдается не скоро. Проходит как минимум год, пока родственники соглашаются на примирение с темпераментным влюбленным, который вместе с женой (свадьба не празднуется) может вернуться в родные места. После вынужденной выдачи молодые обязаны пожениться, но в этом случае женщине довольно легко развестись с мужем.

Вообще, разводы здесь не проблема, но случаются очень редко и всегда за счет мужчины. Даже если раз-

вод происходит из-за женщины, мужчина должен щедро вознаградить бывшую жену.

Супружеская измена не является причиной развода, скорее – кровной мести. Сначала убивают любовника. Это делает муж – это его долг. Его жену наказывают ее родственники, как правило, они сразу убивают женщину. Только если женщина невиновна в измене, а была изнасилована, она остается безнаказанной. Тогда насильника приводят к ней связанного, и она должна зарезать преступника в присутствии мужа.

Но убийство не является самой страшной карой за совершенное преступление. Существует гораздо худшее наказание. Оскорбленный должен ночью напасть на своего врага, связать и снять с него штаны. Их он вешает потом на ворота его дома так, чтобы все видели. Это считается самым сильным оскорблением. Его не смыть даже кровью. Человек, лишившийся своих брюк, заканчивает жизнь самоубийством или навечно покидает родину. Даже на чужбине ему приходится жить под чужим именем и скрываться от земляков, поэтому чаще всего он выбирает самоубийство.

Самое большое препятствие для влюбленных – их близкое или дальнее родство. В среднем у каждого кавказца до пятисот родственников, живущих в его деревне или по соседству. Так что почти все молодые люди, которые попадают в поле зрения девушек, приходятся родственниками. А по закону на Кавказе брак между даже самыми дальними родственниками запрещен. В таком случае влюбленным остается только покинуть родину и поселиться там, где никто не знает об их родстве. Такое случается редко, но если об этом становится известно, то это вызывает скандал.

Бедность не является препятствием для брака. Никто не женится на женщине только из-за денег, потому что она не приносит приданое мужчине. Он не имеет права прикасаться к личным вещам жены. Женщина, которая доверяет свое приданое мужу, становится объектом насмешек. Если жених настолько беден, что не в состоянии заплатить калым и по каким-либо причинам не может совершить разбой, то сотни его родственников собирают для него необходимую сумму. А если и это ему не удается, то он обращается к князю, потому что тот обязан дать денег. Но и родственники, и князь помогают только в том случае, если калым не превышает традиционной суммы. Иначе может произойти так, что отец невесты, как уже было сказано выше, просто пытается таким образом отклонить предложение.

И в заключение еще одно маленькое разочарование для читателей: на Кавказе нет гаремов. Многоженство разрешено законом, но почти нигде не встречается. Даже если у кого-то много официальных жен, то они всегда живут в отдельных домах, а чаще всего – в разных аулах. Только очень богатые и пожилые мужчины могут позволить себе больше одной жены, да и то лишь с полного согласия или даже по желанию первой.

Таким образом, кавказскую женщину ни в коем случае нельзя считать униженной заложницей гарема. Она свободна и самостоятельна в своих решениях, госпожа своего мужа и детей, то есть счастливейшая женщина в мире. Однако ее красота и любовь имеют и свои оборотные стороны. Об этом разговор пойдет в следующей главе.

ГЛАВА IX

Работорговля

В древности Кавказ в силу многих причин был центром работорговли на Востоке. Многочисленными нитями связаны горы с рынками рабов и не только на Востоке. Работорговля имеет тысячелетнюю историю и традиции, умеет скрываться под различными масками и может без труда провести даже самого опытного полицейского. Сегодня рабами торгуют подпольно. Не только путешественнику-европейцу, но и жителям Востока ничего не известно об этом. О ней невозможно узнать, даже если работорговец живет по соседству. И все же она процветает, как никогда, в насмешку над теми, кто с ней борется, имеет разветвленную организованную сеть, представлена тайными обществами, сумев так одурачить людей, что и европейцы, и ориенталисты улыбаются при слове работорговля, уверенные в том, что ее уже давно не существует. Я бы хотел поведать кое-что об истории работорговли, которой «давно уже не существует».

Кавказцы очень красивы, красивы и бедны, и так было всегда – это их судьба. С востока и запада их притесняли армии двух могущественных властителей, султана и шаха, а позже к ним присоединились Россия с севера и Азербайджан с юга. Эти армии вторгались в долины Кавказа, в аулы и разоряли города. Там, где

проходили войска Запада и Востока, оставалась только пустыня. Враги не щадили никого, ведь в их планы не входило поселиться в здешних местах. Слишком уж бедными казались им горы, чтобы обосновываться там.

Местные князья и правители защищали свою страну, настраивали султана и шаха друг против друга, но, в конце концов, вынуждены были признать власть одного из этих правителей, а тот облагал их данью.

Чем могли платить эти страны? Большинство местных жителей не имели ни малейшего понятия о деньгах. Скотину, которая приравнивалась здесь к деньгам, правитель не признавал, слишком он был аристократичен для этого. Только одним богатством обладали горы – красивые дети, они и стали той самой данью. Каждый год из Стамбула в страны, платящие дань Турции, приезжал гонец и привозил длинный, подробный список пожеланий. Там было описание девушек, которые в этот раз требовались на Босфоре, составленное вельможами с богатым воображением. Описывалась каждая часть тела девушки. И кавказские князья вынуждены были организовывать набеги на своих подданных или соседей в поисках этих девушек, которые в дальнейшем попадали в турецкие гаремы. Кроме того, князьям приходилось раз в год набирать такое же количество юношей в качестве подарка другому властителю – персидскому шаху. Перс не любил девушек, он требовал молодых парней для развлечений. Причем они должны были быть доставлены шаху в виде подарка, в знак почтения. Если этого не происходило, то перс нападал на страну и сам забирал свой дар. Все это происходило на всех территориях Кавка-

за, которые платили дань шаху. Туда ежегодно приезжали гонцы со списком, в котором юнцы описывались так же подробно, как и девушки из султанского списка. Князья принимали их, почтительно целовали послание шаха, выполняли его пожелания. Это продолжалось из года в год. Поэтому нет ничего удивительного в том, что чуть ли не в каждой благородной семье Востока течет кавказская кровь.

Все это – не картины из далекого прошлого. Даже когда Европа покрылась густой сетью железных дорог, на Кавказ все еще прибывали гонцы из Стамбула и Тегерана, собирая дань в виде красивых девушек и юношей.

Всего лишь восемьдесят лет назад был отменен последний указ о торговле живым товаром. До тех пор все шло по проторенной дорожке. Но только после этого началась настоящая работорговля. Под давлением России выплата дани живым товаром была упразднена, но спрос на кавказских юношей и девушек в восточных гаремах не уменьшался, а желания должны были удовлетворяться. Из Турции и Персии прибывали хитрые евнухи к кавказским князьям. Как только русский генерал, приставленный советником к князю, отворачивался, гонцы сразу же доставали свои кошельки, и глаза князя загорались от жадности. После этого нукеры, прислужники князя, скакали по стране и привозили товар, который князь теперь «по-дружески» продавал султану и шаху. Торговля людьми процветала, богатства князя приумножались. Последний правитель Мингрелии продал живой товар в Турцию за миллион фунтов – фантастическую по тем временам сумму.

Но и этого ему было мало – он стал разводить красивых девушек подобно тому, как в Европе разводят лошадей. Видных мужчин сводили с красивыми женщинами, и те получали проценты от дохода, который приносило полученное потомство. Соседние князья также следовали его примеру, а иногда даже не гнушались выступать в роли самцов-производителей на своих «фабриках». Князья зарабатывали на этой подпольной форме торговли людьми больше, чем когда-либо, потому что получали деньги за то, что раньше должны были отдавать даром. Однако так не могло продолжаться долго, русские генералы вскоре узнали об источниках обогащения своих подопечных. Только они не решались доложить об этом царю. Царь был дружен со многими князьями, ведь они, так же как и он, были вельможами, а значит, – его кузенами.

Все решилось и без вмешательства царя, неожиданно пошла тенденция упразднения княжеской власти – их роскошные мундиры увешивали орденами, выплачивали им огромную пенсию и навсегда делали придворными царя. Нельзя было допустить скандала, никто в Европе не должен был узнать, что протеже русских, в основном христиане, занимаются торговлей людьми. Самыми крупными работорговцами были князья христианской Грузии.

Конечно же, вина лежала не только на князьях. Что они могли поделать, если их подданные обладали самими прекрасными девушками в мире? Они не знали, что еще можно было экспортировать, и не понимали, почему работорговля запрещалась, искренне удивляясь, когда у старых, видавших виды русских генералов волосы вставали дыбом от негодования.

За сорок лет до революции последний правящий кавказский князь отрекся от своего титула. Но тем, кто надеялся, что это приведет к окончательному прекращению работорговли, пришлось сильно разочароваться. Напротив, она приобрела новый размах. То, что не смогли сделать ни султан, ни шах, ни даже местные князья, удалось сделать частному капиталу. Работорговля обрела вид серьезного предприятия и планомерно развивалась. Капиталисты не вели хищническую эксплуатацию, они вкладывали деньги в свое предприятие и научились извлекать выгоду из конъюнктуры.

Русское колониальное правление на только что завоеванном Кавказе ограничивалось контролем только в городах. То, что происходило в аулах и деревнях, никого не интересовало.

Русские чиновники объезжали страну в определенные дни, собирали налоги и возвращались в город. Только если где-то не был выплачен налог, туда высылалась карательная экспедиция.

Отныне доверенные лица работорговцев совершали объезд по деревням и аулам до сборщиков налогов, выбирали самых красивых детей, договаривались о цене, которая в основном равнялась стоимости налога, и заключали договор, по которому девушка переходила на службу к покупателю. В каждый аул или деревню наведывались один раз в несколько лет, чтобы новое поколение успело подрасти. Раз в год на берегу Черного моря собирались торговцы девушками, а на берегу Каспийского – торговцы юношами. Они тихо вступали на борт, и происходила хорошо организованная кон-

трабандная перевозка. Торговцы были очень осторожны, ведь за работорговлю им грозила каторга в Сибирь. Но в основном все предприятие было довольно безопасным, потому что рабы хорошо знали, что в рабстве их ожидает лучшая доля, чем в родных аулах. Те немногие девушки, которые все-таки протестовали (большинство из них было слишком молоды для этого), в целях предосторожности просто отпускались на свободу, хотя цена на других девушек соответственно возрастала. С кавказскими девушками в турецких гаремах всегда обращались очень хорошо, так что дело редко доходило до скандалов. Но в этих случаях грозило суровое наказание, русское колониальное правительство было беспощадно к работорговцам. Здесь нельзя было отделаться подкупом – работорговцев жестоко избивали и приговаривали к пожизненному заключению.

Больше всего страдали покупатели, потому что цены на живой товар все время росли. Торговля от этого не страдала, население тоже, ведь то, что раньше князья и султаны забирали бесплатно, теперь честно оплачивалось. Кстати, в работорговлю были вовлечены не все племена Кавказа. Решающим фактором была красота местных девушек и нравы жителей. Некоторые горные племена не продавали своих детей. У некоторых торговцы даже не осмеливались об этом спрашивать. Самыми хорошими рынками считались Мингрелия, Абхазия и Аджария. Там живут самые красивые девушки Кавказа, а христианское население воспитано сначала князьями, а потом и работорговцами так, что видит в своих дочерях защиту от любой напасти.

Рассказывают, и в это легко поверить, что в 1918 году, когда германские подразделения стояли на подступах к этим странам, к границам были посланы самые красивые девушки от каждой деревни в сопровождении делегации старейшин с обращением в немецкий штаб. Аксакалы обратились к немцам с речью, в которой говорилось, что они испокон веков чтят свой долг перед завоевателями, умоляют признать старинный обычай и определить им налог в виде девушек. Возможно, впервые за всю свою колониальную историю немцы не знали, что ответить. Должны ли они в этом случае уважать традиции древней страны? Но они этого не сделали и отослали девушек восвояси. Так, во всяком случае, рассказывают на Кавказе.

Позже, когда Кавказ стал коммунистическим, еще находились люди, предлагавшие новой власти своих девушек, правда, с тем успехом, что все девушки попадали в агитаторские школы Третьего Интернационала. Но на этом работорговля не прекратилась. Лишь в высокогорных районах, где и раньше девушек не продавали, а скорее похищали, ее практически не существовало.

На Кавказе, помимо рабов на экспорт, существуют еще и домашние рабы, лучшие из лучших. Кроме того, они составляют самую яркую главу, порой гротескной, колониальной истории Кавказа.

Когда несколько десятков лет назад русские завладели Кавказом, то они объявили, что рабство несовместимо с теми принципами, которые несет их культурная миссия. Однако дабы не нарушать прав кавказских князей, владельцев домашней прислуги, русский на-

местник собрал их в своем дворце и объявил им, что царь лично просит отменить рабство. Все князья сразу же на это согласились, высказав, однако, странное пожелание, – чтобы царь подтвердил свою личную просьбу официальным указом, в котором было сказано, что они были вынуждены отпустить своих рабов на свободу. Несколько удивленный царский наместник согласился, и спустя месяц указ был готов.

Когда закон собирались обнародовать, во дворце наместника появилась делегация от рабов, умолявших не лишать их древних прав и привилегий. Ошеломленный наместник, который иначе представлял себе рабство, спросил о причинах такой неожиданной просьбы.

– Это наше священное право, – отвечали ему освобожденные.

– Что вы имеете в виду? – негодовал русский сановник.

– Многие из нас имеют благородное происхождение, некоторые являются духовными лицами. Царь не может не уважать прав местных дворян! – отвечали ему рабы.

Поначалу наместник принял это за злую шутку и велел созвать хозяев этих рабов, которые, смущаясь, подтвердили ему, что действительно многие из рабов принадлежали к древним дворянским сословиям, а часть из них была священниками. Дворяне-рабы? Это было выше понимания наместника. Тем более, ему казалось необходимым освободить благородных людей и служителей церкви от рабских цепей.

Рабы, одетые в яркие мундиры, живо запротестовали. Их хозяева же, встав на колени, стали утверж-

дать, что хотели подчиниться царскому закону и с этого момента готовы отпустить своих рабов. Это заявление вызвало в рядах последних такую волну возмущения, что наместник посчитал разумным до поры до времени не приводить этот указ в исполнение и назначил специальную комиссию для рассмотрения этого вопроса.

Материал, который собрала эта комиссия, выявил странные факты. Домашние рабы действительно принадлежали к древним аристократическим семьям этой страны. Когда-то, сотни лет назад, какой-то обедневший член семьи продал свою свободу одному князю, причем права и обязанности его и его наследников были четко определены. Рабам разрешено было выполнять только ту работу, которую выполнял первый раб из его рода. Зато их господин должен был заботиться о них в течение всей жизни и даже с определенной периодичностью одаривать их.

Со временем князья обеднели, а благородные рабы безмерно расплодились. Таким образом, дошло до того, что некоторые рабовладельцы вынуждены были все свое состояние тратить на наследников своего первого раба. Если первый раб был поваром или конюхом, то все его наследники, а их число перевалило за десятки, обязательно хотели стать поварами или конюхами. Один рабовладелец, у которого было всего три коня, должен был содержать тридцать конюхов, которые жили у него в доме и требовали подарков. Другой князь, у которого самого не было ни гроша за душой, имел в своем распоряжении двадцать поваров, которые не занимались ничем, кроме как бездельничали

на кухне. У всех рабов были законные документы на руках, что укрепляло их положение, и они рассматривали попытку их освободить как суровую несправедливость и нарушение древних привилегий. Тем временем для самих рабовладельцев это было бы просто спасением. Так как обе стороны конфликта были христианами, то колониальные власти справедливо обошлись с каждой. Рабы были освобождены и получили от правительства пожизненные пособия в качестве поддержки для создания новых условий жизни. А наместник смог доложить царю:

– Ваше Величество, благодаря уступчивости местных дворян и в этой стране было упразднено рабство.

На что царь просил выразить всем христианским дворянам Кавказа свою благодарность. Кому принадлежала большая часть этой благодарности – благородным рабам или благородным рабовладельцам – так никогда и не выяснилось.

Однако этот рассказ затрагивает только христианскую часть Кавказа и дворян. Освобождение же крепостных крестьян – это отдельная глава в истории гор.

Мусульманам, в отличие от христиан, рабство и работорговля не были известны. По последней официальной статистике, в Дагестане было только тридцать четыре раба, да и тех без проволочек освободили.

ГЛАВА X

Кровная месть

Велико число завоевателей, которые правили в горах, и велико число царей и служителей церкви, которые навязывали горцам волю и законы своих многочисленных богов. Греки и римляне, арабы и персы, турки и русские и, наконец, большевики завоевывали горные земли и устанавливали здесь свои законы. Горцы все принимали, клялись следовать всем законам, платить все налоги и просили только об одном:

– Не трогайте наши обычаи!

Каждый завоеватель, каждый правитель должен был уступить этой просьбе, иначе весь народ восставал, и в горах проливалась кровь. Часто войны длились десятилетиями, но всегда заканчивались тем, что завоеватели объявляли:

– Живите так, как вам заблагорассудится!

Неизменными оставались обычаи предков, неизменным оставалось и священное право на кровную месть. Каждый завоеватель пытался запретить ее, но все попытки были тщетны. От многого могли отказаться кавказцы, но только не от кровной мести, даже если это стоило бы им головы. Долгое время царь ссылал каждого мстителя в Сибирь, но, в конце концов, и ему пришлось смириться с кровной местью, дабы остановить снижение численности населения. Два мил-

лиона покинули в тот период горы, перебрались за границу, в основном в Сирию, где разрешалась кровная месть. Даже большевикам пришлось с этим смириться, ибо только таким образом им удалось привить горцам идеи марксизма.

Что же это такое – кровная месть, которая почитается больше, чем законы царя, султана, шаха и даже Коран?

Любой некавказец уверен в том, что знает, что такое кровная месть: животный закон жестокого возмездия, примитивный способ сведения счетов и образ мышления кровожадных дикарей. Быть может, так происходит в Африке, у южных берегов Тихого океана, я не знаю. На Кавказе же кровная месть – сложнейшая наука и очень далека от примитивного возмездия. Закон ганлы – кровника, возможно, сложнее многих законов Европы и более непостижим для европейца, чем все другие параграфы человеческого правосудия.

Кровная месть не совершается во внезапном порыве, она подчинена многочисленным правилам, бесконечным ограничениям и традициям, которые создают духовное богатство каждого кавказца, известны всем, и все же в сложных случаях решения принимают старейшины. Не каждый член семьи имеет право совершить ее и не каждый посторонний может отказаться от ее выполнения. Кровная месть предполагает не одно только убийство, и не каждое убийство требует кровавого возмездия. Поступки, безобидные в глазах некавказца, часто являются причиной кровной мести, а настоящие преступления по закону кровной мести не всегда наказуемы.

Кавказец борется с любой попыткой отменить кровную месть, он знает: этот закон – верная защита от всеобщей анархии. Только благодаря висящей над сотнями народов угрозе кровной мести удается сохранить мир в горах. Иначе вспыхнула бы война всех против всех, и примирение, которое следует по суровому закону кровной мести после совершения возмездия, было бы невозможно, а перед этим законом остальные законы человечества бессильны.

К примеру, сегодня каждый знает, почему блестяще подготовленное восстание против царя в 1912 году провалилось. Предводителем был один известный чеченский воин. Большую часть солдат составляли дагестанцы. Незадолго до восстания они случайно узнали, что их предводитель в юности во время игры по ошибке убил какого-то дагестанца. Солдаты сразу же расспросили своего предводителя, который не смог опровергнуть этот факт.

– Но тогда ты наш ганлы, – сказали солдаты, покинули своего предводителя и сражались с ним до тех пор, пока он, устав сопротивляться, добровольно не вышел под пули. Таким образом восстания не произошло. Если бы о поступке предводителя стало бы известно на следующий день после восстания, то все сложилось бы хорошо, ведь на войне не бывает ганлы. А тут об убийстве стало известно до начала восстания, и дагестанцы не могли поступить иначе.

Те же дагестанцы сыграли решающую роль и во время вспыхнувшей в России Гражданской войны. Когда генерал Корнилов выступил против правительства Керенского, его армия состояла в большинстве

своем из дагестанцев. Керенский срочно созвал к себе самых знатных людей на Кавказе и послал их в лагерь повстанцев, чтобы установить мир. На Кавказе никогда не пренебрегали мирными предложениями старейшин. Но на этот раз в составе делегации случайно оказался один князь, чей дед когда-то убил известного дагестанца и до сих пор оставался безнаказанным. Рассказывают, что дагестанцы прогнали делегацию, в которой находился их ганлы, и поклялись уничтожить Керенского, очевидно поддерживающего их врага.

Это – только единичные примеры для того, чтобы понять значение кровной мести. Ее возникновение и исполнение, как высшего закона гор, требуют подробного рассказа.

Во всем мире люди поделены на народы, и на Кавказе чужестранцы пытаются проводить такое разделение. Но напрасно. Кавказцам в большинстве своем незнакомо слово «народ» или, в лучшем случае, оно не имеет для них значения. Его место занимает семья и круг друзей, что в целом называется «общиной». К примеру, никогда не говорят о ком-то, что он ингуш, это все равно, что ничего не сказать. Говорят: он из галгайской, беркинийской и т.д. общины. Тогда сразу все становится понятным, будто этого человека знают уже многие годы. Члены одной общины или одной семьи отвечают друг за друга, обязаны друг другу помогать и защищать. Они ведут общее хозяйство, и чем многочисленнее семья, тем большее влияние она имеет в горах.

Потеря члена семьи, воина, ослабляет семью, создает пустоту и усиливает враждебную семью, которая теперь тоже должна кого-то потерять для восстановле-

ния равновесия. Было ли убийство преднамеренным или произошел несчастный случай, не имеет никакого значения. Нанесен ущерб, и он должен быть компенсирован. Поэтому логично и то, что если убийство совершено внутри семьи и даже между ближайшими родственниками – братьями, детьми или убийство отца, – то оно не преследуется. При совершении убийства в самой семье убийца сам является пострадавшим, потому что его семья стала беднее. И если теперь наказать убийцу, то семья еще больше потеряет свою мощь. Следовательно, кровная месть между родственниками – нонсенс. Убийца своего отца, брата или сына высмеивается, словно помешанный, про него скажут: «Собака вылизывает собственное молоко», – и забудут.

Кровная месть возникает не только на почве убийства, но и при любой другой потере. К примеру, крупная кража или обесчещенная девушка тоже являются поводом для кровной мести. Зоофилия, довольно широко распространенная в горах, тоже повод для кровной мести. Животное считается тогда осквернённым, а преступник, для того чтобы избежать кровной мести, должен возместить хозяину животного его стоимость. При этом цена за еще не отелившуюся корову будет выше, чем за матку.

Поводов для кровной мести очень много, но все они основываются на одном и том же – на оскорблении материальных или моральных ценностей. Последовательней всего кровная месть исполняется при убийстве, потому что потеря члена семьи невосполнима, как уже ранее говорилось, и должна быть отомщена пролитой

кровью другой семьи. Месть осуществляется следующим образом.

Сразу же после убийства потерпевшая сторона начинает готовиться к нападению. Дом вражеской семьи осаждается, и ни один из членов семьи не имеет права покинуть его. На время осады нападающая сторона полностью обеспечивается врагом до тех пор, пока посредникам не удастся заключить договор между сторонами, по которому убийцам за определенную плату разрешается свободно передвигаться по дому и двору. Потом осада снимается, и только близкие родственники убийцы остаются под наблюдением. Как только тот покидает дом, начинается охота. Убийцу везде подстерегает кинжал или пуля кровного мстителя – на улице, во время молитвы, в поле. Жизнь его превращается в пытку, только по ночам он решается выходить из дома и каждый месяц платит мстителю за то, чтобы его дом оставили в покое. Часто семье приходится пожизненно платить своему врагу. Мститель долгое время живет за счет своей жертвы, до тех пор, пока не свершится кровная месть, и осажденная семья не вздохнет облегченно.

Немало семей разбогатело, имея множество кровных врагов, которые ежегодно платили им дань. Но, в конце концов, за убийство всегда проливается кровь врага или его родных, и кровная месть прекращается. Равновесие восстановлено, и дальнейшее преследование запрещается. Мститель не будет наказан за месть, иначе бы это продолжалось бесконечно. Только если во время кровной мести были убиты несколько врагов, то их семья вновь объявляет кровную месть, и все начинается заново.

Почти каждый десятый кавказец каким-то образом причастен к делам, связанным с кровной местью, жаждет крови врага или скрывается от врагов. Никогда нельзя представлять друг другу двух кавказцев, не узнав сначала, в какой кровной вражде они состоят. Самозащита, умышленное убийство, убийство по неосторожности не признаются правосудием гор. Если, например, в дом прокрадется вор и при этом, угодив в яму, свернет себе шею, то хозяин дома считается его убийцей и подвергается кровной мести со стороны семьи вора. И если кто-то, скрываясь на краденом коне, разбивается насмерть, то виноват обворованный хозяин лошади. Кроме того, на Кавказе нужно опасаться давать кому-либо свое оружие на время, потому что не только убийца, но в первую очередь хозяин оружия – даже если это оружие украдено – объявляется кровным врагом. Короче, убийцей является любой, кто добровольно или вынужденно, лично или своим имуществом стал причиной смерти. Кавказцы очень гордятся таким определением и утверждают, что нигде в мире так не ценится человеческая жизнь, как в тех областях, где действуют законы кровной мести.

В очень редких случаях, и то если убийство совершено неумышленно, мстителя можно склонить к миру. Процесс примирения чаще всего идет долго и заканчивается торжественным заключением мира и выплатой компенсации за пролитую кровь. Часто мстители настаивают на том, чтобы убийце при заключении мира отрезали ухо либо один палец, дабы пролить его кровь над могилой убитого. Плата за пролитую кровь обычно составляет целое состояние. Но да-

же после ее выплаты семья убитого навсегда остается в униженном положении по отношению к семье мстителей. В принципе, считается несправедливым простить убийство и заключить мир.

Кстати, известны случаи, когда бедные семьи сами убивали одного из членов своей семьи, взваливали убийство на богатые семьи и, получив деньги за пролитую кровь, постепенно достигали высокого положения в обществе.

Поскольку все члены семьи врага являются кровниками, часто происходит так, что в отдаленных уголках Кавказа жившие до сих пор в мире люди, узнав, что на другом конце гор какой-то родственник их соседей убил их родственника, нападают на своих соседей и начинают войну. Иногда в кровную месть вовлекается и посторонний, если, например, убитый был у него в гостях или вместе с ним путешествовал. Тогда честь мщения разделялась между ним и родственниками. За каждый повод кровной мести, кроме смерти человека, допустим штраф. Можно со смехом наблюдать, как пожилые люди собираются, чтобы решить, какой штраф назначить за осквернённую корову или украденный старый башмак. Я сам был свидетелем того, как за украденный ржавый гвоздь расплачивались семью коровами и двадцатью овцами. Этот гвоздь лежал на печи, а воровать с печи считалось крайне оскорбительным и строго наказуемым.

Закон кровной мести делает невозможным любое управление в горах. Ни один полицейский не отважится арестовать кого-либо, судья наказать, потому что в таком случае они незамедлительно становятся кровными врагами потерпевшей стороны.

Только в случае всеобщей опасности – подступает враг и родину нужно защищать – старейшины объявляют:

– Никакой кровной мести до конца войны!

Тогда горцы собираются вместе, и кровный враг становится другом мстителя. Оба сражаются бок о бок за свободу гор. Как только заканчивается война, враг изгнан из страны, мститель сразу же нападает на своего кровного врага, которому до сих пор подставлял свое плечо. В день объявления перемирия в армии кавказцев начинается настоящая паника. Офицеры бегут от солдат, солдаты от офицеров, генералы скачут с неимоверной скоростью в поисках крепости ближайшего родственника. Ведь со дня заключения мира в силу вновь вступает кровная месть – вечный закон гор.

Она не теряет своего значения, скорее, наоборот, из года в год все больше укореняется в сознании кавказцев. Никакой запрет или штраф не могут повлиять на нее. Если кровный враг случайно оказывается приговоренным судом, то для мстителя это не является поводом для успокоения. Более того, он чувствует себя оскорбленным от того, что у него отобрали его врага, и кровная месть переносится тогда на других членов вражеской семьи.

Лишь несколько лет назад в одной маленькой кавказской стране, Ингушетии, удалось найти действенное средство против кровной мести. Его изобретателем является советское правительство. Эта страна стала советской, но сумела сохранить все свои обычаи и законы. Коммунизм правит здесь лишь формально и даже не всем знакомо это слово. Глава республики, ко-

торый сам в свое время сильно пострадал от кровной мести, создал как-то Комиссию по упразднению кровной мести. Среди ее членов не было ни одного коммуниста. Советское правительство Ингушетии знает свой народ. Комиссия состояла из членов уважаемого княжеского рода, священнослужителей, дервишей и старейшин. Они объехали всю страну, каждый аул, каждую долину.

– Кто здесь ганлы? – полные достоинства и благородства, спрашивали они и посещали лачуги мстителей. Там они становились на колени, даже если это был простой пастух или слуга, целовали ему ноги и просили:

– Прости врагов своих, мы умоляем тебя об этом.

Сложной была задача у князей, слишком глубока была ненависть, никто не хотел прощать. Но члены комиссии кланялись беспрерывно, целовали руки и ноги слугам и так долго уговаривали их, пока те не вскакивали все в слезах, падали ничком и прощали своих врагов.

В случаях, когда ничего не помогало, князья говорили:

– Если не простишь, мы повесимся у тебя на пороге, и ты будешь в этом виноват!

Но такая страшная угроза редко шла в ход, слишком велики уважение к старикам и честь, которую они своей просьбой оказывали мстителям, была неизмеримой. Каждый старался быть непреклонным, но все-таки вскоре сдавался. Когда лучшие люди твоего народа стоят перед тобой на коленях, то приходится отказываться от обычаев своих отцов. В каждом ауле празд-

новали примирение, и князья не успокаивались до тех пор, пока враги не выпивали молоко из одного бокала, а потом распиливали серебряную монету пополам, и каждый из них вешал одну из половинок себе на шею, становясь при этом побратимами. В некоторых аулах случалось так, что люди слышали о приближении комиссии, наскоро собирались, покидали свои дома и перебирались в горы. Но старейшины действовали настойчиво и преследовали горцев вплоть до снежных вершин, находили их и исполняли свой долг. То, чего царь не мог добиться смертной казнью, Коран – огнем адским, достигли лучшие из лучших своего народа просьбами, коленопреклонением и покорностью. Но долго ли продержится достигнутый ими мир?

Благодаря закону кровной мести произошло и мое внезапное отбытие из аула Искендерхана. У него тоже были кровные враги, которые жили одной мечтой: как можно скорей уничтожить аул и его самого. Эта вражда имела глубокие корни. Много лет назад один из родственников Искендерхана убил человека из бедной соседской семьи. Положение Искендерхана обязывало его к мирным и дружеским отношениям со всеми родственниками. Поэтому он заплатил кровные деньги, а убийца стал членом соседской семьи, так сказать, возместил потерю, обычай, встречающийся у некоторых народов. Так вот, этот родственник погиб во время одного из разбойничьих набегов, и соседская семья потребовала от Искендерхана возмещения во второй раз. Такое давление не понравилось хану, и он дал понять, чтобы они сами искали замену. Эта новость повергла моего евнуха и трех проводников, мирно прохлаждавшихся в ауле, в ужас:

– Теперь будет пролита кровь, – сказал евнух. – Лучше нам уехать отсюда.

Всадники придерживались того же мнения. Но покинуть аул было не так-то просто. Мы были здесь в гостях и по обычаю не имели даже права подумать, что нам могут угрожать. Одно предположение, что Искендер не смог бы достойным образом защитить своих гостей, было бы неслыханным оскорблением. Мой евнух был достаточно умен для того, чтобы избежать такого поворота событий. Но как найти достойный повод для отъезда?

После долгого обдумывания, мы решили сказать ему, что я уже полностью выздоровел и теперь хотел бы, чтобы он посоветовал, куда еще можно съездить в гости, – познакомиться с еще какой-нибудь горной областью. Искендер сразу же понял причину нашего желания выехать, но из вежливости и потому, что очень хорошо знал, что наши опасения небезосновательны, согласился и начал в тот же день приготовления к торжествам по поводу нашего отъезда. Они продолжались целую неделю. Когда мы покинули аул, на границе нас ждало еще одно застолье, пока евнух не объявил, что мы, не привыкшие к обычаям горцев, находимся уже на грани наших возможностей. Такое количество бараньего жира, вина и бузы мог вынести только горец. Мы спустились с гор, достигли дагестанской железной дороги и, так как я все-таки хотел еще немного побыть в горах, сошли, как только доехали до ворот Грузии – Военно-Грузинской дороги.

Местность вокруг Военно-Грузинской дороги, родина осетин, чеченцев, ингушей, хевсуров и десятка

других народов, такая же дикая, как и Дагестан, но по непонятным причинам считается более цивилизованной. После долгой переписки мой отец пожелал, чтобы я по причине небывалой жары в долине еще какое-то время продолжил путешествие в горах, погостил у его и Искендерхана друзей.

Некоторые люди посылают своих детей в горы на несколько лет, потому что школа, которую они там проходят, считается лучшим воспитанием на Востоке.

«Он так выглядит», или «Он так ведет себя, как будто бы вырос в горах» – это самая лучшая похвала, которую может заслужить восточный человек.

В горах живут рыцари, а рыцарство почитается на Востоке и по сей день. Как в средневековье посылали молодых людей ко двору, так сегодня грузин или азербайджанец посылает своего сына в непроходимые горы и только потом – в Европу.

«Лучшие духовные качества человек приобретает в горах, а ум – на Западе», – говорят на Востоке. Эта поговорка воистину имеет силу.

Мой отец не очень-то верил в «горную шлифовку», он предпочел бы вообще не пускать меня в горы. Но так как я уже был там однажды, ему не оставалось ничего другого, как закрыть на все глаза и благословить, как он говорил, мою склонность к варварству. Итак, я мог спокойно путешествовать в горах, сколько мне было угодно, и у горы Бештау передохнуть от кавказского рыцарства и его школы.

ГЛАВА XI

Аламут – небесный сад

Мы переходили на лошадях ущелья, стремительные горные реки пересекали наш путь, круто спускающийся вниз. Через реки не проведены мосты, лишь два-три срубленных дерева переброшены над пропастью и скреплены веревкой. Нужно закрывать глаза, когда переходишь реку по такому «мосту» на лошади, тогда ты спасен. У лошадей не бывает головокружения. Возле рек, на отвесных скалах возвышаются руины старинных крепостей, стены которых охраняли территории кавказских правителей.

Эти руины когда-то были замками, они и сегодня частично являются таковыми, но время беспощадно разрушает все, а их обитатели вынуждены переселяться на другие скалы, строить себе новые крепости и вскоре забывают о героях старых замков. Нигде больше в мире так быстро не забывают своих героев, которые рождаются здесь каждый день. Нужно стать чуть ли не властелином мира, чтобы попасть в сказания кавказцев. Я останавливался у каждой из развалин, внимательно рассматривал разрушенные стены и спрашивал:

– Это не Аламут?

Нет, это был не Аламут, как и все последующие. Не так-то просто добраться до развалин Аламута, его

избегают все и почти уже забыли, потому что это место проклято всеми богами. К чему вспоминать о нем? Слово «Аламут» – табу; кавказцы никого не проводят к его руинам.

Веками Восток управлялся из замка Аламут. От Марокко до Китая дрожали все, кто слышал это название. Калифы и султаны, крестоносцы и вожди кочевников, христиане и мусульмане беспрекословно выполняли приказы, исходящие из этого замка. Все вопросы войны и мира, нищеты и богатства решались в Аламуте. Восточный монарх был обязан своей короной хозяину замка, а король Иерусалима – Балдуин – потерял ее вместе жизнью, потому что воспротивился его приказу. Спасение и беда шли из Аламута, из сердца Кавказа, из мрачного замка, чьи развалины и сегодня все обходят стороной.

Правитель Аламута не был ни королем, ни султаном, у него не было войска, которое сражалось бы за него, он не имел подданных, платящих ему налоги. Это был просто Хасан-ас-Саббах, правитель Аламута, знаменитый «старик с горы», первый террорист в мировой истории. Он был персом, другом юности великого поэта Омара Хайяма и математика Низам-уль-Мулька, которого впоследствии приказал зарезать. В школах дервишей, на собраниях поэтов, во дворцах и мечетях проводил он свое время, пока на него не нашло озарение. Старик покинул дервишей и поэтов, чтобы основать первую тайную исламскую секту исмаилитов – последователей Али. Сам он был олицетворением святого Али – Хасан-ас-Саббах, ему подчинялись все народы. В горах Кавказа старик возвел себе за-

мок Аламут, чтобы оттуда проводить в жизнь свою политику тирании. Его средствами были террор и гашиш. Террор – для врагов, а гашиш – для друзей, которые его совершали.

В стенах замка был разбит самый красивый сад в мире. Учеников наставника приводили в этот сад после того, как разум их был затуманен гашишем. Там являлся учитель, давал им в руки кинжал и говорил:

– Иди, убей и умри сам!

На кинжале было выгравировано имя жертвы. Они не имели права возвращаться, даже если успешно выполнили задание и смогли избежать преследования. Они должны были умереть, чтобы попасть в сад Аламут, потому что это был вечный небесный сад, который привиделся им под воздействием гашиша, а их учитель – господином мира. Хасан-ас-Саббах провел всю свою жизнь в стенах замка. Лицо его было всегда прикрыто накидкой, никто из учеников не видел его. Время от времени великие мира сего получали от него приказ. Если он не был тотчас же выполнен, то приказ повторялся. Следующее повторение приказа подкреплялось кинжалом в груди непослушного, потому что миром должен был управлять вождь исмаилитов, а не короли, султаны или калифы. Все они не раз пытались разрушить замок, предпринимая со своими огромными армиями походы на Аламут, но их предводители уничтожались исмаилитами еще на подступах к замку, и войска разбегались в дикой панике. Хасан-ас-Саббах и его последователи правили миром на протяжении веков; их слово считалось законом на всем Востоке, а власть была безгранична, и даже крестоносцы дрожали перед ними и исполняли любое их желание.

Крестоносцы разнесли весть о восточной секте убийц по Европе и вписали ее в анналы истории. В народе слуг Хасана называли хашишитами, отсюда и происходит французское слово «ассасины» – убийцы. Но когда на Востоке засияла звезда монгольского завоевателя мира Чингизхана, пробил час ассасинов. Чингизхан не боялся их, его воины, а только они и смогли приблизиться к замку, не могли перейти на сторону ассасинов. Все они были верными шаманистами и поклонялись только гриве коня, сабле хана и голубому Богу – Тэб-Тенгри. Хулагухан – племянник Чингизхана – осадил со своей многочисленной армией обитель ассасинов. Замок был покорен, сожжен и сровнен с землей. Все священные книги были уничтожены, а сами ассасины изрезаны монголами на мелкие куски, останки их были сожжены. Столь велика была всеобщая ненависть к этим беспощадным убийцам. Последние исмаилиты бежали в пустыню.

И по сей день живут на Памире, в Северной Индии и Южном Туркестане некоторые ныне миролюбивые кочевые племена, последние, кто поклоняется суровому Хасану-ас-Саббаху и его учению. Замок Аламут считается на Кавказе проклятым местом, и никто не хочет слышать о нем.

Вот такое славное прошлое одной из кавказских развалин, с которой интересным образом связана судьба одного нашего современника, не имеющего отношения к горам.

В Париже, недалеко от Place de l'Etoile, там, где роскошные виллы выстроились вдоль широких авеню, где в шикарных отелях беззаботно проживают богатые

коренные парижане, живет, причем никоим образом не скрываясь, иностранец неизвестного происхождения – Агахан. У него все хорошо; он просыпается в одиннадцать часов, потом едет кататься по авеню Bois de Boulogne на своем «Роллс-ройсе», регулярно посещает скачки и наслаждается всеми прелестями жизни, которые предлагает Париж, за исключением спорта. Спортом Агахан не занимается. Он ценит во всем аристократичность, так как сам аристократ, английский подданный и джентльмен. Что значится у Агахана в паспорте, в строке профессия – неизвестно, но очевидно, что английские власти в Индии здорово помучились над ее обозначением. Потому что Агахан был по профессии и происхождению – бог! Бог, который был признан английским правительством официально, и с которым соответственно обращались.

Паства Агахана, так называемые исмаилиты-таджики, чье вероисповедание не тронули даже большевики, по всей видимости, является народом с древней культурой. Им с легкостью удается превращать скалы и горы Памира в оазисы, их женщины не носят чадру, и если их поля не приносят достаточно зерна, то они, как истинные дети природы, переезжают жить на пастбища, питаются травами и не забывают при этом возносить свои молитвы в сторону Парижа. Исмаилиты в долине Ванга – центре секты – отличаются аристократизмом, все поголовно имеют зоб, чем очень гордятся и за что ежедневно благодарят Агахана. В долине Ванга каждый год собираются представители племен исмаилитов, избирают гонца, с которым посылают в Париж зякят. Зякят – это десятипроцентный на-

лог, который делает возможными покупку виллы, «Роллс-ройса» и реализацию многих других приятных предприятий. В Индии к этим посланцам присоединяются индийские исмаилиты, которые вместе с остальными приносят своему «богу» радостное известие о том, что зякят и в очередной раз успешно собран.

Однако Агахан не просто так получает зякят; даже у него, «бога», есть обязанности по отношению к своему народу, за исполнением которых он должен непременно следить. Единственной проблемой в его жизни является обязательство перед подданными всегда поддерживать свою полноту, так как от его веса зависит их благополучие. По прибытии посланцев встречают жрецы, которые являются одновременно и камердинерами, проводят их в приемную, где стоят огромные весы и вершат судьбу исмаилитов. Тут появляется сам «бог», приветствует благочестивых паломников и гордо, полный достоинства становится на весы. Дрожа от волнения, верующие сравнивают прошлогодний вес «бога» с нынешним. Если он набрал вес, то значит, исмаилиты на верном пути, их грехи не переходят границы и счастливое будущее как в этом, так и в потустороннем мире им обеспечено. Если «бог» похудел, то грехи исмаилитов превысили всякую меру. Тогда «бог» страдает от их грехов. Как только весть об уменьшении веса «бога» распространяется, исмаилиты погружаются в траур. Они не работают, а только замаливают свои грехи, задумываются о причинах своих грехов. Таким образом, следующий зякят соответственно становится меньше.

Если «бог» совсем не хочет исправляться, может даже случиться, что исмаилиты в отчаянии выберут себе

другого «бога», который будет осторожнее со своим народом, и чья склонность к полноте не будет зависеть от грехов всего мира. Агахан, конечно же, еще ни разу не разочаровал свой народ. Парижская жизнь ему нравится, а верные исмаилиты могут и дальше работать в том же направлении и полностью довериться чувству ответственности своего «бога».

Рассказывают, что когда вес установлен, гонцы передают зякят и желают всех благ. Затем они становятся друг рядом с другом, открыв рты, и с вожделением смотрят на Агахана. Тот встает с весов, подходит к набожным и плюет каждому из них в рот. Это имеет приблизительно такое же значение, как если бы он при других обстоятельствах вручал бы им орден Золотого Руна. Делегаты проглатывают «божественную» слюну, счастливые, что им выпала такая честь, возвращаются домой, где передают весть о весе «бога» его преданным обладателям зоба.

Агахан тоже возвращается к своим привычным прогулкам, посещениям скачек и роскошным пиршествам, причем последние рассматриваются не как порок, а как исполнение долга. Он – истинный джентльмен, которого, кстати говоря, очень ценит парижский свет, и которому всегда рады. Иногда его фотографии можно увидеть в иллюстрированных европейских журналах.

Агахан и его безмозглые подданные – последние эпигоны суровых правителей кавказского замка. Резня, которую в свое время устроили им монголы, явно оставила глубокие следы на их характере. Они утратили склонность к убийствам. Может, их зоб – это доба-

вочное образование. Про кавказский замок они тоже забыли. Ничего не осталось от прошлого величия империи ассасинов, кроме их милостивого господина в Париже с «Роллс-ройсом», виллой и полнотой.

Это – один из немногих случаев, когда вера и единство на Кавказе бесследно исчезли. А вообще, кавказские племена очень выносливы и не вымирают, даже если им приходится влачить свое существование в адских условиях. Трудно поверить, что могут вынести эти люди, как они на своих отвесных скалах оберегают обычаи и образ жизни, которые отмирают во всем мире. И если они сами страдают от этих традиций, все равно не отказываются от них, а иногда сохраняют ценой собственной жизни.

ГЛАВА XII

Христиане, не знающие имени Христа

Когда перед революцией в Тифлисе – столице Грузии – царская полиция раскрывала большевистский заговор или обнаруживала подпольную типографию, а после очередного покушения министр требовал от нее ареста большевиков, по всему городу распространялись листовки с изображением преступников и размер вознаграждения за их поимку.

Тысячи агентов рыскали по улицам и обыскивали все подозрительные дома. Но после трех дней безуспешных мероприятий они докладывали своему начальству о бессмысленности дальнейших поисков, потому что преступники бежали в Хевсуретию – политическую Швейцарию Кавказа. Там люди были в безопасности.

Хевсуретия находится недалеко от Тифлиса, и все-таки эта земля независима и свободна, ни один полицейский не отважится преследовать свою жертву в Хевсуретии. Мощная крепость окружает ее и отделяет от остального мира. Если взобраться на скалу, то сразу оказываешься на краю пропасти, на дне которой располагаются свободные хевсурские деревни. К отвесной стене прикреплен длинный канат, по которому смельчаки могут спускаться к хевсурам. Полицейские этого

не делают, – что могут несколько человек против свободных хевсуров. Люди в долине дают приют беглецам. Одиннадцать месяцев в году этот канат является единственным связующим звеном между хевсурами и внешним миром. Только в течение одного месяца можно перейти горы, используя тайный пароль. Таким образом в страну и попали первые поселенцы. Канатом может воспользоваться только беглец, который хочет, чтобы хевсуры приняли его в свое общество и защитили от опасности.

Хевсуры придерживаются нейтралитета во всех политических вопросах. Когда большевики пришли к власти и стали обыскивать дома в Тбилиси в поисках врагов, преследуемые тоже бежали в Хевсуретию. Даже последнему грузинскому белогвардейцу, князю Чолокашвили, пришлось вместе со штабом воспользоваться хевсурским канатом, после того как он потерял свою армию и славу в боях с «красными».

Внизу, в хевсурской долине, царит вечный покой. Целыми днями можно бродить, никого не встретив. По всей, немалой по территории, земле высятся крепости, и вокруг каждой из них стоят квадратные каменные башни. Вот и все, больше там ничего не построено. В этих тридцати замках живут хевсуры, самый странный и таинственный горный народ. О том, кто они такие и откуда родом, неизвестно. Это – тайна, разгадать которую сегодня не представляется возможным.

Во-первых, они очень редко, только если у них гости, надевают традиционный кавказский наряд – черкеску. Повседневно носят необычную одежду: поверх короткой рубахи с разрезом надевают длинную робу,

на которой впереди желтыми нитками вышит мальтийский крест. В отличие от других народов Востока, хевсурские мужчины и женщины носят не широкие шелковые шальвары, а узкие гольфы до колена, а в качестве головного убора – квадратную шапку, вокруг которой наматывается пестрая косынка. Голова и лицо гладко выбриты, а усы остаются. Желтый мальтийский крест вышит не только на груди, но и в уменьшенном виде везде, где это возможно.

Это – мирный наряд хевсуров, во время войны они выглядят совсем иначе. Их унаследованное от предков снаряжение невозможно отнести ни к европейскому, ни к азиатскому, оно средневековое. Голову покрывает шлем, плечи и туловище защищены стальной кольчугой, на ногах и руках – тяжелые латунные пластины. В левой руке хевсур держит круглый щит с мальтийским крестом, а в правой – копье, хотя в последнее время чаще винтовку, на поясе – меч. С виду он больше похож на крестоносца, нежели на дикого горца. Впечатление еще больше усиливается, если внимательно присмотреться к щиту и мечу. На них выгравированы рыцари, орлы, древние гербы и латинские надписи, гласящие: Genua, Vivat Stephan, Vivat Husar, Souvenir и даже «Золлинген»; на одном старинном гербе можно прочесть буквы A.M.D., то есть девиз крестоносцев – Ave Mater Die.

Облаченные в такие доспехи хевсуры вступают в бой, хотя, скорее, в поединок, который разворачивается следующим образом: противники становятся на правое колено, вытаскивают свои сабли, и начинается настоящая дуэль. Они резко вскакивают, напевают

воинственную песню и наносят друг другу ожесточенные удары, а затем снова защищаются, приседая попеременно на левое и правое колена. Прервать это сражение невозможно, любой, кто попытается помешать, будет убит. Есть только одно средство – если молодая женщина бросит между противниками платок. Тогда сражающиеся должны немедленно спрятать свои сабли в ножны, склонить перед женщиной правое колено и удалиться с поля боя. Иногда противники рассекают платок на две части и прикрепляют каждый на свой щит в знак того, что бой закончился в результате вмешательства женщины.

Надписи, снаряжение и ход поединка весьма своеобразны, чтобы допустить самые смелые предположения. Кто же такие эти хевсуры, гордые носители мальтийского креста, облаченные в сталь рыцари? Действительно ли изгнанные из Палестины крестоносцы были оттеснены в горы, о чем упорно рассказывают кавказские легенды? Или какое-то неизвестное племя, попавшее под влияние Европы, приняло в свои ряды бежавших со своей родины средневековых рыцарей, носителей высокой культуры? Ответить на эти вопросы сегодня невозможно. Ученые еще не сказали своего последнего слова относительно хевсуров, так как слишком мало их посещали. Только преследуемые большевики, эмигранты и беглые белогвардейцы, которые часто месяцами жили у хевсуров, могли рассказать что-либо существенное об этих людях. Но они этого не делают, будучи такими же скрытными, как и политики. Им не до исследования потомков крестоносцев.

Сходство с крестоносцами не самое интересное, что можно рассказать о хевсурах. Религия этих посе-

ленцев, не менее странная и гротескная, может сбить с толку любого теолога.

Хевсуры являются, так сказать, христианами. Они почитают крест, богоматерь, а прежде всего Святого Георгия, апостолов Петра и Павла. Когда полагается, обязательно перекрестятся и никогда не забывают, когда закалывают барана, окунуть свой палец в кровь и нарисовать крест на своем лбу. Кроме этого знака, они ничего больше не знают о христианстве. Иисус им незнаком, так же как основные каноны и заповеди христианства. Да, они празднуют воскресенье, но и пятница, и суббота, и понедельник тоже являются официальными выходными днями. А если спросить их почему, то в ответ можно услышать следующее: воскресенье – из-за грузин, которые, как известно, являются христианами; пятница, – потому что для их соседей, мусульман, это святой день; суббота – из-за горских евреев, а понедельник – для того чтобы показать, что хевсуры свободный народ и могут делать то, что им захочется, и чтобы отличаться от представителей всех других религий, могут отмечать и понедельник. Воскресный отдых, конечно, не может считаться доказательством их христианского благочестия. Между прочим, они не едят свинину, у них разрешено многоженство и левират, не спят в одной комнате со своими женами и лишь изредка их посещают, разводятся с ними, если жена забеременеет в первые три года брака – это считается позором. Кроме креста, божьей матери и Святого Георгия, хевсуры почитают и других богов – малого и большого Пиркуши, Адгилис-деда, Бога Востока и Бога Запада; двое последних удостаиваются особого

почитания. Однако все эти боги играют в жизни общины, по сути, незначительную роль.

Какому богу поклоняться – личное дело каждого хевсура. Официальная религиозная жизнь протекает в храмах, в Хати, которые освящены верховным богом хевсуров.

Эти храмы окружены каменными стенами и состоят из квадратных построек с крутыми крышами и несколькими деревянными башенками, в которых по церковному обычаю висят колокола. Чем больше колоколов, тем солиднее храм. Входить в наисвятейший храм разрешено лишь священникам, да и тем – только в праздники. Эти храмы хранят в себе предметы культа хевсуров, не имеющие аналогов в мире. Они представляют собой огромные бочки и латунные ведра. Больше ничего в храмах нет. В священных бочках хранится пиво, а в латунных ведрах оно варится. Пиво является главным божеством хевсуров, а пивовары – их высшими жрецами. Во время каждого праздника проводится богослужение. Священник предрекает события наступающего года, ему приносят пивную бочку, он наливает полный бокал и пьет за здоровье святого духа, а затем передает бокал другим верующим. Кроме пива и Святого Георгия, хевсуры почитают и других богов, которые живут в различных предметах, к которым, конечно, нельзя прикасаться. В итоге хевсурам приходится отказываться от использования целого ряда предметов, им запрещено есть рыбу и дичь, хотя реки хевсуров богаты рыбой, а леса изобилуют дичью.

Некоторые похоронные церемонии этого народа просто ужасают. Если хевсур погиб далеко от своего

родного замка, то тело его делят на две части и каждую помещают в два заполненных солью мешка и, погрузив на коня, привозят домой. Хевсуров не хоронят, более того, покойников кладут в специальный дом, двери которого замазываются клеем, и вывешивают на нем флаг. При этом принято, что все жители поселка по очереди становятся перед домом и обращаются с речью к покойнику, в которой говорят, как сильно они его любили и как тяжело им пережить эту потерю.

Здесь все еще широко распространено приношение в жертву животных. Животному перерезается горло под прочтение длинных молитв, которые возносятся Святой Деве. После жертвоприношения избранный священник впадает в транс и предсказывает приносящим жертву будущее.

В разговоре с чужаками хевсуры всегда подчеркивают, что они – христиане. В то же время отвергают всяческие попытки просветить их на предмет христианской морали и о самом Христе. Христианские священники-миссионеры высмеиваются и изгоняются.

– Не нужны нам ваши наставления, – говорят хевсуры. – Нам достаточно нашего пива, ничему новому вы нас все равно не научите.

Это все о религии этого народа.

Высокомерию хевсура нет предела. Если он удостаивает кого-либо разговором, что случается очень редко, то в первую очередь называет имя своего народа, а уж потом свое собственное. Затем гордо замолкает, выдерживает паузу, уверенный в том, что собеседнику нужно время, чтобы собраться с мыслями и успокоиться после такого потрясения, ведь перед ним хев-

сур – столь знатный человек. А теперь кое-что об их обыденной жизни и обычаях.

На краю одной из хевсурских сел стоит низкий длинный домик, очень похожий на огромную собачью конуру. Здание называется самревло, что означает – конюшня. Но предназначено оно не для домашних животных, а для женщин, которые поселяются там, когда один раз в месяц заболевают и остаются там весь этот период. Ни мужчинам, ни женщинам не разрешается их посещать, разве что маленьким девочкам или старухам, которые уже вышли из детородного возраста. Туда же отправляется женщина, когда производит на свет ребенка. С этим она тоже справляется сама, без чьей-либо помощи, зубами перегрызая пуповину. Если роды протекают с осложнениями, то к дверям конюшни должен подойти человек, убивший кого-то, и выстрелить в воздух. В большинстве случаев это помогает. Присутствие убийцы изгоняет злых духов, а женщина сильно пугается от звуков выстрелов. По мнению хевсуров, это намного облегчает роды.

Хевсурская женщина должна каждый день омывать руки и ноги, а один раз в месяц лицо и волосы коровьей мочой. Если она этого не делает, то считается нечистой. Даже женщины, которые просто гостят у хевсуров, должны соблюдать этот обычай, иначе их изгоняют из деревни, а дом, в котором она гостевала, сжигают. Но хевсурская женщина ни в коем случае не является рабыней, у нее очень много прав, которые ставят ее во многих вопросах выше мужчин, и не только потому, что может одним словом остановить поединок. Она также имеет право в любой момент бро-

сить мужчину и развестись с ним. Кроме того, никто не женится на ней без ее согласия, она может безнаказанно в присутствии других людей высмеивать и дразнить своего мужа.

Брак обычно заключается между жителями двух различных деревень. Брак же между жителями одной и той же деревни считается неравным. Жена не называет своего мужа по имени, а должна дать ему имя какого-либо животного – свиньи, быка, собаки и т.д. Если он ее обманет, то в качестве компенсации она может потребовать от него трех коров или девять баранов. Деньги хевсуры не используют, расчеты осуществляются баранами и коровами.

К какой расе принадлежат хевсуры – неизвестно. Они непохожи друг на друга. Среди них есть блондины и брюнеты, высокие и низкорослые. Их язык схож с грузинским, но содержит в себе и фонемы многих других языков. Может быть, верно предположение, что этот народ просто образовался из беженцев различных национальностей, которые в разные времена искали убежища в диких местностях Хевсуретии и передавали частицу своей культуры и обычаев потомкам, а значит – и всему обществу. В пользу этого мнения говорит и странная смесь христианства и идолопоклонничества, средневекового рыцарства и дикарства. Мальтийский крест и омовение коровьей мочой – явное противоречие, которое не могло возникнуть у одного и того же народа, так же как рыцарские замки, поклонение пиву и расчленение покойников. Если хевсуры и вправду произошли от беженцев разных национальностей, тогда легко понять ту роль, которую

они до сих пор играют на Кавказе; их функция политического убежища прикрепилась к ним по традиции, имеющей глубокие корни.

Сведения о численности хевсуров колеблются от пятнадцати до двадцати тысяч. Как уже говорилось, не каждый отважится воспользоваться хевсурским канатом. Если даже кто-то рискнет, то думает лишь о том, как спасти свою жизнь, и у него есть более важные дела, чем изучение численности и обычаев хевсуров. К тому же последние очень скрытны и не любят распространяться о своих традициях. Может, они существуют уже тысячелетия, может, среди их гостей, которые спускались по канату, были и рыцари-крестоносцы, воины Христа. Тогда древнее кавказское сказание о пропавшем в хевсурской долине народе крестоносцев нашло бы свое подтверждение. Слишком уж необычны снаряжение и кресты хевсуров, как и их своеобразные боевые приемы, и уважительное отношение к женщинам, которые должны пачкать себя для того, чтобы считаться чистыми.

ГЛАВА XIII

Германия в горах

Повсюду на Кавказе – у руин древних замков, которые странным образом похожи на рейнские, из уст мудрецов, рассказывающих истории своего народа детям, при дворе местной знати и в храмах их суровых богов – можно услышать одну и ту же легенду:

– Много веков назад, – рассказывают они, – пришли наши предки из страны полумесяца, из Сирии, в горы Кавказа. Они были великими воинами, сражались, облаченные в железо, в стране полумесяца против своих врагов и были христианами, носили на груди крест, у них были голубые глаза и светлые волосы. Откуда они пришли в Сирию – неизвестно, но изгнаны были великим египтянином Эюб-ибн-Юсуфом (Саладдином).

В горах наши предки наткнулись на дикие племена, покорили их, построили замки и церкви, наподобие тех, что стоят у них на родине. Постепенно они отказались от своих обычаев и женились на горянках. Как только их правитель в Европе узнал об этом, то послал священников, дабы напомнить им о заповедях Христа и вернуть на родину. Но завоеватели прогнали священников, остались в своих замках, закрыли церкви и со временем забыли о своем происхождении.

В заключение каждый рассказчик с гордым видом объявляет:

– От этих рыцарей происходит и мой род, – и называет свое имя.

Это предание, которое, как уже говорилось, сохранилось у многих кавказских народов, особенно распространено у осетин, которые у подножия вечных снегов воздвигли свои замки. В мире очень мало народов, чьи представители выше ростом, чем осетины. Итак, сразу после их поселений начинаются вечные снега. Трудно понять, что заставило этих людей выбрать эту негостеприимную местность, но осетины предпочли именно ее и охотно обживали ущелья, куда никогда не попадал луч света, или отвесную скалу, окруженную с трех сторон вечными снегами. Эти ущелья и скалы они не покидали никогда, хотя рядом были плодородные равнины, на которых поселились их соседи – ингуши – и так называемые равнинные осетины. Настоящие осетины оставались в горах, где пасли своих тощих овец, вспахивали скудные поля, которые, несмотря на огромные усилия, приносили очень бедный урожай, и проводили свои дни в непрекращающейся борьбе с постоянным недостатком пищи. Их пастбища и поля окружали бесплодные земли. Осетины точно знали, сколько людей может прокормить земля, принадлежащая той или иной деревне, поэтому ее население не должно было превышать определенного предела, чтобы избежать голода. Они решили проблему численности населения чудовищным способом: новорожденные, превышавшие установленное количество, были безжалостно задушены.

Живых должно было оставаться в два раза больше, чем умерших. В два раза, потому что половина детей погибала на первом году жизни. Несмотря на все это, осетины не переселялись в долину, а оставались наверху, потому что, как сами признавались, не хотели бросать замки, построенные их предками.

В этих полуразрушенных замках жил не весь осетинский народ, а только дворянство. Однако был один осетин, живший в таких же условиях и почитаемый как дворянин, который называл себя Айроном. Он имел более веские доказательства, чем гербы и титулы – в отличие от других осетин был блондином и обладателем длинных светлых волос и больших голубых глаз, что очень редко встречается в горах.

Если спросить одного из таких голубоглазых блондинов об их происхождении, то в ответ, если, конечно, он принадлежит к старейшинам народа и имеет право давать информацию, можно услышать уже изложенную выше историю о великих рыцарях из страны полумесяца. Затем добавляет кое-что примечательное, отличное от предыдущих рассказов: говорит, как звали тех рыцарей, его предков.

– Их звали алеманы, – произносит он с гордостью, как все кавказцы, когда называют имя своих предков.

– Алеманы? – удивляются те, кто слышит это слово, потому что оно не осетинское. На всех языках Востока слово «алеман» означает немец.

– Были ли рыцари из страны полумесяца алеманами? – спросил я у одного почтенного осетина.

– Да, и не простые алеманы, а князья и воины этого народа. Простые алеманы оставались дома.

– Где дома?

Тут осетин замолчал. Этого он не знал. Где находилась родина алеманов, он не мог сказать, и только произнес:

– Это очень далеко от страны полумесяца.

Если осетинам говорят, что некоторые другие народы Кавказа также утверждают, что происходят от светлых рыцарей, то они презрительно усмехаются в ответ.

– Им бы очень этого хотелось, но настоящими потомками являемся мы, ведь у нас есть доказательства!

Восточные народы очень любят что-либо утверждать, доказывать – меньше. В данном случае мне очень хотелось выведать, что это за доказательства, и я попросил в самой уважительной форме:

– Почтенный господин, утоли любознательность твоего покорного слуги, осчастливь его доказательствами!

Вежливость на Кавказе – верный путь к успеху. Даже самый гордый осетин не в силах устоять перед ней, и он тут же выложил все, что у него имелось. Доказательств было немного: пара старинных сабель, снаряжение, имевшее, без сомнения, северное происхождение, несколько древних гербов, которые встречались и у крестоносцев, и у восточных князей. Кроме того, старинные рукописи, которыми владели осетины. Пергаментные свитки, которые они показывают, действительно родом из Сирии, написаны сложным сирийским шрифтом и в них упоминаются княжеские имена времен крестовых походов.

Разумеется, эти доказательства нельзя воспринимать серьезно, потому что они могли попасть в руки

осетин и окольными путями. Слепая вера в это предание тоже не имеет убедительной силы. Каким образом могла дойти весть об алеманах в замки осетин? Может, это просто легенды, рассказанные переселенцами, жившими среди них. И все-таки, светлый тип, замки, оружие и легенды дают основание предположить, что изгнанные немецкие крестоносцы действительно в древние времена завоевали ущелья осетин и покорили этот народ для того, чтобы, отрешившись от остального мира, смешаться с местными жителями. Кстати, новейшие научные исследования доказали: осетины происходят не от алеманов, а от аланов. Но эта легенда все же достойна внимания.

И другие народы гор иногда причисляют себя к потомкам немецких рыцарей. Некоторые обычаи и традиции кавказцев чрезвычайно схожи с германскими. Может, все эти предположения безосновательны, и это всего лишь легенды, которым не устоять перед критикой науки, но факты, указывающие на это, очень любопытны. На Востоке есть достаточно много своих рыцарских народов, почему же гордые кавказцы приписывают себе немецкое происхождение? Какие таинственные нити связывают горные замки с замками на Рейне? Думаю, обстоятельное исследование Кавказа позволит когда-нибудь ответить на эти вопросы.

С другой стороны, среди горских народов, без сомнения, есть алеманы. В Кабарде, в самой плодородной долине, на берегах самых богатых рек, часто можно встретить жилища, построенные в не кавказском стиле. Эти поселения окружены забором, через который посторонний человек не может заглянуть. Во дворе

повсюду выставлены ловушки в виде ям и самострелов. Незваный гость, т.е. любой, кто не является жителем этого двора, попадает в яму, обезвреживается местными и, как минимум, его избивают и прогоняют. Эти поселенцы – единственные на Кавказе настоящие алеманы, даже если они не имеют ничего общего с крестоносцами. Это вюртембергские крестьяне-сектанты, которые много лет назад отправились пешком в Иерусалим, чтобы дождаться там конца света. Тысяча пятьсот семей покинули Вюртемберг, но когда они дошли до плодородных равнин Северного Кавказа, то только триста шестьдесят восемь из них захотели продолжить свой путь во главе с проповедницей Барбарой Шпанн. Остальные остались на Кавказе, построили дома на достаточном расстоянии друг от друга и подвергались регулярным грабежам со стороны кабардинцев. В конце концов, немцы окружили свои дворы заборами, создали себе надежную самооборону, установили по всему двору ловушки и со временем в борьбе с дикарями позабыли про темные пророчества о скором конце света.

Таким образом, население Кавказа вновь увеличилось. Однако этот новый кавказский народ не собирается ничего перенимать от своих соседей; занимается земледелием, говорит на вюртембергском диалекте, носит одежду, которую носил в Германии еще сто лет назад, и упрямо не пускает ни одного местного жителя на порог своего двора.

Один раз в год к крестьянам приходит налоговый чиновник. Сами они никогда не покидают свой двор, потому что каждый отсутствующий мужчина ослаб-

ляет самооборону и тем самым может подвигнуть дражайших соседей на нападение.

Это касается только немцев Северного Кавказа, а именно – Кабарды. Немцы на юге, в Закавказье, живут в других условиях.

А теперь рассказ о том, как немец, живущий среди местных жителей, полностью перенял кавказские понятия о добре и зле.

Адольф Пешке дома прилежно учился на ремесленника, был курьером или батраком. Он был очень далек от всего необычного и, скорее всего, стал бы порядочным немецким бюргером, если бы не началась война, которая радикально изменила весь уклад жизни.

Итак, Адольф Пешке прибыл на Восточный фронт, занял свою позицию, стрелял по врагу и мечтал о возвращении на родину после перемирия. Но однажды произошло событие, перевернувшее всю его жизнь. В ходе одной из атак на него напал настоящий «дикарь», связал и как пленного оттащил во вражеский стан. Врагом была кавказская конная дивизия, которая под предводительством своих офицеров могла даже во время мировой войны действовать против врага в соответствии со старинными воинскими традициями. Пленные не отправляются в лагерь для военнопленных, они становятся собственностью тех, кто их поймал. За солидный выкуп их могли отпустить на родину. Если они не в состоянии выплатить необходимую сумму, то должны стать батраками у своего господина.

У Адольфа Пешке не было денег, а его хозяину не нужен был слуга на фронте, а вот дома, в горном ауле, он мог найти ему достойное применение. Молодежь

вся ушла на фронт, а женщины одни не могли справиться с полевыми работами. Кавказец, не долго думая, усыновил пленника. Церемония усыновления прошла по всем правилам горских законов, и изумленный Пешке неожиданно стал кавказцем. Кроме того, получил имя, которое в первые недели даже не мог произнести. Вот он и отправился в аул своего нового отца, работал на полях и постепенно привыкал к своей новой родине. Вскоре с фронта вернулись отец и братья. Пешке к тому времени стал полноправным членом воинственной ингушской семьи: забыл родной язык, углубился в изучение традиций и обычаев горского народа, представителем которого стал.

Прошли годы, немец так «ингушизировался», что даже самые серьезные знатоки ингушских обычаев не знали, чему еще его можно научить. Адольф Пешке аккуратно посещал все собрания старейшин, скромно стоя у двери, как и подобает молодым людям. Он никогда первым не заговаривал со старшими, ел, как и все его собратья, руками, женился на местной девушке, причем позаботился о том, чтобы не была забыта ни одна, даже самая маленькая церемония, и вскоре знал назубок имена и биографии всех своих пятисот родственников, вместе с их праотцами и основателями фамилии. Одним словом, его отец не мог пожелать себе лучшего сына, чем Адольф Пешке, немецкий военнопленный.

И вот, произошло следующее: один дальний родственник семьи, к которой принадлежал немец, подвергся нападению и был убит. Семья тотчас же объявила кровную месть. Немецкий солдат Адольф Пешке

был самым ревностным ее исполнителем. Вооруженный до зубов, подкрадывался к врагам и нападал на них везде, где мог, никогда не забывал, следуя древнему полузабытому обычаю, каждый вечер перед едой ставить на окно порцию обеда для убитого и плакать. Он стал со временем почтенным и пожилым человеком, мог принимать активное участие в собрании старейшин и эту свободу слова использовал, на радость всех старейшин, для того, чтобы каждый вопрос разбирать досконально, в соответствии с законами отцов.

Когда, как мы уже выше рассказывали, руководитель Ингушетии послал в горы Комиссию по устранению кровной мести и враждебные семьи заключали перемирие, Адольф Пешке был первым, кто бежал в горы, чтобы ему не пришлось прощать своих врагов. Комиссия, состоящая из князей, взбиралась за ним на вершины, но Пешке убегал от нее еще дальше. Они шли за ним по пятам, но ему легко удавалось от них скрываться. Когда его все-таки настигли, а князья встали перед ним на колени, умоляя о прощении врагов, то он гордо поднялся и на ингушском языке произнес речь следующего содержания: что за неслыханная дерзость считать его способным на предательство древних обычаев. Он является носителем фамилии лучшей ингушской семьи, знает, чем обязан памяти покойных родственников и чести семьи и никогда не предаст священное имя ингушского народа, законы предков! И если даже все его родственники откажутся от кровной мести, он будет последним, кто станет ее защищать!

Много дней князья пытались уговорить его. Даже родственники, которые давно уже были готовы заклю-

чить мир, умоляли уступить. Ничего не могло повлиять на немца, он оставался непреклонным.

– Закон гласит: за убийство нужно отомстить, так что я не могу согласиться с вами, – это был его единственный ответ.

– Но ведь все остальные же согласились и простили, – умоляла комиссия.

– Позор на их голову! – кричал Пешке возмущенно.

И даже когда князья хотели поцеловать его ноги, он не сдался, а встал и сказал, что всего лишь жалкий хранитель законов предков, этой чести не заслужил и удалился.

Родственники заявили, что не будут поддерживать его, если он не откажется от кровной мести. Но и это не подействовало на упрямца.

Адольф только сказал, что в таком случае, как бы грустно ни было, ему придется считать своих родственников нарушителями традиций, и поэтому он уедет со своей женой в горы, где спокойно будет выполнять свой долг. Сказано – сделано. Он заперся в горах и отказался от общения с родственниками. Даже жене не удалось его переубедить.

Только когда его разыскал самый старый и мудрый человек страны и доказал, что по древнему закону при особых обстоятельствах мир между кровными врагами возможен, Пешке вернулся в деревню и торжественно простил своих врагов. Ныне благодаря своему упорству он стал еще более уважаемым человеком и до сих пор живет в своем ауле, строго храня заветы предков, как и полагается порядочному ингушу.

ГЛАВА XIV

Civis romanus sum

Кавказская легенда гласит, что в свое время русские войска как-то добрались до непроходимых кавказских вершин. Даже самые опытные солдаты ужаснулись при виде крутых скал и пропастей, местные проводники тоже отказались продвигаться дальше, утверждая, что до вершины этих перевалов не доходил еще ни один человек. Но именно это и задело честолюбие русского генерала.

– Мы завоевали горские народы, должны покорить и сами горы, – сказал он и приказал идти дальше.

Генерал мечтал добраться до вершины этой неизвестной горы и воздвигнуть там памятник, дабы увековечить для будущих поколений имена солдат Его Величества русского царя, первыми покоривших эту вершину. Итак, восхождение продолжилось. Люди взбирались наверх, цепляясь ногами и руками за отвесные скалы, вырубая во льду и снегу киркой и лопаткой ступеньки. Они перебирались через пропасти, срывались вниз, погибали, замерзали в вечных снегах.

Но, несмотря на все это, приказ генерала был выполнен – вершина покорена. Солдаты решили передохнуть и стали искать подходящий камень, чтобы высечь свои имена. Поиски были недолгими. На краю вершины возвышалась большая гладкая скала и каза-

лась подходящей для задуманного. Генерал и его офицеры подошли к ней. Неожиданно господа отскочили от нее, ошеломленно посмотрели друг на друга и опустили головы. Что за сюрприз! Наконец, генерал обернулся, сухо и коротко отдав приказ возвращаться.

Они обнаружили высеченную на скале надпись. Некоторые слова еще можно было расшифровать: Pompejus Imperator – Legio XIV Anno…

Русские были не первыми, кто покорил эти горы. Римляне опередили их на два тысячелетия.

Действительно ли великий римский полководец увековечил свое имя на камне во время своего знаменитого кавказского похода, я не знаю. Во всяком случае, римляне не были редкими гостями в горной стране. Здесь множество греко-римских городов, которые потом частично перешли к генуэзским купцам и в качестве их колоний играли большую роль вплоть до средневековья. Позднее греко-римско-генуэзское влияние ослабло, сегодня от него ничего не осталось, кроме мингрельских блондинок с бесспорно генуэзскими чертами лица и странного загадочного племени кубачи. Я бы не отважился описывать его, если бы серьезные ученые, а среди них и немецкие профессора Дорн и Фрэ, не докладывали невероятное об этом таинственном племени.

Кубачинцы – малочисленный (от трех до четырех тысяч человек) народ, компактно проживающий в деревне Кубачи, к западу от Дербенда, относящийся к даргинской общине. Они не похожи на своих соседей, даргинцев, в чью общину были приняты. Кстати, кубачинцы и не хотят, чтобы их путали с соседями, и при

каждом удобном случае утверждают, что они не кавказцы, а римляне. Дагестанцы, в свою очередь, тоже не признают своего родства с кубачинцами.

– Кубачинцы – никакие не кавказцы, они пришли из Рима, с Запада, – говорят они с презрением, ненавидят их, избегая и считая чужаками.

Профессор Дорн считает, что римлян пригласил сюда в шестом или седьмом веке дагестанский правитель. Это были оружейных дел мастера, впоследствии осевшие в этих местах. (Слово «кубачи» на азербайджанском означает оружейный мастер). Позднее они получили самоуправление и еще в четырнадцатом столетии основали свободную республику, чья конституция аналогична конституции свободных итальянских городов средневековья, вели довольно замкнутый образ жизни и даже сегодня мало что известно об их жизни. Будучи такими же гостеприимными, как и все кавказцы, кубачинцы никогда не проведут чужаков в свои загадочные подземные коридоры, вырытые под деревней, о которых рассказывают фантастические истории. В этих огромных катакомбах, вход в которые неизвестен, время от времени исчезает все население деревни. Дагестанцам это объясняется так: там внизу, в этих подземных проходах, хранятся реликвии древней культуры и совершаются обряды предков, римских купцов. Может быть, они там молятся прежним богам или в тишине задумываются о минувшей славе, или же, как утверждают их враги – кумыки, – подделывают монеты. Кубачинцы действительно пользуются дурной славой фальшивомонетчиков на всем Кавказе, несмотря на то, что профессия оружейного мастера

считается священной. Как ни странно, но они стоят на более высокой ступени культурного развития. Так, еще сто лет назад они ввели обязательное школьное обучение для девочек. По другим сведениям, у них был свой муниципальный совет, улицы, функционировало уличное освещение, чего не существовало на всем остальном Востоке до последнего времени.

Интересна и духовная разница между «римским» народом и другими кавказскими народами. Их женщины не носят чадру, выставляют свои драгоценности напоказ и при заключении брака за женщину не платят выкуп, а наоборот, невеста приносит приданое на европейский манер.

Серьезные арабские ученые, среди которых Абу Гамид эль Андалузи, сообщали даже о женских школах, учительницах и молельнях для женщин. Одного этого уже достаточно, чтобы разглядеть в кубачинцах не восточного человека, а «римлян» или «ференги», то есть «европейцев». У них, кстати, есть обычай, который не известен ни европейцам, ни восточным людям и не имеет латинских корней. Это своего рода узаконенное прелюбодейство: вдовы и женщины, которых покинули мужчины, вечером садятся на порог своего дома с завязанными глазами и ждут проходящего мимо мужчину, которому могут принадлежать с двух до трех часов ночи. Им не разрешается видеть лица случайного любовника. Любой холостой мужчина может подойти к ней, и для женщины считается позором, если она не подчиниться этому закону. Дети, которые были зачаты в эту ночь, принадлежат всей общине, пользуются определенными привилегиями и воспи-

тываются на средства города. Однако кубачинцы воздерживаются от следования своим традициям, если поблизости от их деревни находятся чужаки. Они слишком замкнуты, чтобы доверять свои обычаи посторонним, и пугаются внешнего мира, в котором пользуются плохой репутацией.

Только одним своим увлечением кубачинцы с удовольствием делятся с чужаками. Как бы странно это ни звучало, они являются страстными коллекционерами антиквариата и, что еще интереснее, действительно знатоки в этом деле. У некоторых из них в домах располагаются настоящие музеи, и ничто так не нравится кубачинцам, как если их просят показать свои сокровища и рассказать историю каждого предмета в отдельности. Не бедные люди, они всю жизнь путешествуют по странам Востока и приобретают понравившиеся им предметы старины.

Покупать что-либо из коллекции кубачинцев не рекомендуется. Они очень любят продавать и с легкостью подсовывают подделки, но редко расстаются с действительно ценным предметом, как, например, с оригинальной старинной саблей, на которой один ученый обнаружил надпись на латинском языке: Viou re aut vio Gungard. Vicere ant mo Glori igarni.

Эти последние качества кубачинцев отвергают версию их происхождения от римлян, но европейские корни этого народа неоспоримы.

Но гордое утверждение кубачинцев – civis Romanus sum, все же имеет под собой основание. В центре их деревни, на небольшой рыночной площади, возвышается высокое каменное здание без окон, с малень-

кой входной дверью, которое кубачинцы почитают больше любой своей самой богатой коллекции антиквариата. Это здание является единственным подлинным памятником поздней античной культуры в диких горах Дагестана. Наружные стены отделаны барельефами с изображениями животных и всадников – почерк скульпторов античной эпохи. Внутрь святыни посторонних не пускают. Только немецкому исследователю, профессору Дорну, удалось попасть туда. Он видел внутренние стены, также отделанные барельефами. Среди них один с изображением двух женщин, сидящих за одним столом с мужчиной в головном уборе, похожем на монашеский капюшон. На вопрос, кто это, местные отвечали:

– Это наш господин – римский император.

Но они могли иметь в виду и Папу римского. На вопрос, кто построил это здание, кубачинцы очень торжественно, многозначительно подняв руки к небу, отвечают:

– Рим!

Окруженные в большинстве своем ленивым населением, эти странные римляне в горах Дагестана славятся своей деятельной натурой. Они ремесленники и организовали своего рода мануфактуру, которая имеет филиалы во всех крупных городах Востока, кроме того, даже в Петербурге, Лондоне и Париже. Они – оружейных дел мастера, работают по золоту и серебру, применяя совершенную систему разделения труда. Каждый работник изготавливает одну и ту же деталь изделия, вследствие чего достигает высокого мастерства в своем искусстве. Кубачинский стиль больше

европейский, чем восточный, хотя доказано, что они в течение последних двух веков ни разу не общались с европейцами.

Откуда же происходит этот загадочный народ, который так не вписывается в дагестанский мир? Язык они переняли у своих соседей – даргинцев, хотя он все-таки немного отличается от него. И именно эта разница, то есть несколько слов, которые не имеют ничего общего с даргинским, звучат очень уж по-европейски. Например: «я» по-кубачински звучит как по-французски «жё», «он» – «ил», «мы» – «нусса», «глаз» – «уле», «шапка» – «капа», «пасть» – «мулле» и т.д.

Все эти факты – легенды римского происхождения, древняя скульптура и неожиданные языковые сюрпризы – всегда вызывали интерес ученых. Они приезжали в Кубачи и начинали измерять черепа, что считалось самым современным и точным методом определения расовой принадлежности. Сначала измерение черепа показало, что кубачинцы находятся лишь в очень отдаленном родстве с другими дагестанскими народами. Вскоре, однако, ученые совсем растерялись, потому что, когда результаты измерения черепа стали исследовать с научной точки зрения, выяснилось, что кубачинцы должны состоять в родстве с парижанами и савойцами, то есть это кавказское племя имеет латинские корни.

Обнаружение истинных парижан в горах Дагестана – особенно, если учесть, что эти парижане называют себя «римлянами» или «франками», – конечно, могло бы стать сенсацией, если бы мир относился с большим интересом к стране гор. Подумать только!

Окруженный диким, примитивным населением, посреди суровых азиатских гор, отрезанный от всего мира, уже более тысячи лет не имеющий связи с Европой сохранился этот европейский, римский, латинский народ! Подземные катакомбы, римские надписи, организаторские навыки, способность к ремеслам и странные легенды о римском происхождении отличают этот народ от их соседей. Те, в свою очередь, враждебно относятся к пришлым, к их чужой, пришедшей откуда-то издалека культуре. Они много раз пытались уничтожить или прогнать их, но каждый раз кубачинцы прятались в своих катакомбах на долгие месяцы, потом неожиданно появлялись, побеждали врагов внезапным нападением, постоянно давали отпор противникам.

Так они столетиями хранили свои традиции, сберегли все самое дорогое, что осталось от их родины. Они занимались торговлей, вели свой образ жизни и не отказывались от страсти к организованной совместной работе. Непоколебимым кажется этот народ, никакие нападения, никакой возраст не могут его уничтожить. И сегодня, и в этот час существует он, как самый оригинальный пример прочности благородной расы, окруженной врагами и, тем не менее, выстоявшей. Свой язык кубачинцы потеряли, как и свою веру. Официально сегодня они – мусульмане. Но если спросить кубачинца о его происхождении, то он отвечает, даже на простом языке даргинцев, древней, гордой фразой своих предков: *Civis romanus sum* – Я – римлянин.

ГЛАВА XV

Герой гор

Кавказ – сказочная земля. Кроме диковинных народов, мрачных легенд и древних развалин, тут еще происходили события, непосредственно влиявшие на ход мировой истории. Здесь начинались политические и экономические войны, сотрясавшие Восток, и устраивались заговоры, о которых царская тайная полиция узнавала слишком поздно. Здесь, в седых горах и зеленых долинах, организовывали свои встречи опаснейшие заговорщики, создавались организации, готовившие вождей и террористов для будущей борьбы с царем. Здесь в типографиях печатались воззвания Ленина. Отважные люди проносили их через горы и распространяли по всей огромной империи. Здесь в генералов бросали бомбы и звучали угрозы, за которые в России грозила каторга в Сибирь.

Грозная царская полиция была здесь бессильна. Кавказцы насмехались над ней, им были известны способы защиты от нее, так что даже сам наместник, второй человек после царя, не мог с ними справиться. Каждый раз, когда полиции все-таки удавалось после долгой подготовки задержать какого-нибудь революционера и посадить его в замок Мцхети, можно было быть уверенным, что через несколько месяцев он сбежит оттуда. А когда революционерам нужны были

деньги, оружие или помощь, то они знали, где их искать, кто мог бы им помочь, не боясь преследования. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно Кавказ поставлял России самых опасных революционеров и террористов. Люди, которые совершили первую и вторую революции, свергли царя и привели пятиконечную звезду к победе, тоже были родом из гор.

Если русские цари подчиняли себе Кавказ огнем и мечом, покоряя его народы, сто лет правили в условиях непрекращающейся войны, то сегодня горские народы могут быть уверены – за каждого погибшего воина будет отомщено. Потому что ныне в бывших царских владениях правит выходец с Кавказа и окружают его тоже кавказцы. Они принимают законы, вершат судьбу великого народа, подчиняют себе все, что хотят подчинить, и вводят в Кремле кавказские традиции, как когда-то царь вводил русские обычаи во дворцах грузинских князей. Сто лет воевала Россия с Кавказом, а теперь должна была склонить колени перед армией кавказцев, передать им управление страной. А то, что в сегодняшней России получилось из марксистского мировоззрения и что таится в подсознании правящего в Кремле кавказца, в его душе горца, дело будущих историков.

Имя этого кавказца, грузина, который завоевал Россию со своими земляками, уже упоминалось в этом повествовании. Но Сталин – это не единственное его имя. За свою жизнь он много раз менял его – Коба, Давид, Нижарадзе, Чичиков, Иванович и, в конце концов, – Сталин. Его настоящее имя Иосиф Виссарионович Джугашвили, сын тифлисского сапожника.

История восхождения Сталина к власти очень необычна. Игнатиус фон Лойола начинал как разбойник и грабитель, а Сталин – как набожный ученик духовной семинарии. Не дотянув года до экзамена на священника, он был исключен из семинарии за «социалистическую ересь», как говорили тогда. Не его одного постигла такая участь, вместе с ним были исключены многие его сокурсники. Очевидно, семинария превратилась тогда в социалистическое гнездо. Эти несостоявшиеся священники во главе со Сталиным являлись ядром кавказских активистов, самых верных учеников Ленина.

Это была особая группа людей – представители малочисленных народов, часто безграмотные, дикие воители, которые, один Господь знает каким образом, нашли свой путь к марксизму. По сути, они не имели ничего общего с социализмом. Типичные кавказцы, горцы, которые ненавидели большие города с их культурой, так же как и златоглавые церкви, седых священников и портреты царя рядом с крестом. Они въезжали в город на небольших повозках, грабили, забирали красивых девушек и жирных баранов, пару раз стреляли в воздух и снова исчезали в горах, где усаживались на какой-нибудь скале вокруг костра и пели песни о своем славном прошлом.

В прежние времена, когда кавказцы еще воевали с царями, их называли «борцами за свободу Отечества», потом были мусульмане, сражавшиеся с христианами, теперь – «марксисты», «социалисты» или же, что важнее и понятнее – «закавказские активисты». Они наводили ужас на всех и вся. Даже настоящие марксисты в России часто пользовались их именами для запугивания своих врагов.

Сталин не сразу стал вождем активистов, ему пришлось долго учиться конспирации, пропагандистской работе, хладнокровной революционной стратегии. Мало кому известно о подпольной революционной деятельности Сталина. Все знают, что он много лет выпускал в подпольных типографиях агитационную литературу. Позднее отвечал за переправу революционной литературы (все большевистские типографии находились на Кавказе) и ему много раз удавалось бежать из заключения, даже из Сибири. Только после разрыва Ленина с другими революционерами и создания большевистской партии Сталин приступил к деятельности, которая принесла ему славу самого кровожадного и деспотичного человека, заложив основу для обретения безграничной власти в годы революции.

С 1906-го по 1907 год, на пике постреволюционной реакции, Сталин собирал свой первый урожай.

Ленин и Троцкий жили тогда в Париже и пользовались одной на двоих парой сапог. Партийная казна была пуста, а попытка напечатать фальшивые банкноты провалилась.

Женитьба молодых коммунистов на богатых вдовах и использование их приданого на нужды партии также не принесли результатов. Эта идея принадлежала самому Ленину. Исполнительный комитет партии решил приступить к осуществлению плана «Экс», что означало экспроприация частной собственности. Он заключался в том, что коммунисты врывались в какой-нибудь банк, магазин или жилой дом, уносили деньги, драгоценности и передавали их в партийную кассу. Не так-то просто было найти исполнителей, потому что

не каждый коммунист хотел принимать участие в грабежах и убийствах. Поэтому исполнение плана «Экс» стало делом закавказских активистов, а Сталин первым вызвался вместе со своими земляками претворить его в жизнь. В 1906, 1907 и 1908 годах на Кавказе был осуществлен целый ряд дерзких ограблений, ценой многих из них была человеческая жизнь.

Старожилы Тифлиса до сих пор с удовольствием рассказывают о самом знаменитом «эксе» – нападении на казначея Государственного банка России. Это произошло 13 июня 1907 года, в полдень. Казначей императорского банка Курдюков доставлял с почты только что поступивший из России денежный перевод общей суммой в миллион рублей. На обратном пути машину сопровождала охрана из казаков. Сцена этого знаменитого «экса» разыгралась перед резиденцией царского наместника, на самой оживленной улице европейского Тифлиса.

С крыши стоявшего по соседству с дворцом дома была брошена бомба, одновременно послышались выстрелы – из толпы прохожих стреляли в казаков. Началась паника, в которую вовлеклись и полиция, и очевидцы. И все-таки можно было видеть, как из соседнего дома выбежал молодой человек и кинулся к машине с деньгами. Казаки, конечно же, заметили его и пытались задержать, но тот бросил в их сторону вторую бомбу. При взрыве погибли солдаты и лошади, а юноша каким-то чудом остался жив. Раздались выстрелы, он стал отстреливаться, тем временем проникнув в горящий автомобиль, вырвал из рук убитого кассира сумку с деньгами и бесследно исчез. Все это про-

изошло в течение нескольких минут. На тифлисской улице остались лежать пятьдесят трупов, а добыча принесла в коммунистическую кассу миллион рублей. Того молодого человека звали Сталин.

Вся полиция России была поднята на ноги, но так и не удалось найти ни преступника, ни деньги, которые были надежно спрятаны: одна часть – в диване Его Светлости царского наместника, другая – в матрасе одного добропорядочного профессора астрономии. Ни одному сыщику не пришло бы в голову искать их там. Позднее деньги были переправлены в Париж Ленину, их разменяли в некоторых банках еще до того, как французской полиции сообщили номера похищенных банкнот (это были пятисотрублевые купюры).

Только последние пятьсот рублей удалось конфисковать. Человек, который выложил эти деньги, был задержан. Это был соратник Ленина, коммунист по фамилии Валлах. Сегодня он стал союзным министром иностранных дел и зовут его Литвинов.

Как только деньги были перевезены через границу, Сталин стал готовиться к новому «эксу». Через несколько недель он уже совершил нападение на почтовую оказию на широком шоссе между Тифлисом и Коджори, летней резиденцией грузинских князей, похитив при этом сто тысяч рублей. Во время этого предприятия были убиты семь человек.

Такие «эксы» совершались по всей России, но самые крупные суммы, поддерживающие деятельность Коммунистической партии, приносил Сталин. Другие «эксы» чаще проводились для личного обогащения, ведь контролировать объем добычи было невозможно.

В голове у низколобого Сталина подобных мыслей не возникало. Он был и остается честным и непритязательным; в этом была и есть его сила. Он посылал Ленину все, до последней копейки. Его пять раз ссылали в Сибирь, и каждый раз ему удавалось бежать. Именно с тех пор берет свое начало легенда о нем и огромном количестве его сторонников, духовно менее подкованных единомышленников, как свиты восточного вождя.

Мне довелось встретиться с этим странным вождем, посмотреть в его маленькие, суровые глазки, в которых таилась особенная, типично кавказская улыбка. Такие глаза бывают иногда у восточных вождей и дипломатов, которые верят в то, что им одним известна правда, которая защищает их и за которую они борются. Такие глаза были у Абдул Гамида, единственного из современных правителей, кого можно сравнить со Сталиным по числу совершенных убийств. У Сталина длинный нос с горбинкой, густые, иссиня-черные волосы и очень низкий, патологически низкий лоб. У него нет какой-либо программы, идей, которые бы он стремился осуществить или от которых был бы вынужден отказаться. Единственным его богатством является абстрактный коммунизм и непоколебимое убеждение в том, что человечество может управляться лишь с помощью кнута. Сам он редко выступает на публике, никогда не был эмигрантом, как все другие политики России. Даже когда полиция сидела у него на хвосте, он не бежал за границу, а прятался в родных горах, где сочинял новые легенды. Он скромен и никогда не придавал особого значения внешним атрибу-

там, не стремился к руководящим постам, а сегодня, находясь на вершине власти, является для всех просто генеральным секретарем партии.

Сталин намного приятнее в личном общении, чем в общественной жизни. Его принадлежность к самому дружелюбному в мире грузинскому народу почти не проявляется. Даже за вином его не покидает монашеский аскетизм. Обучение на священника не прошло для него бесследно, кстати, в его окружении находится много несостоявшихся священников – кавказские духовные семинарии подготовили много революционеров. Так, армянин Микоян, друг Сталина, который сегодня является министром торговли, тоже бывший семинарист. Сталин любит окружать себя себе подобными, кавказцами, которые боготворят его; учениками семинарии, которые, как в старые времена, знают Евангелие наизусть; дикими, простыми людьми, которые рассказывают легенды о временах прославленных кровавых «эксов».

Когда он раздражен, опускает голову и оглядывает своего противника с ног до головы. В нем просыпается какая-то нечеловеческая дикость, циничная улыбка сходит с лица, он багровеет. В любую минуту может произойти что-то ужасное. Очень опасно сердить Сталина.

Он давно уже стал живой легендой благодаря своей замкнутости, искусной маскировке под многочисленными именами, которые постоянно менял, и благодаря тому обстоятельству, что одновременно с тем, что совершал «эксы» для Ленина, отнимал лавры восточной славы у другого кавказца, который занимал умы горцев и являлся олицетворением кавказского рыцарства.

Этот кавказец не имел к революциям никакого отношения. Он тоже не был ни князем, ни мудрецом. Это был простой абрек Зелимхан из Харачой, что в Чечне – самый знаменитый и отважный разбойник гор. Славные были его деяния. На Кавказе не существовало ни одного банка, который бы он хоть раз не ограбил, ни одного миллионера, чей кошелек бы он не вытряс, ни одного русского офицера или чиновника, который бы не дрожал перед ним. Абрек грабил, убивал и делился со своими бедными земляками, почтительно кланялся перед каждым князем, духовным лицом, писал издевательские письма русским генералам, которые не могли его арестовать. В одном из таких писем говорится: «Генерал, знаешь, почему ты не можешь меня поймать? Только потому, что ты просто плохой человек! Твой отец наверняка был взяточником, и я предполагаю, что сам ты спал со священником. Твоя распутная дочь спит с французом. Так как же Бог может поддерживать тебя в борьбе против меня?»

Долгие годы русским приходилось сносить эти издевательства, но, в конце концов, правительство послало целую армию для расправы с шутником. Командование поручили жестокому генералу, который для начала уничтожил целые аулы, разрушил дома, расстрелял вооруженных людей, а их семьи заключил в тюрьмы, так как решил, что они поддерживают абрека.

Когда Зелимхан узнал об этом, он растерянно развел руками и сказал:

– Как же можно разрушать дома, разве вы их строили?

Затем он сел и написал письмо генералу: «Я, абрек Зелимхан, занимаюсь разбоем уже десять лет, но при-

нес меньше несчастий, чем ты, кто провел в горах каких-то десять дней. Зачем ты убиваешь людей? Ты же должен убить меня! Я предлагаю тебе следующее: ты оставляешь моих людей в покое, а я – твоих солдат. Вместо того чтобы устраивать побоище, я укажу тебе место, где мы с тобой встретимся для поединка, как полагается порядочным людям».

Генерал отказался принимать вызов, потому что не мог выходить на дуэль с разбойником, но вскоре был вынужден согласиться, так как абрек разослал письма во многие аулы. В итоге повсюду распространились слухи о трусости генерала! Наконец, его же люди, казаки, выросшие в горах, стали роптать и презирать своего командира, который не хотел быть рыцарем.

Итак, они встретились в уединенной долине – его превосходительство генерал, кавалер многих орденов, придворный, дипломат, и разбойник, крестьянский сын, абрек, который здесь, в горах, был с генералом на равных. Поединок, который протекал по всем правилам кавказского боевого искусства, длился недолго. Тяжелораненого генерала унесли с поля боя. После этого абрек подумал, как и каждый горец, что теперь он победил Россию, и его оставят в покое, но ошибся. Генерал быстро восстановил свое здоровье и стал преследовать горцев с еще большей жестокостью. Абрек был вне себя от ярости – это он, а не генерал вышел победителем в битве, и еще никогда побежденный не поступал так подло. Однажды ночью Зелимхан подкрался к дому генерала и вытащил из-за пояса самодельную бомбу, – часы российского военачальника были сочтены. Но тут из-за угла вышел местный князь, кото-

рый сразу же узнал абрека и испугался. Русские обещали забить до смерти всех пленных горцев, если будет совершено покушение на генерала.

Князь не смог бы рассказать об этом абреку в одну минуту, поэтому он тихо прошел мимо него, дотронулся до его руки и произнес:

– Нельзя!

Этого было достаточно. Абрек спрятал бомбу за пояс и исчез из города, но впоследствии все-таки убил генерала в честном поединке в одном горном ущелье. После этого он продолжал грабить банки и богачей (только не князей), при этом исправно молился и удивлялся, как ребенок, когда ему рассказывали о том, что есть люди, которые хотят свергнуть царя. Он же, Зелимхан, которого в легендах часто путают со Сталиным, был глубоко убежден, что является самым преданным и честным слугой царя и князей. Он погиб в 1913 году в перестрелке между казаками и кровными врагами. Люди и по сей день посвящают ему песни. Никогда на Кавказе не было разбойника такого масштаба. Только Сталин мог бы с ним сравниться, но тот предпочитает сегодня власть в Кремле карьере разбойника. Сталин, Зелимхан и другие – о них следует знать, чтобы более или менее понять, что такое Кавказ!

Нигде больше в мире так не переплетаются между собой прошлое и настоящее, рыцарство и марксистские теории, романтизм и политэкономия, подпольные типографии и самые обычные убийства с целью грабежа, как на Кавказе. Нигде больше самое невероятное не становится так быстро реальностью, а реальное – красивой легендой. Вероятно, это связано с при-

родой гор, суровой действительностью, которая превращает голые факты в фантастические сказки и окутывает их романтикой. Романтизм, о котором горцы не имеют понятия, является врожденной чертой характера всех кавказцев, – разбойников, князей, крестьян, марксистов и священников, всех, кто дышал или дышит воздухом гор, расположенных между Черным и Каспийским морями.

ГЛАВА XVI

Ламаройцы

Зелимхан – отважный разбойник – был чеченцем, родом из девственных лесов северо-западного Кавказа. Население этой местности поделено на целый ряд самостоятельных народностей. Разобраться во всем этом могут только специалисты. Русские произвольно назвали эти народы «черкесами», хотя черкесы составляют лишь малую их часть. Кавказцы же называют эти народы «ламарой», что в переводе означает «жители горных вершин».

Ламаройцы, в первую очередь черкесы, ведут странный образ жизни. Они смогли научиться жить в этом мире, не имея понятия о таких вещах, как правительство или начальство. Черкесы живут только для себя, никому не повинуются и не могут понять, что есть люди, которые послушно платят налоги и рассчитывают при этом на уважение к себе. Как-то в древние времена чеченцы, которые являются частью ламаройцев, пригласили к себе иностранного князя, дабы тот защищал их от врагов, а взамен мог забирать половину добычи. Князь «правил» там несколько лет, а потом бежал и поклялся никогда более не принимать приглашения от какого-либо горского народа. Любой чеченец обращался с ним, официальным правителем, как со своим личным слугой. С тех пор чеченцы больше

никогда не имели князей. Каждый сам себе князь, сам создает законы, которым только он сам повинуется, и презирает тех, кто терпит над собой власть.

Рассказывают, что незадолго до войны в горах путешествовал один русский князь со своей многочисленной свитой. Он зашел в хижину к одному молодому чеченцу и очень удивился тому, что юноша не удосужился даже встать при виде него.

– Почему ты не встаешь? Разве ты не знаешь, кто я такой? – спросил князь.

– Ну, и кто же ты?

– Я князь, родственник царя!

– А кто такой князь?

– Князь – это очень большой человек, – сказал он, – у него много земли, много слуг, его предки были известными людьми и почитались царями. Князь, можно сказать, первое лицо в стране.

– Прекрасно, – заговорил чеченец, – скажи мне одно: кто стоит между тобой и Богом?

– Между мною и Богом стоит только царь!

– Вот видишь! А между мною и Богом никто не стоит. Так что, это не я должен тебя уважать, а ты меня! – ответил он и повернулся к князю спиной.

Об этом и других подобных случаях чеченцы всегда рассказывают с гордостью. Они постоянно чувствуют себя обиженными со стороны окружающих и считают, что их не ценят по достоинству, не уважают их свободолюбия. И это неудивительно, потому что все соседи чеченцев продолжают жить в условиях феодального строя.

Оскорбленный ламарой – это самое опасное, с чем можно столкнуться в горах, намного опаснее, чем лео-

парды, обитающие сегодня в лесах Чечни. С залитыми кровью глазами, он, как безумный, скачет на своем коне по горам, ревет во всю глотку и прыгает в седле, как одержимый, в бешенстве нападая и убивая каждого, кто встречается на его пути. Причины, которые доводят ламароя до такого состояния, чаще всего очень несущественны. Иногда достаточно бывает одного взгляда или неуважительного жеста, и он уже приходит в ярость, хватается за кинжал и бросается на всех, кто попадается на его пути.

Этим качеством, слишком быстро чувствовать себя оскорбленным, в высшей степени обладают все кавказцы, грузины и азербайджанцы, как и возможностями достойно ответить на эти оскорбления. И все же ни один из этих народов не впадает так легко в исступление, как ламарои. Причем выражение «быть оскорбленным», которое кавказцы употребляют в таком состоянии, не соответствует действительному положению дел. Часто ламаройцы выносят тяжкие оскорбления и покушение на их честь, не выходя из своей хижины. Бывает, что они просыпаются в приступе ярости. Тогда люди говорят: его оскорбили во сне. Если же оскорбленный ламарой не в состоянии отомстить обидчику, то он направляет оружие против себя самого, чтобы увидеть кровь и успокоиться.

Нужно быть большим знатоком Кавказа, чтобы длительный срок в безопасности прожить среди ламаройцев или других горских народов. Для европейца, даже при всем его желании, – это невыполнимая задача. Не имея злого умысла, он все равно подвергает себя опасности оскорбить кого-либо и испытать на себе все последствия. В России хорошо знали об этой черте

ламароев. В военных училищах, куда ламароев за их способности с удовольствием принимали, это обстоятельство учитывалось особо. Для них была выделена отдельная комнатка, где всегда хранились кавказское оружие и много деревянных предметов наряду с обычной мебелью. Стоило только будущему офицеру почувствовать себя оскорбленным, как его от греха подальше запирали в этой комнате, где он мог кинжалом и саблей порубить все на дрова. Как правило, через несколько часов он успокаивался. После этого к нему подсылали нескольких земляков. Те со всей серьезностью, торжественно просили его о мире и вместе с ним, согласно законам их родины, устанавливали плату за оскорбление. А платой за оскорбление в военных училищах всегда был праздник, который устраивался в честь оскорбленного. После такого положительного завершения дела ламарой гордо и победоносно покидал комнату усмирения, а служители сразу же вновь обставляли ее мебелью для следующего подобного случая. Этот метод был весьма разумным, так как если не удовлетворить желание ламароя изрезать что-либо, то он всегда будет пытаться убить «обидчика». Поэтому русские изобрели в своих военных училищах эту месть на деревянных чучелах. Способ, который нужно было бы применять иногда и при конфликтах между великими культурными народами.

Европейцу очень трудно объяснить, что означает для ламароя и для других кавказских народов понятие «оскорбление». Это не словесное оскорбление, потому что если ламарой скажет, что его оскорбили ругательством, то он имеет в виду совсем другое. Клевета также

не является оскорблением. Зато даже самая незначительная несправедливость считается таковым, как и все, что несет в себе хоть малейшее унижение. Как это так?! Он – ламарой – не способен сделать то, что кто-то другой может сделать с легкостью. Любое безразличие, недооценка, насмешка или просто намек на это являются невыносимым оскорблением.

Глубоким оскорблением для ламароя сказать ему, что слушателя не интересует то, о чем он рассказывает, или что это не входит в его обязанности. Так что, если ламарой рассказывает полицейскому о болезни своей скотины и просит его о лекарстве, то тот не должен ответить ему:

– Дорогой мой, я очень ценю твое доверие, но ничего в этом не понимаю.

В этом случае лучше протянуть ему какой-либо предмет, например, кусок сахара, как средство от болезни, и очень вежливо сказать:

– Если этот кусок сахара не поможет, к моему великому прискорбию, то на этом мои познания исчерпываются. Тогда ищи помощи у кого-нибудь другого.

При этом нужно назвать имя этого человека, желательно ветеринара, и вежливо, но настойчиво заверить ламароя в своем сочувствии.

Я никогда не забуду сцену одного оскорбления, которая разыгралась на моих глазах и только по чистой случайности не закончилась кровопролитием.

Она произошла несколько лет назад и не на Кавказе, а в Германии, на всемирно известном курорте, куда ежегодно съезжаются больные и здоровые люди со всех уголков планеты. Я тоже оказался там и случайно

познакомился с одним черкесским князем, который по каким-то причинам, которые ему самому не были известны, счел нужным в тот год почтить этот курорт своим присутствием. На курорте каждый человек выполнял предписания врача или кого-либо еще.

Фантазии князя не хватило на то, чтобы предписать себе что-либо самому. Поэтому он решил, как и многие другие, спросить совета у светил медицинской науки. Он все откладывал посещение врача и только за три дня до отъезда пришел в приемную одного знаменитого профессора. Так как он не знал ни одного слова по-немецки, а врач не владел черкесским в полном объеме, то мне пришлось сопровождать князя. Я заранее записался на прием, потому что знал, что князю не пристало ждать в приемной, следовало, чтобы нас приняли без промедления. Врач обследовал его, задал пару вопросов, которые я очень сильно смягчил при переводе, и назначил следующее лечение: горячие ножные ванны, световые ванны для головы, прогулки и строгое воздержание от никотина. Все это нужно было выполнять в течение шести недель. Я перевел все буквально, в надежде на то, что князь, который едва ли понял половину, не будет из гордости ставить себя в неловкое положение, а благоразумно промолчит и мирно направится к себе домой. Но, к сожалению, сильно ошибся. Оказалось, что князь всерьез заботился о своем здоровье и простодушно спросил, можно ли световые ванны принимать в виде таблеток или капель, он, мол, привык дома принимать лекарства в виде порошка или капель.

И мы оба – врач как специалист, а я как переводчик – стали объяснять князю, что такое ножные и све-

товые ванны. Медсестра, находившаяся все это время в комнате, даже принесла соответствующую аппаратуру и пыталась рассказать князю о том, как она работает. Тот постепенно стал что-то понимать, а лицо его медленно и угрожающе начало приобретать багровый оттенок.

– Я должен надеть это на голову? А в этом омывать ноги? И этого от меня требуют какая-то женщина и неверный?

Эти слова я не перевел, достаточно было тона, которым они были произнесены. Последствия оскорбления не заставили себя долго ждать. Я только собирался как-то успокоить князя, как наш «бедный больной» с диким воплем вскочил, сорвал с лица медсестры очки, бросил их на пол и растоптал. Одним ударом руки он смахнул все инструменты со столика врача и стал буйствовать. Сначала набросился на пожилую медсестру, которую швырнул на диван и стал колотить ее так, как наказывают непослушных детей. Она, спрятав лицо в подушки, не могла от него отбиться. Нелепый вид князя, который своей грубой рукой шлепает несчастную медсестру, никогда не сотрется из моей памяти. До смерти перепуганная медсестра издавала тихие стоны под подушкой. Наконец, кавказец отстал от нее и обратил свой взор на врача, который, молча, застыв, наблюдал за этой сценой. Князь молниеносным движением надел врачу на голову аппарат для световых ванн и буквально вышвырнул его из приемной. Рыдающая сестра и я бросились к врачу. К счастью, мне удалось захлопнуть за нами дверь, так что князь теперь остался в приемной один.

Первой мыслью врача была полиция, второй – сумасшедший дом, потому что рычание, доносившееся из-за закрытой двери, действительно указывало на то, что там находится ненормальный. Трудно описать, сколько усилий мне потребовалось для того, чтобы разъяснить врачу, сестре и пришедшим им на помощь охранникам причины столь странного поведения князя и заставить их передумать. С точки зрения князя он был абсолютно прав.

Чужая женщина и какой-то неверный считают, что он – князь, должен, вместо того чтобы принимать лекарства, сначала вымыть свои ноги! Это было особенно оскорбительным, потому что князь, как истинный мусульманин, и так пять раз в день совершает омовение ног. Хотя он этого не делал, потому что не был особенно набожным, но тем хуже было то, что христиане, да христиане, хотели заставить его выполнять религиозный долг, тем самым намекая на то, что его болезни – наказание за слабости и небрежное отношение к религии.

Настолько же оскорбительными были, конечно же, и другие предписания врача. Ведь предписывать князю прогулки было издевкой, он, мол, так беден, что не может позволить себе купить автомобиль. И наконец, эта наглость! Князь должен надеть себе на голову аппарат, похожий на бычий хомут. Очевидно, это стало кульминацией, самым страшным оскорблением!

После того, как все объяснил врачу, и тот, качая головой, приступил к подсчету нанесенного ущерба, я осторожно постучал в дверь, за которой немного утихло рычание. В ответ раздались проклятия, которые,

однако, уже не звучали так грозно. Я тихо открыл дверь и осторожно прошел в помещение. Князь сидел на полу и разрывал на кусочки документы, которые нашел на столе врача.

Долго мне пришлось уговаривать его успокоиться и пойти со мной домой. Но лишь после того, как я заявил ему о полной поддержке и готовности так же отреагировать на поведение врача, он стал сговорчивее. Мы еще какое-то время посидели на полу, поговорили об испорченности европейцев и прекрасной стране Черкесии, где такого бы никогда не произошло, заверили друг друга в искренности наших чувств и только сокрушались по поводу того, что нам приходится жить в Европе. Потом князь встал и с высоко поднятой головой вышел из приемной. Врач осторожно протянул ему счет. Князь даже не удостоил его взглядом, а только достал из кармана пачку денег и, презрительно швырнув, высокомерно сказал:

– Только ваши слезы раскаяния смогут смыть с моего лица грязь нанесенного мне оскорбления!

Я решил не переводить этих слов, проводил князя домой и посоветовал как можно быстрее покинуть испорченную Европу. Врач же, в свою очередь, не стал жаловаться на князя из уважения к его титулу, если даже его носитель не посчитал себя достойным столь важного лечения.

К счастью, князь не был настоящим ламароем, не был чеченцем, иначе эта история закончилась бы намного хуже, и без кровопролития не обошлось бы. Это один из примеров того, что значит по-кавказски быть оскорбленным. И тот, кто знает ламароев, наверняка

может рассказать много таких историй, исходя из личного опыта.

К сожалению, не всегда удается уладить оскорбления мирным путем, чаще всего они заканчиваются кровопролитием, причем очень часто страдают непричастные к делу лица. Если оскорбление серьезное, а первый приступ не был подавлен каким-либо способом, если оскорбление было нанесено сразу несколькими лицами, как в случае с вердиктом суда или в связи с кражами, совершенными разными людьми, ламарой становится «вечным оскорбленным», очень опасным чудовищем, ужасом гор.

Навсегда назвав себя абреком, что означает тот, кто дал клятву, он сильно отличается от простого, не оскорбленного абрека, обычного разбойника гор. Основным различием между ними является знаменитая клятва навеки оскорбленного, по которой тот должен строить свою жизнь. Ее приносят в полночь после молитвы и жертвоприношения во дворе храма, звучит она так:

– Я – сын честного и свободного отца, клянусь этим святым местом, которому поклоняюсь, что останусь абреком в течение стольких-то лет. Все эти годы я буду проливать человеческую кровь и никого не буду щадить. Я буду преследовать людей как дикий зверь! Клянусь отбирать у своих собратьев все, что дорого их сердцу, совести. Я буду закалывать младенцев на груди у матерей, поджигать последнее пристанище нищих, приносить беду туда, где до сих пор царило веселье. Если я не выполню свою клятву, если любовь или жалость растопят мое сердце, то пусть я никогда не увижу могилы своих предков, пусть вода никогда не уто-

лит мою жажду, а хлеб – голод, пусть бездомные животные будут испражняться на моем трупе, который будет валяться на дороге.

В большинстве случаев ламарой сохраняет верность своей клятве. Он скачет по горам, прячется за камнями, нападает и убивает каждого, даже своего родственника, безжалостно мстит человечеству. Он может добровольно дать клятву с условиями, т.е. быть абреком только против определенных людей или определенного сословия, например, судей или русских.

По истечении срока клятвы, если по счастливому стечению обстоятельств он остался жив, абрек переселяется в отдаленную местность, где его никто не знает, женится и ведет образ жизни скромного крестьянина. Но и там ему редко удается остаться неузнанным – слишком много мстителей преследуют его и, в конце концов, убивают.

Ламаройцы очень горды. Народность, численность которой составляет от двух до трех тысяч, ведет очень примитивный образ жизни, но искренне считает себя самым лучшим и знаменитым народом в мире, всеми силами пытаясь это доказать. А сделать это нелегко, ведь большинство племен ламаройцев не могут похвастаться славной историей так же, как не могут ее стыдиться. Они ничего не знают о своем прошлом, а ученые даже утверждают, что некоторые племена ламаройцев возникли совсем недавно.

Описать происхождение ламаройцев нетрудно. Какое-то племя плутает в кавказских степях, изгоняется из долины и ищет себе пристанище на горных вершинах, которые населяют свободные ламаройцы. Понятие общественного строя им неизвестно, и при-

шельцам очень легко удается покорить местных жителей. Итак, племя остается в горах и здесь с удивительной скоростью происходит процесс его одичания. Их язык смешивается с языком побежденного народа, который, в свою очередь, говорит на двух, а то и на трех разных языках.

Спустя сто лет образовался отдельный народ, говорящий на одном языке и не желающий быть похожим ни на один другой народ в мире.

Для ламаройцев сто лет – достаточный период, чтобы забыть историю своего происхождения и сочинить легенды, могущие сбить с толку даже самого объективного ученого.

Каждый из этих народов пытается по-особенному обосновать свою гордость. Так как ничем значительным похвастаться перед соседями они не могут, то выбрали язык как достойную отличительную особенность и со смущенной улыбкой утверждают:

– Наш язык – самый сложный в мире!

С этим согласны все ламаройцы. Каждый хочет сохранить за собой хотя бы эту честь и простодушно заявляет:

– Если я могу говорить на самом сложном языке в мире, то это доказывает, каким умом я обладаю и на какие поступки способен!

Так говорят про себя упрямые ингуши, аварцы и чеченцы. В чем-то они правы, их языки действительно относятся к самым сложным языкам мира. Аварский, к примеру, не содержит гласных, которые мог бы выговорить нормальный человек. Аварские слова произносятся при помощи разнообразных щелканий язы-

ком или гласных, напоминающих бульканье воды, льющейся из бутылки.

Еще сложнее обстоят дела с табасаранским, который настолько сложен, что сами табасаранцы с трудом им овладевают, при этом говоря, что современный язык сильно искажен. Последний табасаранец, хорошо знавший родной язык, умер пятьдесят лет назад. Чаще всего они перенимают язык кого-нибудь из соседей, а когда вынуждены говорить на родном, то произносят слова очень медленно, с паузами, с большим трудом правильно используя различные словесные обороты. Очень сложна грамматика этих языков, которую с огромными усилиями составили некоторые ученые. Хотя иностранными учеными и был составлен для этих языков алфавит, применить его невозможно. Сами ингуши десятилетиями пытаются создать свой алфавит. Были испробованы все существующие буквы, но все безуспешно.

Недавно вышла первая ингушская газета, напечатанная на латинском алфавите. Прочитать ее не в состоянии даже самый просвещенный представитель этого народа. Так как нет каких-либо орфографических правил, каждая статья была написана так, как их авторы сочли грамматически верным. Черкесы тоже не могут создать свой алфавит, именно поэтому с очень важным видом говорят:

– Наш язык слишком «горд», чтобы дать себя связать какими-то знаками.

И все же эти языки, ингушский, табасаранский и аварский, не так сложны, как абхазский, на котором говорит довольно-таки многочисленный народ с высо-

коразвитой культурой, проживающий на побережье Черного моря. Известный немецкий филолог прошлого столетия, барон Услар, который посвятил свою жизнь изучению кавказских языков, захотел как-то исследовать этот язык. Он отправился в Абхазию, прожил там два года и после этого сказал, что он – филолог – не только не смог овладеть абхазским языком, но и вообще не понял, как абхазы понимают друг друга.

Абхазские слова невозможно произнести, хотя состоят они из обычных звуков. Относительно несложное выражение слова «молиться» звучит в буквальном изложении так: «счисдидсвайт». Лежать по-абхазски «амтцсгфайт», а скрывать – «льчисимтсахти». Несомненно, первенство в соревновании на самый сложный язык принадлежит абхазам.

Однако это мнение нежелательно высказывать в разговоре с ламароем. Потому что и это может рассматриваться как оскорбление национальной гордости.

Обиды и оскорбления национальной и личной гордости со всеми вытекающими отсюда последствиями привели к тому, что ламарои и между собой общаются с предельной осторожностью. Каждый старается избегать малейшей двусмысленности и может даже в самых незначительных вопросах проявлять огромную тактичность. Европейцы, путешествующие в горах, поражаются исключительной вежливости ламаройцев. Эта вежливость и страх кого-либо обидеть привели в некоторых областях к формированию странных обычаев. Если бедняк-ламарой без каких-либо средств к существованию переселяется в чужой аул и не имеет личного домашнего скота, крыши над головой, то ему не придется попрошайничать у местных жителей. Это

оскорбляет и позорит свободного ламароя. А значит, у него есть право, опираясь на священные традиции, в течение семи лет безнаказанно обворовывать жителей аула. Все, что он украл, принадлежит ему и создает фундамент будущего хозяйства. Через семь лет он имеет такое же состояние, как и остальные жители, и его также может грабить новенький. Но если и через семь лет ламорой не оставит привычку красть, то становится наказуемым.

Это позволительное воровство является одним из примеров солидарности и тактичности ламаройцев, которые часто приобретают гротескный характер.

Если, к примеру, ламарой на охоте добыл много дичи и на обратном пути встретил менее удачливого охотника или вообще кого-то, кто и не собирался охотиться, он должен поделиться, неважно знаком он с ним или нет, половиной своей добычи. Иначе тот мог бы обидеться, чувствуя себя ниже удачливого охотника. Порой они идут в этом чувстве солидарности еще дальше. Если кому-то из ламаройцев не достает одной скотины, то соседи должны возместить ему эту потерю. И в случае пожара или других бедствий жители аула должны помочь соседу восстановить хозяйство. Все – по законам дружелюбия и чудесного кавказского чувства такта.

Так что даже самый отсталый ламарой, несмотря на клятву абрека и приступы бешенства, ни в коем случае не является варваром. В горах не существует абсолютно диких народов, за исключением одного-единственного, который, однако, настолько своеобразен, таинственен и неизвестен, что некоторые ученые вооб-

ще не верят в его существование. Этот народ называется очокочи и проживает в девственных лесах юго-запада Кавказа, между Главным Кавказским хребтом и Сванетией. Эти леса не тронуты человеком, даже кавказцами. Никто не знает, что происходит в этой лесистой местности. Только у границы этой земли сваны и абхазы пасут свой скот. Там они иногда встречают диких очокочей, жителей лесов. Эти, быть может, самые первые поселенцы на Кавказе, изгнанные в леса и не знающие, что такое одежда, обнаженные, бегают по горам и единственное их украшение – длинные кудрявые черные волосы.

У них нет разговорной речи; говорят, что они могут только выть, пищать и смеяться, не имеют ни малейшего представления о какой-либо домашней утвари и оружии, спят в каменных пещерах или под кроной деревьев, а питаются ягодами и сырым мясом убитых диких зверей. Если им повстречается кто-то из людей, то они замирают, вопросительно смотрят на него, возносят руки к небу и смеются. Если человек молчит, то они еще какое-то время смотрят, а потом убегают. Только если с ними заговорить, то они пугаются и набрасываются на человека.

В поединке они используют своеобразные приемы: пытаются сломать противнику руки и ноги, словно ветки деревьев, царапаются своими длинными ногтями и кусаются. С оружием, саблями и ножами обращаться они не могут. Если, к примеру, очокочи в руки попадет топор, то он сначала играется с ним, потом пытается его сломать и при этом обычно ранит себя. После чего, рыдая, отбрасывает его и испуганно убе-

гает. Он может ломать, бросать и бегать, чему-то другому пока не научился. Это все, что известно об очокочах, что по-мингрельски означает дикарь. Каких-либо следов поселения очокочей или признаков существования этих первобытных людей до сих пор не найдено. Насколько многочисленен этот народ, имеет ли он на самом деле свой язык – неизвестно. Никто из европейцев не проводил у очокочей длительного времени, и лишь немногие городские жители их видели.

Соседи очень боятся их. Они говорят, что эти долговязые костоломы – помесь человека с чертом. Бывали случаи, когда у самых храбрых воинов случался сердечный приступ при виде очокочей. Научные экспедиции на их земли еще не совершались. Так что их неприступные горы и леса остаются таинственными и неизведанными и по сей день.

Кроме земли очокочей, еще есть в горах области, где не ступала нога человека, даже местных жителей. О том, что ожидает там исследователей, можно только догадываться. Может, там живут абсолютно неизвестные народы, может, там можно найти следы древних культур или неожиданные богатства, которые будут принадлежать нашедшим их. Сами кавказцы не любопытны, не пытаются раскрыть тайны гор, а европейцы не рискуют идти в неизведанную страну. Ученым и исследователям предстоит еще много поработать с уже известными, но до конца не изученными хевсурами, пшавами, абхазами, табасаранцами и другими горскими народами. Поэтому им пока не нужно новых открытий, а время для окончательного раскрытия тайн этих неизведанных гор не пришло и сегодня.

ГЛАВА XVII

Село поэтов

Вести хозяйство в горных аулах необычайно сложно, это требует от крестьян нечеловеческих усилий. Они таскают в мешках почву в горы, чтобы на голых скалах сеять кукурузу. Этот пахотный участок земли лелеют как сокровище. Участки поля очень узкие и маленькие, говорят, что крестьянин в горах может укрыть свой участок широким кавказским пальто – буркой. Об этом рассказывает история, повествующая о крохотности и скудности горных аулов. Один крестьянин пришел на свой участок земли и сбросил с себя бурку, для того чтобы совершить молитву до начала работы. Подул легкий ветерок, и его бурка раскинулась на земле так, что крестьянин по окончании молитвы не увидел своего участка. Куда он исчез? Его унес ветер или злой дух? Он долго искал свой клочок. Сомнений не было – тут замешано какое-то волшебство, им овладел страх. Он решил бежать в аул за помощью, схватил бурку и, о чудо! Что это?! Из-под нее показалась его земля, она снова была здесь!

Как же выживают эти люди? Скот обеспечивал только частично, поэтому все остальное приходилось добывать путем разбоя.

Все виды работ, кроме земледелия, кавказец презирает. Следуя негласным законам, в крайнем случае,

он мог стать кузнецом, а еще лучше – оружейным мастером. Кузнецы и кузница вообще являются для кавказцев святым делом. Они часто рассказывают об известных людях прошлого, обязательно упоминая о том, что по профессии они были кузнецами. И если хотят выразить кому-либо свое почтение, то говорят:

– Ты настоящий кузнец.

В кузнице приносятся священные клятвы и тут же совершаются самые таинственные заговоры. Но не все кавказцы могут стать кузнецами. Жители некоторых сел, у которых нет ни скота, ни земли, вынуждены заниматься каким-либо ремеслом, например, становятся шорниками. Они сразу приобретают монополию в этой области. Девять месяцев в году путешествуют по стране, продавая свой товар, а потом возвращаются домой и следующие три месяца снова работают. Каждое ремесло передается из поколения в поколение в одном селе, где и достигает своего абсолютного совершенства.

Самое интересное село такого рода находится в Зангезуре, в южной части Закавказья. Это – знаменитое село Хндзореск, все население которого – представители одной, веселой и бессмертной, профессии – они поэты. Их с детства обучают персидскому языку, восточной поэзии и сложным правилам стихосложения. Всю зиму они сидят в своем селе и сочиняют, но как только приходит весна, вооружившись своими стихами, отправляются в путь – в Дагестан и Грузию – туда, где любят благозвучные четверостишия. А где на Кавказе их не любят?

Так же как в Дагестане, этих поэтов называют ашуг, что имеет еще одно значение – влюбленный. По вос-

точным понятиям каждый влюбленный должен быть поэтом, и только тот считается настоящим лириком, кто страдает из-за несчастной любви. На Востоке любовь сравнивают с пламенем. Одна кавказская легенда рассказывает о поэте, чья любовь была настолько страстной, что он сжег себя, свою любимую и свой дом.

Поэты из села Хндзореск не сгорают от любви. Они странствуют, демонстрируя свое мастерство, и хорошо на этом зарабатывают. Но и у них есть заботы. Признание их мастерства ремеслом они не считают для себя почетным, поэтому каждый стремится стать талантливым артистом, т.е. настоящим ашугом.

Ашугов подразделяют на две категории: ненастоящие и настоящие. Первые учатся своему искусству, а вот стать настоящим ашугом практически невозможно. Настоящий ашуг – самое почитаемое лицо на всем Востоке, он может безнаказанно говорить любые дерзости своему правителю, исполнять в присутствии женщины циничные песни и претендовать на любое вознаграждение. Ненастоящие ашуги обучаются своему искусству в селе Хндзореск, настоящим же не нужен учитель. Среди последних можно встретить людей из разных слоев населения. Даже благородные князья не стесняются в качестве ашугов путешествовать по свету.

Как же стать настоящим ашугом? Если нет врожденного таланта, то остается лишь одно средство – обратиться к покровителю всех поэтов пророку Ильясу, чтобы он свершил чудо и сделал молящегося настоящим ашугом. Но это может произойти только раз в году, в определенную ночь и в течение одного часа – в

ночь Кадр месяца Рамазан. Но в священном месяце Рамазан тридцать ночей, и никто не знает, какая именно – ночь Кадр.

В эту ночь природа засыпает на один час. Реки останавливаются, злые духи не охраняют зарытые сокровища, а люди, родившиеся в эту ночь, появляются на свет для того, чтобы стать властителями или мудрецами. Если поэт обратится к своему покровителю в нужное время, то появляется пророк Ильяс, дает ему отпить из чаши и говорит:

– С этой минуты ты становишься настоящим ашугом и на все в этом мире будешь смотреть моими глазами.

Но, как уже говорилось, угадать, какая из ночей – ночь Кадр и в какой час пророк Ильяс выполняет просьбы поэтов, просто невозможно. Так что, о таких чудесах приходится слышать нечасто.

Но и ненастоящему ашугу не пристало жаловаться на судьбу. Зрители воспринимают его как высшее существо и доверяют его словам больше, чем мнению иных князей, священнослужителей или представителей власти.

Если ты хочешь чего-то добиться в кавказских селах, нужно обязательно заслужить благосклонность ашугов. Конечно, это не так просто. Ведь они страдают манией величия и, соответственно, в обращении с простыми смертными ведут себя высокомерно или снисходительно, в зависимости от настроения.

Стоит двум ашугам встретиться в одном месте, то это обязательно заканчивается состязанием или скандалом. Тогда на главной площади села собираются все

жители, образуя круг, в который становятся ашуги и начинают соревноваться в язвительности. Сначала они насмехаются над одеждой противника, потом – над его внешностью, а потом – и над способностями. Кульминацией становится утверждение о том, что у противника нет таланта, и он пишет стихи только ради денег.

Когда запас шуток иссякает, начинается сражение, как у героев Гомера. Кто-то из толпы задает тему, и один из ашугов начинает свою песню. Неожиданно посередине четверостишия он останавливается – противник обязан продолжить рифму и всю песню. После того как песня после частых перерывов заканчивается, начинается излюбленная игра в вопросы и ответы. Один из ашугов задает вопрос в стихотворной форме, а другой отвечает в той же рифме и размере стиха. В завершение ашуги должны разыграть комедию дель-арт, т.е. импровизированное представление на заданную тему. Победитель в качестве вознаграждения получает саз – музыкальный инструмент – соперника.

Но если оба ашуга соперничают не только в творчестве, но и в личных отношениях, то безобидное соревнование может иметь серьезные последствия. Тут уже речь идет не о чести или сазе проигравшего, на кон ставится жизнь. Таким образом, мирное творческое состязание становится поэтической дуэлью. У ашуга нет другого средства против соперника, кроме слова. Он не может убить своего противника, если тот тоже является ашугом, тогда посчитали бы, что он завидовал ему. Враги открыто выступают перед народом и поют свои песни. Тут старейшины, как неподкупные

судьи, выносят вердикт – кто из двух одареннее и имеет больше права на жизнь другого или милость женщины. Для одного – это смертный приговор. Победителю в руки дают топор, и он должен в присутствии зрителей отрубить голову сопернику. Однако такие дуэли сегодня больше не происходят. Говорят, что поэты стали более покладистыми. Они не понимают, как можно ненавидеть друг друга, не так уж уверены в своем таланте, чтобы ставить свою жизнь в зависимость от удачной строфы.

В былые времена подобные поэтические поединки были очень распространены, сегодня в Хндзореске поют песни и декламируют стихи былых храбрых поэтов, которые знали, что такое ненависть, и рисковали своей жизнью ради чести. Насколько мне известно, такие дуэли не происходили больше нигде в мире и являются лучшей страницей в истории литературы. Поэтический турнир, в котором ставка сделана на жизнь, требует настоящего мужества, высокого мастерства и большого таланта.

Кроме знаменитого Хндзореска, на Кавказе есть еще два села поэтов – Дашкенд и Аликуликенд. Жители этих трех сел раньше пользовались определенными привилегиями: их не призывали в армию и они платили лишь половину установленных налогов. Поэтическая гильдия находилась на древнем Кавказе на особом положении. Но и сегодня поэты ведут беззаботную жизнь, работая зимой и путешествуя летом. Они собирают свой гонорар в тыквенные чаши и дожидаются ночи Кадр, когда пророк Ильяс сделает их настоящими ашугами.

Человек, о котором я хочу рассказать, несомненно, был ашугом от Бога. И хотя эта интересная история, о которой знают немногие, не имеет никакого отношения к трем селам поэтов, но раз уж речь идет о поэтах, ее нельзя обойти стороной.

Произошла она около восемьдесяти лет назад в самом сердце Кавказа – на территории сегодняшней Республики Дагестан. Тогда русские вели жестокую войну с горскими народами, которые во главе с имамом Шамилем объявили царю священную войну. На границе гор, между Кавказом и Каспийским морем, русские построили крепость Грозная, сегодня известный нефтяной район, откуда время от времени совершались карательные экспедиции в горы. Жизнь крепости была неинтересной и монотонной. Русские офицеры скучали, и некоторые романтические натуры периодически совершали вылазки в горы, хотя это было строго запрещено. Мюриды – кавказские воины, прятались за каждым камнем, подстерегали проезжавших мимо всадников, угоняли офицеров и жестоко убивали их в своих аулах. Колониальная война была в самом разгаре.

Однажды из крепости выехал молодой офицер. Он только недавно попал в крепость и решил поближе познакомиться с романтическими горами, совершив короткую вылазку. Поскольку самовольный выезд был строго запрещен, офицер вынужден был предпринять эту вылазку на вражескую территорию под собственную ответственность, без эскорта, предприятие, которое совершали многие до и после него. Но молодому офицеру не повезло. Сразу же за крепостью, за пер-

вым же холмом, над его головой просвистела пуля, ему на шею была накинута петля, он упал с коня, и мюриды связали его. Дело приняло опасный оборот.

С русскими офицерами в горах обычно обходились не самым лучшим образом. Если они не происходили из богатой семьи и не могли заплатить большой выкуп, то им сначала выкалывали глаза, затем отрезали нос и потом уже обезглавливали, что полностью соответствовало традициям колониальной войны. Молодой офицер, к сожалению, был родом из обедневшей дворянской фамилии, к тому же христианином, а посему ожидать особой милости от горцев ему не приходилось.

Как обычно, пленника отвели к наместнику Шамиля, наибу Садо, Кораном и мечом правившему областью вокруг крепости Грозная. Наиб Садо был потомком великого борца за свободу шейха Мансура, набожным, воинственным, образованным, мудрым человеком. За всю свою жизнь он не пощадил ни одного русского, за что ему благоволил великий Шамиль. Мюриды, которые привели офицера, встали перед ним на колени и попросили вознаграждение: двадцать золотых монет или правую руку неверного.

Это тоже было священной традицией, потому что правая рука прибивалась над дверью, чем гордилась вся семья. Никогда еще наиб не пренебрегал такими важными обычаями. И в этот раз все должно было произойти согласно традициям. Но наиб вдруг поднялся с места, удивленно посмотрел на пленника, повернулся лицом по направлению к Мекке и торжественно произнес:

– Правоверные, которые во время священной войны захватывают кого-то в плен, будут вознаграждены Аллахом. Но сегодня я повелеваю: не отрубать ему правую руку, не выкалывать глаз. Этот человек, который стоит передо мной, очень набожный и богобоязненный. Я, наиб Садо, внук шейха Мансура, чувствую это. Отведите этого неверного к воротам крепости Грозная, развяжите его, и Аллах вознаградит вас.

По законам гор теперь надо было наказать самого наиба. Но в этот раз авторитет внука шейха Мансура сыграл свою роль и изменил привычный ход событий.

Как и было приказано, пленника привели к воротам крепости Грозная и развязали. Он вернулся в свой полк, немедленно перевелся в другую, более спокойную область и никогда никому не рассказывал о происшедшем. Это было единственной просьбой наиба, которую офицер должен был выполнить. Свое отсутствие он объяснил тем, что заблудился по дороге. Этим чудесным образом спасенный от неминуемой мучительной смерти офицером был граф Лев Толстой, который до самой старости вел переписку с набожным мятежником наибом Садо.

Эту историю мне рассказал внук наместника-провидца в Константинополе по имени Нард. И все же до сих пор биографы писателя не описали эту историю. Кстати, в семье Садо бережно хранят связку писем Толстого, публикация которых когда-нибудь станет делом рук русских ученых. Тот, кто читал кавказские новеллы Толстого, наверняка убедился в том, как писатель описывает в них пленение русских офицеров и гостеприимство горцев. До сих пор никто не знал, что он знает обо всем этом не понаслышке.

Толстой был не единственным, кого притягивали горы. Русские и европейские писатели приезжали и продолжают приезжать на Кавказ, чтобы попробовать там все, что кавказские власти позволяют европейским путешественникам, а потом воспевают горы в своих произведениях. Но не у всех есть возможность, которая представилась графу Толстому, по-настоящему узнать горы. Кому-то приходится довольствоваться лишь скромными приключениями, подобно тем, которые пережил французский писатель Александр Дюма во время своего путешествия по Кавказу.

Дюма приехал из Парижа прямо в «Париж Востока» – Тифлис – и поселился в квартире на главной улице этого абсолютно европейского города. Грузинские коллеги встретили его со всеми почестями, которые полагаются западной знаменитости. Дюма, который в первый же день своего приезда надел кавказский парадный костюм с огромным кинжалом, саблей и револьвером, поразил грузинских писателей своей способностью, удивительной даже для местных жителей, выпивать безмерное количество вина.

Сразу же после приезда Дюма настойчиво потребовал участия в настоящих грабежах и посещения гарема. Хозяева очень смутились, потому что ни того, ни другого в Тифлисе к тому времени уже не было. Им было очень неловко в чем-либо отказывать уважаемому гостю. Его пытались отвлечь, возили в театр, оперу, на балы, где местные князья во фраках с испугом шарахались от дикого «азиата» (так выглядел увешанный оружием Дюма), где дамы интересовались, не попало ли какое-то новое княжество под протекторат царя, и не приехал ли его князь в облике этого варвара в Тифлис.

Дюма тоже чувствовал себя неудовлетворенным. Испуганные лица мужчин во фраках и любопытные взгляды красивых женщин – всего этого он достаточно насмотрелся и в Париже. В «восточном Париже» ему хотелось увидеть что-нибудь новенькое. Но везти Дюма в горы, к настоящим горцам было бы безумием, потому что там вряд ли кто-нибудь слышал о прославленном западном ашуге, и можно было предвидеть, что при первой же возможности он будет ограблен и пленен. Таким образом, правительство попало бы в затруднительное положение, ему пришлось бы заплатить сто тысяч рублей за освобождение французского писателя. Хищники-горцы приняли бы этого вооруженного писателя, по меньшей мере, за европейского короля и соответственно взвинтили бы размер выкупа до предела.

Но гостеприимство обязывает, и грузины пригласили его в крепость Мцхета, которая располагается недалеко от Тифлиса, в довольно мирной части Кавказа, где минимум сто лет не раздавались выстрелы. И все-таки, крепость выглядит очень сурово. Она окружена горами и горными реками, что обеспечивает подходящие условия для разбойных нападений. В городе Мцхета, что рядом с крепостью, находится самый известный публичный дом. Перед приездом писателя его тщательно убрали коврами, обитательниц нарядили в шелка и фальшивые украшения, чтобы все походило на гарем кавказского князя. На следующую ночь Дюма со своими поверенными пробрался в «гарем», выпил огромное количество вина и с восторгом наслаждался «танцем живота», чего в Грузии и в помине нет.

На обратном пути, у берега одной реки, он вдруг увидел, как из маленькой хижины выбежала группа людей, которые окружили писателя, только понявшего, что на него напали евнухи, отобрали оружие у него и его друзей. Смерть подошла совсем близко, Дюма сразу протрезвел и с хладнокровием приготовился к худшему. Он ведь сам этого хотел. Если придется, то он желал умереть как настоящий мужчина, не струсив. Но, слава Богу, все закончилось благополучно. Судьба не оставила великого романтика в беде. Разбойники, выдержав длительную паузу, подошли к ним с еще более суровыми лицами и пригрозили:

– На этот раз мы дарим вам жизнь. Но никогда больше, даже под угрозой смерти, не появляйтесь у нас на пути!

Безоружный писатель, который радовался тому, что ему повезло, и грабители не обнаружили его кошелька, прислушался к их словам и никогда больше не появлялся на месте происшествия! Иначе ему пришлось бы увидеть на мрачном разбойничьем домике мирную надпись: «Полицейский участок Мцхеты». Грабителями были русские полицейские, получившие приказ уважить француза.

Дюма, безмерно счастливый, вернулся в Париж. Кстати, он был не единственным путешественником, пережившим подобное приключение на Кавказе.

ГЛАВА XVIII

Еврейское царство

То, как возникло во второй половине первого тысячелетия своеобразное еврейское царство, так и останется загадкой. Известно одно: когда-то на территории от степей за Волгой до берегов Черного моря правил иудейский царь, носивший титул кагана. На протяжении шестого и седьмого столетий после Рождества Христова он был самым могущественным человеком на Востоке, все подчинялись ему, даже христианские короли должны были платить ему дань. Он строил синагоги, школы для раввинов, боролся и обращал в иудаизм языческие народы, не терпел ни одного нееврея в своем окружении. Но ни его народ, ни он сам не имели еврейского происхождения. Они называли себя хазарами и происходили от великой расы, которая испокон веков населяла степи Монголии, Сибири и Восточного Туркестана.

К этой расе, так называемой урало-алтайской, принадлежат почти все народы, которые периодически покидают родные степи, чтобы, подчиняясь непреодолимому, влиться в западные народы. Атилла и его гунны, орда Чингизхана, тюркские и татарские завоеватели тоже происходят из этих степей Внутренней Азии. Хазары – эти необычные степные евреи – тоже принадлежат к этой группе народов. В них не текло ни

капли еврейской крови – они являются единственным народом в истории человечества, который евреи обратили в свою веру.

Об истории еврейского царства, его возникновении и падении мало что известно. Это было типичное царство кочевников, созданное аристократией, влекомой грабительским инстинктом, овеянное блестящей славой, продержавшееся всего лишь несколько столетий, быстро угасшее и вскоре бесследно исчезнувшее, как только над степями взошла звезда нового завоевателя.

Восток знает бесчисленное количество таких империй, и, как правило, бывает достаточно одного столетия, чтобы уничтожить последние следы некогда былого могущества. Кочевники не строят каменных дворцов, живут в палатках и мало чем отличаются от своих последователей, которые легко ассимилировались.

У хазар все было иначе. Они тщательно оберегали свой язык и сохраняли чистоту своего племени, научились у миссионеров, раввинов и еврейских купцов строить города, торговать и соединять тонкими нитями торговых караванов различные континенты. Согласно древним легендам и преданиям, в столицах этих избранных евреев на берегах Волги и Каспийского моря процветала своеобразная культура.

Каган окружил себя небывалой роскошью, присущей только Востоку. Цари со своими величественными резиденциями вызывали восторг у раввинов и сравнивались со старозаветными правителями. В канун каждой весны они готовились к завоевательному походу для освобождения священной земли, но это

всегда оставалось лишь благочестивым намерением. Еврейские завоеватели и воины предпочитали, так же как их предки и потомки, грабить соседние страны, облагать их данью и после успешного похода возвращаться во дворцы своих торговых городов, к скромному и традиционному укладу жизни благочестивых тюрок. Каким образом хазары, которые, как и все тюрки, первоначально были идолопоклонниками, пришли к иудаизму, остается загадкой. Скорее всего, они во время своих завоевательных походов на Кавказе или в Закавказье натолкнулись на еврейские колонии и с легкостью приняли чужую религию, так же как родственные им тюрки-сельджуки – ислам.

Новоиспеченные евреи чувствовали себя обязанными распространять новую веру, так что в скором времени многочисленные племена кавказских хазар приняли иудаизм.

Позднее хазары столкнулись с русскими, которые в то время еще не были христианами, и могло произойти так, что великий русский князь навеки обратил бы всех своих подданных в иудаизм. Во всяком случае, переговоры об этом шли. Если бы каган уделил больше внимания диким северо-западным язычникам, каковыми тогда были русские, то процесс обращения было бы легче осуществить. Тогда бы Россия никогда не видела еврейских погромов. Но у кагана были тогда дела поважнее, он просил руки прекрасной дочери грузинского царя. А когда тот отказал королю, каган напал на Грузию, разорил страну, обратил многие племена в свою веру и вернулся в свой город Итиль.

Но еврейско-хазарское царствование продлилось недолго. С юга пришли арабы, завоевавшие Кавказ, а

вскоре после них с востока напала армия Чингизхана. Последние племена хазар растворились в их могуществе. О своем происхождении они никогда не забывали, а про иудаизм позабыли очень быстро. Сначала они вернулись к язычеству. Вместе с Чингизханом завоевали Туркестан, Персию, Китай, Афганистан, Россию, Венгрию и, в конце концов, мусульманами вернулись в северо-западную часть Кавказа, где разделились на два народа – кумыки и ногайцы.

И все же не всех евреев удалось обратить в ислам. Лишь у хазар и кавказских народов новая религия сравнительно быстро одержала верх. Только настоящие семиты, которые в большом количестве проживали среди хазар, остались верны своей вере. Они перебрались в Кавказские горы – пристанище всех побежденных – и в этих суровых условиях постепенно одичали, но до сих пор остались истинными иудеями, которые известны на Кавказе как «даг джухудлары» (горские евреи).

Однако кумыки, ногайцы и дагджухудлары – не единственное напоминание о еврейском царстве.

Все, без исключения, кавказские народы унаследовали хоть что-то от евреев. Это и некоторые ветхозаветные слова, которые они используют в своих молитвах, или какой-то обычай. Во всяком случае, у кавказского населения ярко выражены еврейские черты лица. Диких, жестоких воинов и разбойников в соответствующих одеждах ни за что не отличить от раввинов или ремесленников Галиции. Многие кавказские народы с гордостью заявляют о своем еврейском происхождении. При этом в качестве главного подтверждения

приходится признавать черты лица, ибо какие-либо исторические доказательства этого отсутствуют.

Особенно на своем еврейском происхождении настаивает грузинское племя гурийцев, которое до недавнего времени существовало как самостоятельное феодальное государство. Хотя они меньше всего похожи на евреев, но «еврей» по-грузински «уриа», что напоминает гурия. Это дает всем, кто в это верит, основание говорить, что гурийцы – крещеные евреи.

С настоящими евреями (уриа или дагджухудлары), эти народы, конечно, не имеют ничего общего. Горские евреи – закрытый кавказский народ, который ведет такой же образ жизни, как и все кавказские народы, но никогда с ними не смешивается, соблюдает собственные традиции, позабыл былую славу хазар и живет сегодня так примитивно, что с трудом верится, что когда-то он вместе с тюркскими кочевниками управлял целой империей.

Села, заселенные евреями, на первый взгляд ничем не отличаются от аулов: те же хижины, одежда и даже молельные дома – типичные горные мечети.

Но если войти в дом, где тебя с поклоном встречает хозяин, то можно сразу почувствовать разницу. Появляется хозяйка с тазом воды, кланяется гостю, снимает с него обувь, затем моет ему ноги по старинному ритуалу, высушивает их, причем, если гость очень почетный, то своими волосами. Этот обычай существовал еще у предков на Святой земле, и их потомки в горах чтят его по сей день.

Все в доме подчинено Ветхому Завету. Других законов горские евреи не знают. Они носят саблю и кин-

жал и складывают оружие только во время шабата. Они, так же как и остальные кавказцы, возделывают землю больше, чем им необходимо, чтобы что-то досталось ворам и беднякам, не просящим милостыню.

У горских евреев в каждом селе есть своя маленькая школа. Раввин является одновременно и учителем, и мясником. Впрочем, они не очень-то тянутся к знаниям, даже сам сельский раввин не особенно разбирается в законах и, если его спрашивают об истории, законах или обычаях, отвечает: «Ма амгаарес» («Я – невежественный») – и смущенно добавляет: «Спрашивайте у хахамбаши» (старший раввин в Дербенде).

Этот хахамбаши является абсолютным авторитетом для горских евреев, высшей инстанцией во всех жизненных вопросах и единственным человеком на Кавказе, кто знает все законы предков и может их толковать. Когда умирает хахамбаши (что переводится как «самый умный»), то все евреи скорбят, собирают деньги и посылают гонцов в Иерусалим или Константинополь за новым хахамбаши.

Их язык – это персидский диалект, на котором говорят и азербайджанские, и бухарские, и персидские евреи. Однако имена они носят библейские, так что европейские евреи с трудом могут их вымолвить. Вот самые распространенные мужские имена: Нахшон, Уфч, Банойо, Цефания; женские: Авигаил, Зерах, Панина, Керенгапух, Йемина и т.п. В большинстве своем эти евреи занимаются земледелием, ремеслом и мелкой торговлей. Причем они не любят покидать горы и не могут даже представить себе, что где-то на Западе тоже живут евреи, которые имеют только одну жену,

ведь у горских евреев допускается многоженство. Несмотря на их неизменное гостеприимство, я бы никому не посоветовал наносить визит в их села. Прием, который уготовлен незнакомцу, не только европейцу может показаться настоящим испытанием на прочность. Мытье ног и высушивание их волосами – это самая безобидная церемония, за которой следует куда более важная – трапеза. Она протекает следующим образом.

Гость сидит на полу в центре комнаты, возле него – самые почтенные люди. Хозяин и молодежь не имеют права сидеть рядом. Хозяин и его сыновья потчуют гостя, а остальная молодежь стоит у дверей, с интересом разглядывая чужака. После бесконечных омовений и молитв подают еду. Начинают с фруктов: дыни, персики, груши и гранаты считаются закуской; затем второе – чеснок, который поглощается в огромном количестве с небольшим куском хлеба. Чеснок и фрукты – любимая еда горских евреев, причем первый употребляется больше с медицинской целью – для укрепления мужской потенции.

После первых двух блюд гостю предлагается шаффет, который считается особым деликатесом. Вкус этого блюда описать невозможно, только товарищ по несчастью может понять, какое самообладание нужно иметь неподготовленному гостю. Но на этом список праздничных блюд не заканчивается. Более того, следующим идет основное блюдо – барашек. Баранина, зажаренная по-кавказски на вертеле, имеет превосходный вкус, и гость начинает питать самые прекрасные иллюзии, но все напрасно. Почетному гостю это блюдо не преподносится, может быть только после основ-

ного. Ему полагается самая лакомая часть молодого барашка – вареная голова. Ею он может поделиться с почтенными старцами, но все же, по обычаю горских евреев, сначала он съедает лучшие куски, а таковыми являются глаза. Гость должен вырезать их ножом.

Отказаться от этой чести невозможно – это было бы оскорбительным для хозяина. Гость может встать из-за стола после фруктов, но тогда все присутствующие должны сделать то же самое и больше ничего в этот день не есть. После бараньих глаз следует еще целый ряд подобных лакомств, затем переходят к сладкому и заканчивают чистым медом. Потом все сидят и ждут, пока гость не отрыгнет, чтобы последовать его примеру. На этом трапеза заканчивается.

Сыновья хозяина приносят воду для полоскания рта и рук, а молодежь, стоявшая до сих пор у дверей, может теперь приниматься за остатки. Женщинам там появляться не разрешается. Только не надо после этих рассказов становиться антисемитом, потому как подобные обычаи господствуют на всем Кавказе. Отличия по местностям очень незначительные. В горах отличить еврея от нееврея может только опытный глаз. Еврейскую женщину можно легко узнать – они носят на голове своеобразную косынку в виде мешочка на затылке, в котором прячется длинная коса. Показывать волосы считается более неприличным, чем пройтись по улице раздетой. Только муж может снять этот мешочек с головы женщины. Тот, кто силой срывает платок своей жены, преследуется как насильник. Этот обычай известен и у других народов Кавказа, только их женщины прячут волосы под туго завязанной ко-

сынкой. Это касается только тех народов, где у женщин на голове вообще есть волосы, потому что на Кавказе существуют не только племена, где принято коротко стричься, но и такие, где женщины стригутся на лысину.

Еврейские женщины отличаются и по характеру. Они кажутся очень сварливыми, часто скандалят со своими мужьями и любят поспорить с подругами. Кроме того, имеют привычку в свободное время поплакать, причем, есть ли на то причины или нет – значения не имеет. Так, например, если застать плачущими несколько собравшихся вместе еврейских девушек в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет и спросить их о причине траура, то сначала плач усиливается на какое-то время, а потом одна из девушек, всхлипывая, рассказывает грустную историю о том, что ее старший брат внезапно заболел и умер в течение трех дней. Расспросив подробнее, можно узнать, что он едва ли достиг шестимесячного возраста. Проникнувшись сочувствием, выясняем дальше и с удивлением узнаем, что все это происходило двадцать пять лет назад, то есть когда этих скорбящих девушек вообще еще не было на свете. При таких обстоятельствах не очень-то верится в искренность слез.

– У нас такой обычай – часто плакать, особенно если мы собираемся вместе, – поведала мне одна горская еврейка.

Мужчины так привыкли к этим слезам, что если их жены долгое время не плачут, они рассматривают это как нарушение традиций.

Как уже говорилось, этим евреям ничего неизвестно о былой славе хазар. Это историческое наследие

полностью стерто из их памяти. В их легендах тоже нет ни одного упоминания о бывшей империи. Но соседние народы, тем не менее, не забыли воинственных каганов и по сей день рассказывают многочисленные истории, чтобы показать, насколько опасно предпринимать что-либо против евреев.

Одну из таких легенд я хотел бы здесь рассказать.

Близ города Губа располагается село Кола-Чулах. Когда я проезжал мимо нее, то увидел недалеко от дороги здание, похожее на дворец, которое, несмотря на хорошее состояние, по-видимому, было не заселено.

– Что это за здание? – спросил я у сопровождающего меня человека. Но он помрачнел и сделал вид, что не расслышал меня.

– Я хотел бы осмотреть его! – сказал я и остановил коня. Мои провожатые сильно занервничали, стали говорить между собой и выкрикивать непонятные возгласы. Я понимал только слова моего слуги, который клялся, что скорее умрет, чем позволит мне приблизиться к порогу этого дома. Но я не успокоился, пока мне не рассказали всю историю этого дворца.

– Столетия назад, – говорили они, – в Кола-Чулах и близлежащих селах проживала значительная еврейская колония. Когда Надир шах задумал завоевать Кавказ, то евреи покинули неспокойную равнину и переселились в горы, предварительно продав свои дома и поля соседям. Некоторое время спустя хан Кола-Чулах решил построить себе дворец. Чтобы не возиться с доставкой камней с гор, он приказал рабочим использовать для постройки могильные камни с еврейских кладбищ. Но через три дня после того, как дворец был

заселен, хан Кола-Чулаха умер, а за ним вся его семья и остальные обитатели. Даже лошади в конюшнях и те издохли. Наследник престола, решивший пойти против воли судьбы и вселившийся в замок, тоже вскоре скончался.

С тех пор во дворце никто не живет и не решается туда входить. Местные мусульмане вызвали из Дербенда главного раввина, чтобы тот молитвами попытался отвернуть гнев Всевышнего от мусульман села, так как они очень боялись божьей кары.

Подобные истории о могуществе еврейских богов и раввинов на Кавказе можно услышать очень часто. И это одна из причин, по которой горские евреи пользуются особым уважением у своих соседей.

На бывших иудеев, то есть прямых потомков хазар, это уважение не распространяется. Их племена, кумыки и ногайцы, ведут примитивный образ жизни, который лишь немногим отличается от такового у других кочевников. Эти последние потомки завоевателей мира являются психологической загадкой; странный, непонятный отголосок древности, который до сих пор не исследован.

Большой интерес вызывают ногайцы, которых осталось сегодня что-то около десяти тысяч человек. Ногайский народ пережил и достиг всего, что может пережить и достичь народ. Тысячелетия назад он покинул вместе с остальными тюркскими народами свою родину и с тех пор блуждал по дорогам славы, власти и гибели.

За тысячелетия своей истории ногайцы научились почитать все мировые религии. Сначала они были

идолопоклонниками, затем буддистами, потом иудеями, христианами, чтобы, в конце концов, остановиться на самой молодой религии – исламе. Но ни одна религия не оказалась способной каким-то значительным образом повлиять на ногайцев. Ни раввины, ни монахи, ни муллы не смогли сделать их набожными. Они остались такими же, какими и были, – гордыми кочевниками, которым неведомы абстрактные проблемы, религиозные порывы и глубокие размышления. Они меняли каждую пару столетий религию, ориентируясь при этом на старейшину, и предпочитали жить, наслаждаясь свободой и спокойствием.

Какому бы богу ногайцы ни поклонялись, они всегда оставались воинами. И при хазарских каганах, и при великих монгольских ханах ногайцы кочевали по степям Азии и Европы, сражались за своих господ, покоряли чужие страны, создавали и разоряли империи. Двести лет они правили Россией, разрушали города, церкви и брали в жены дочерей великих князей.

Потом пришел Чингизхан, великий из великих. Они воевали у всех границ великой империи: в Китае, Персии, Венгрии, в степях Южного Кавказа и в горах Северного Кавказа. Народ постоянно менял свою родину. То они пасли своих лошадей у берегов Дона, то у крепостей татарских городов Поволжья, потом переселялись оттуда в Крым и назад в степи, в итоге осели на равнинах Северного Кавказа.

Иудаизм, христианство, ислам, Великие Монголы, господство над двумя континентами, сражения во всех частях света и странствия по бесконечным степям – все это видел и пережил ногайский народ. Он устал за ты-

сячелетия войн и кочевничества, в бесконечной смене религий и культур исчерпав свои силы.

Сегодня они вымирают, и ничто не способно остановить этот процесс. Все реже и реже в ногайских палатках можно встретить детей. Мужчины и женщины стали бесплодными. И если иногда в какой-либо палатке на свет появляется слабенький младенец с грустными, безжизненными глазами, то он бессилен, а своим тонким, тихим голоском почти не пользуется.

Древний степной народ и сам знает, что час его пробил, и смирился с этим.

– Через каких-то сто лет не останется ни одного ногайца, – печально говорят народные мудрецы. – Господь злится на нас и не хочет больше терпеть нас на этой земле.

Возраст полностью изменил характер этого народа. Ничто не напоминает сегодня о храбрых воителях во главе с Чингизханом, перед которыми содрогался весь мир. Нынешний ногаец – не воин и не герой, почти уже и не мужчина. Скудные бородки обрамляют бледные, застывшие лица. Часто волосы отсутствуют вообще. Маленькие, раскосые глазки уныло и печально смотрят на мир. Они больше похожи теперь на глаза терпеливой, спокойной овцы, которой все безразлично. Лицо ногайцев всегда слегка припухшее, лоб низкий; они ходят согнувшись, не обращая внимания на того, кто пересекает их путь. После разговора с незнакомцем у них на лицах появляется выражение наивного удивления, которое потом не исчезает в течение дня. Ногайцы очень скупы на слова, не из принципа, а потому что им очень трудно разговаривать о вещах, не

касающихся непосредственно их окружения. Чтобы ответить на простейший вопрос, им приходится думать. Потом ногаец начинает медленно и задумчиво говорить. Язык двигается тяжело, он спотыкается на каждом более или менее сложном предложении. Мысли вечно подводят его, ему очень тяжело о чем-то долго размышлять. Он и смеется крайне редко, ничему не радуется, а с внешним миром общается с неописуемым равнодушием пресыщенного всем человека.

Ногайцу даже незнакомо примитивнейшее чувство ревности. Честь своей жены безразлична ему, как и все остальное, хотя в большинстве случаев эта честь остается нетронутой, и только потому, что остальные ногайцы слишком апатичны, для того чтобы связываться с чужими женами. Ногайские женщины очень красивы, веселого нрава и, наверняка, понравились бы европейцу, если бы не слишком повиновались своим обычаям и не носили бы кольца в носу.

Современный ногаец, потомок великих воинов Азии, превратился в труса, какого еще надо поискать. Любой может его обидеть, увести скот – он будет молча горевать об этом, не оказывая ни малейшего сопротивления. Оружие его заржавело и пришло в негодность. Он больше не способен воевать и при первой же опасности бежит прочь, даже если их сто против одного. Работать тоже не хочет – слишком ленив для этого. Он пьет чай в огромных количествах, болтает с соседями о банальных вещах и при этом прослыл самым большим циником Востока.

Грязные, циничные истории, которые ногаец в огромном количестве знает и рассказывает, – единствен-

ное, что просветляет ум и развлекает его. Никаких других увлечений ногайцы не знают, за исключением одного, о котором я расскажу позже. Даже танцы и игры им не знакомы. Вечерами молодежь бесцельно слоняется вокруг палаток со скучающим видом, тупо смотрит в небо, коротая таким образом время.

Несмотря на неслыханное вырождение и жалкое существование, ногайец считает себя венцом творения, с гордостью отвергая любые нововведения, которые могли бы облегчить быт, ведь живет он очень бедно. Если ему предлагают что-то в этом роде, он печально смотрит на собеседника и произносит:

– Нам не нужно ничего нового! У нас было все, что только может иметь человек, а то, чего у нас не было, – это уже лишнее.

Переубедить его невозможно, он больше не способен проявить ни малейшей инициативы. В общении ногайцы – самые добродушные люди, каких только можно представить. Им неизвестны убийство и воровство. Ложь и хитрость – оружие слабых – наоборот, часто встречаются. По отношению к незнакомцам они честны и гостеприимны, дружелюбны и скромны и если бы не вырождались такими темпами, могли бы стать нашими достойными современниками. До сих пор благородные семьи этих кочевников имеют гербы, очень похожие на европейские и придающие вымирающему племени феодальный характер. Едва ли еще где-то на Востоке можно встретить герб. Эти гордые дерацины почти забыли, что когда-то были евреями. И все же одна из самых многочисленных и относительно жизнеспособных семей ногайцев носит фамилию

Чийджухутлары, что означает «чистые евреи», являясь отголоском времен правления хазар. Герб этой семьи представляет собой математический знак бесконечности. Очень трогательное зрелище – «чистый» еврей с типично монгольским лицом и мусульманскими молитвенными четками в руках. И все равно Чийджухут очень гордятся чистотой своего рода и высокомерно смотрят на своих соплеменников, как на «недостаточно чистых евреев».

Кстати, ногайцы фантастически неопрятны, если не сказать грязны так, что даже их соседи, непритязательные кумыки, избегают всяческого контакта с ними.

После всего вышесказанного может показаться, что ногайцы – самый отсталый и неразвитый народ в Азии. Но если поближе познакомиться с ним, хотя до сих пор мало кто на это решился, то встречаешься со странными вещами. Ногайцы – эти глупые, безнадежно вымирающие овцы, имеют, как бы парадоксально это ни звучало, свою литературу, которую я назвал бы одной из самых значительных в Азии. Это не литература, созданная отдельными поэтами, не художественное наследие одного человека, это настоящий народный эпос, который необычным образом отображает историю ногайцев на разных этапах. Прежнее величие народа сохранилось в передававшихся из поколения в поколение эпосах, а народные певцы передают их дальше восторженно внемлющему народу светлыми лунными ночами.

Невозможно описать непревзойденную красоту этих песен. На древнем тюркском языке, которым ногайцы до сих пор еще пользуются, воспевается мощь

Чингизхана, рассказывается о славе его наследников, о Золотой Орде, о кровавых сражениях и великолепных победных пиршествах.

Ногайцы потеряли все: богатство, государство и честь. Остались одни только песни, которые оказывают на них странное, животворное воздействие. Иногда, если ногайцы долго слушали своих певцов, в них на какое-то время просыпается былое историческое величие. Добродушно-трусливые меланхолики в экстазе, каком-то массовом порыве вновь превращаются в храбрых воинов, вскакивают на своих исхудавших коней, скачут по степи, где слышится старинный дикий боевой клич, нападают на чужаков, повстречавшихся на пути, и разрывают их буквально на куски, рыча от упоения победой.

Врожденная степная мощь призрачно пробуждается в виде блеклой карикатуры. Вскоре буйство стихает, раскосые глаза снова смотрят печально, ногаец сутулится, лицо его бледнеет; орда разбита и отступает. А ночью слышны причитания старцев:

– Ох, что же мы натворили!

Литература, песни, способные на такое, действительно великие, даже если непереводимы на европейские языки. Обворожительны мелодия каждой строфы, глубокое достоинство рифмы и грубая красота предложения. Люди, создавшие эту литературу, были не только великими воинами, но и великими поэтами с необычайно тонким, одним только филологам понятным, чувством языка и лирическим даром, как ни удивительны эти качества у «грозы Азии».

Ныне вымирает и то и другое – сами ногайцы и их песни. Прекрасная литература великой империи вскоре забудется. Еще два поколения, и ногайцы, этот некавказский народ, исчезнут с лица земли! Однако ногайцы говорят:

– Нам ничего больше не нужно. Мы достигли всего, чего может достичь народ. И Господь не хочет больше нас терпеть.

ГЛАВА XIX

Как завоевывали Кавказ

На географической карте к востоку от Германской империи проходит пограничная линия, которая тянется с юга на север, теряется в полярных льдах и водах Черного моря, снова появляется в Армении и Сибири и в целом заключает в себе одну шестую часть всей поверхности Земли. В пределах этой линии написано «Россия», если эта карта новая и на ней обозначена Польша, то там стоит СССР. Люди, которые со школьной скамьи считали неизменными границы географической карты и когда-то выучили, что Кавказ входит в состав Российской империи, уверены, что еще в глубокой древности в Тифлисе сидели царские наместники, которые подписывали приказы и вешали пленников.

Эти школьные знания, эти границы на карте сбивают с толку. История завоевания Кавказа Россией началась всего лишь каких-то сто лет назад, и когда на четвертом году мировой войны произошла великая революция, это завоевание еще не было завершено. Русские сидели только в больших городах и в стратегически важных пунктах. Лишь в мирных долинах Грузии и Армении царская власть имела силу. Дальше же в горах, в Дагестане и на так называемом Большом Кавказе, власть русских была лишь номинальной. За-

коны предков, власть местных князей и старейшин ценились здесь до последних дней больше, чем бесконечные приказы, исходящие из больших дворцов в Тифлисе, даже если они сопровождались карательной экспедицией или угрозами. Но даже столь непрочной власти русские добились лишь в результате многолетней борьбы, бесчисленных военных походов.

В учебниках по истории написано: «В 1874 году завершилось завоевание Кавказа». С тех пор прошло много десятилетий, но тот, кто знает сегодняшний революционный Кавказ, может подтвердить, что этот процесс все еще не закончен и вряд ли когда-либо будет доведен до конца.

Слишком велика пропасть, разделяющая Россию и пестрый мир Кавказа. Только когда умрет последний кавказец, можно будет назвать горы покоренными. Гротескная и одновременно жестокая история русского порабощения, русской войны должна быть освещена во всех книгах о Кавказе.

Первой ласточкой в экспансии Кавказа был знаменитый каспийский поход Петра Первого. Великого царя манили казавшиеся бесхозными воды моря, чьи берега вдоль почти всего Кавказа номинально находились под властью Персии. В те времена в Персии была в разгаре междоусобная война, и русские войска, вступившие на древнекаспийскую военную дорогу, не встретили особого сопротивления. Местный независимый правитель, шамхал Тарки, ханы и князья на удивление быстро подчинились власти царя. Очень скоро все восточные равнины Кавказа до Баку оказались в руках русских. Вслед за этим царь отказался от заманчи-

вой идеи продвинуться дальше в горы, объявил Дагестан и восточный Кавказ завоеванными и заключил с персами соответствующий договор. Вскоре русские войска отступили назад, а для управления вновь захваченными землями был назначен генерал.

Весь поход занял какие-то месяцы, и русские, опьяненные победой, даже не заметили, насколько рады были персы избавиться от этой неспокойной, непокорной и, по существу, абсолютно независимой области. Особой радости русским это завоевание тоже не принесло. После смерти Петра его далеко идущие восточные планы были забыты, остались только заботы об этой огромной территории, где не признавалась никакая власть, а за разбойные нападения уже нельзя было возложить ответственность на Персидскую империю.

Последователи Петра Великого решили отомстить персам за эту легкую победу. Перед дипломатами была поставлена сложная задача – навязать Кавказ персам. Дипломаты созвали большую конференцию и потом всю свою жизнь хвастались тем, как им удалось с помощью хитрости и подкупа вернуть персам эти земли. Немногочисленный русский гарнизон был срочно отозван, и петербургское правительство облегченно вздохнуло, избавившись от темного кавказского предприятия. Дагестан и Азербайджан, которые и тогда не были столь отсталыми, как казалось русским, почти не заметили перемены власти. На место русского гарнизона пришел такой же немногочисленный персидский гарнизон, никоим образом не повлияв на власть местных правителей. Шах правил на расстоянии и хотя время от времени разорял эти земли, но в

целом не вмешивался в здешний уклад. Русское же предприятие вскоре было забыто.

Прошли десятилетия, и на российский престол взошла Софья Ангальт-Цербская, знаменитая Северная Семирамида – блистательная Екатерина. Императрицу, как и всех ее сторонников, мало интересовал Кавказ и странные земли за горным массивом. Только в старости судьба вынудила ее заняться историей гор. Этой судьбой стал молодой граф Платон Зубов, последний фаворит стареющей императрицы. Зубов – юноша неописуемой красоты – был самым могущественным человеком в России, но и у него были свои проблемы. Екатерина очень любила его и наделила неограниченной властью. Но нет ничего более переменчивого, чем милость государыни, даже если ей за семьдесят. Двадцатипятилетний Зубов и семидесятилетняя Екатерина были самой ревнивой парой. Государыня не терпела ни одного смазливого женского личика в окружении Зубова, а Зубов – ни одного красивого некастрированного юноши возле любимой. Проходили годы в безоблачном счастье, Зубов ублажал старушку. Хоть его порой и подташнивало по возвращении домой, но все же он правил огромной территорией.

Неожиданно у него появился соперник, которого он не мог ни сослать в Сибирь, ни уничтожить каким-либо другим способом. Это был его собственный подросший брат – граф Валериан Зубов с ангельским лицом. Все дольше задерживался взгляд царицы на юноше, все беспокойнее становилось лицо графа Платона Зубова. Было сделано все, чтобы не допустить Валериана в спальню царицы. Его женили. Когда происходи-

ли какие-либо военные действия, его посылали на поле боя, во время перемирия – на лечение за границу. Но ничто не давало чувства полной безопасности. В такой сложной ситуации Зубов-старший, наконец, решил окончательно отстранить Зубова-младшего от двора. Двадцатидвухлетнего Валериана возвели в чин генерала и сразу же назначили наместником императрицы на кавказской границе. После этого на него возложили простейшую задачу – завоевать для российской короны Кавказ, Персию, Индию и, по возможности, еще и Турцию. Граф Платон убедил царицу, что эта задача ему по плечу, и граф Валериан направился к границе с твердым намерением вскоре передать в правление своему брату все желанные сказочные земли.

Так началось второе, гротескное, русское нашествие на Кавказ.

Граф Валериан был темпераментным молодым человеком и верил: если человек стал генералом в двадцать два года, то в двадцать четыре его должны величать покорителем Персии. Его противники, кавказские воители, прозвали его «генерал-дитя». Военный поход традиционно начался с того же места, где начинал свой поход Петр, и воспоминания о Валериане Зубове до сих пор живут в анекдотах и шутках кавказцев. Кавказ, который не покорился ни одному герою в мировой истории, должен был преклонить свои колени перед этим юнцом?!

У горцев было достаточно поводов для насмешек. Серьезно о войне они и не думали. В каждом городе Зубова встречали очень радушно. Князья приносили ему присягу на верность, сравнивая с Великим маке-

донцем, и за это получали дорогие подарки, которые им преподносил граф. Умелые мастера спешно изготовили огромный серебряный ключ, который князья торжественно вручили сияющему завоевателю, упомянув при этом, что такой же ключ в свое время получил Петр Первый. Просто князья узнали, что передача ключей от города является традицией на Западе и захотели порадовать щедрого завоевателя. Тот факт, что в то время на русских солдат регулярно совершались нападения с целью ограбления, казался несущественным по сравнению с успехами многообещающего юноши. Доклады, которые он посылал царице с полей сражений, были полны восторга.

«Побежденные народы плачут, когда слышат имя Вашего Величества; они падают ниц, благодарят Всемогущего за то, что тот сделал их современниками Екатерины Великой. Возможность хотя бы мысленно прикоснуться к Вашей руке делает их самыми счастливыми жителями этой земли» и т.д.

Очевидно, граф Валериан был действительно опьянен своей победой. Он носа не высовывал из своего роскошного шатра и не замечал, как покоренные местности становились все более непроходимыми, и до него все меньше доходят вести из внешнего мира. Численность его войск уменьшалась с каждым днем, зато клятвы верности местных князей становились все более льстивыми.

Аполлону из Петербурга не повезло. Когда началась катастрофа в Дагестане, то есть прекратились клятвы, а число нападений резко возросло, произошла вторая значительная катастрофа для Зубова. Великая

Екатерина умерла, а ее сын Павел, поклявшийся первым делом всех любовников своей матери высечь плетьми и сослать в Сибирь, вступил на престол. Оба Зубова сразу же были отстранены от дел.

Прекрасный Валериан, сломя голову, покинул места былой славы, чтобы, перебравшись через Волгу, добраться до своих поместий. Его армия, окруженная кавказцами, почти вся была уничтожена, за исключением незначительной части, которой с трудом удалось дойти до границ Российской империи. Так закончился второй поход русских в горы.

Фактический захват Кавказа – заранее спланированная, жестокая колонизация – начался только при Александре I, инспирировавшем бесконечную кавказскую войну, которую не завершил и его последний наследник.

В те времена в Грузии между двумя ветвями царской династии, сыновьями царя Ираклия от разных матерей, шла междоусобица. Грузия была независимым государством, находившимся под протекторатом Персии. Правящий царь Георгий XII испытывал сильное давление со стороны своих братьев. У Персии он не нашел поддержки во внутренних делах своего государства, и поэтому обратился к России с просьбой предоставить ему помощь войсками. За эту услугу он пообещал признать Россию главным сувереном Грузии вместо Персии. Российский император был рад возможности вступить на землю Закавказья. Русские вошли в Грузию и укрепили пошатнувшийся трон царя.

«Мы взяли под защиту Грузинское царство не для расширения границ нашей империи, которая и так са-

мая большая в мире», – так звучат начальные строки манифеста, который русский царь приказал отлить в бронзе и доставить в Тифлис. Эти бронзовые плиты и поныне украшают главные улицы города, пережили не только грузинский трон, но и трон русского царя. Вскоре после установления русского покровительства царь Георгий XII умер, несмотря на обещание императора и манифест, независимость Грузинского царства была упразднена, а страна превратилась в российскую провинцию.

Восстания, которые начались вслед за этим, были жестоко подавлены, а царская семья изгнана и уничтожена. Последняя царица, несмотря на то, что воспитывалась в гареме, сумела вместе с дочерью заколоть русского генерала и была сослана в Сибирь. Мирная Грузия была разорена. Тысячелетняя независимость страны, которую не сумели уничтожить шах и султан, была уничтожена. Но сопротивление грузин продолжалось до шестидесятых годов прошлого столетия, после чего прервалось на целых сорок лет, чтобы потом вспыхнуть с новой силой в 1905 году.

Но Грузия – это не весь Кавказ. Вокруг располагались самостоятельные государства: Гурия, Имеретия, Мингрелия, княжества Дагестана и ханства Азербайджана. Для того чтобы полностью обеспечить «поддержку» Грузии, как обещал царь, ему просто необходимо было завоевать и эти страны. Так началась шестидесятилетняя война за горы, война русского гиганта с расщепленными, малочисленными, мирными и даже частично христианскими народами.

В древние времена Кавказ часто становился объектом завоеваний. Найденные при раскопках ассирий-

ские клинописи рассказывают о давних военных походах, греческие монеты – о богатых и воинственных эллинских городах. В сердце гор можно найти латинские надписи. Дагестанские скалы извещают о Помпее, императоре и легионах. Генуэзские башни, мавританские дворцы арабов, византийские церкви и их развалины, в которые они были превращены войсками Хромого Тимура, раскрывают историю гор, которые видели величайших завоевателей мира. Навуходоносор, Дарий, Александр, Помпей, Атилла, Чингизхан и Тамерлан – каждый из них в свое время становился врагом горцев.

И вот пришли русские, «европейцы», и превзошли «деяния» своих славных предшественников. Кровью и каленым железом свирепствовали христианские генералы в горах. Селения были сровнены с землей, целые народы уничтожены. Но русским не так-то просто дались эти победы. Один за другим от генералов приходили вести о поражениях. Пушки были переправлены на недосягаемые высоты. Глубокие пропасти, отвесные скалы, снежные вершины угрожали русским со всех сторон. А за каждым утесом, у края каждой пропасти подстерегал враг – вооруженный кавказский борец за свободу. Эти шестьдесят лет, которые понадобились русским для покорения гор, – самая кровавая колониальная война всех времен, о которой Европа знает, к сожалению, только из русских источников.

Первые русские экспедиции в горы, начавшиеся сразу же после завоевания Грузии, были безуспешными. Только после того как царь назначил генерала Ермолова, героя войны с Наполеоном, своим наместником на Кавказе, начался спланированный поход. Ермо-

лов – одна из самых колоритных фигур в истории России – заслуживает того, чтобы о нем рассказали подробнее.

На Кавказе он чувствовал себя как римский проконсул, и это было его единственной слабостью. У него был свой гарем, который постоянно пополнялся местными красавицами, он добился того, что все дети, рожденные там, были официально признаны законнорожденными. Ермолов быстро усвоил восточную манеру поведения: справедливо обращался с противником, не мешкая убивал врага за хитрость и предательство, мог казнить сразу тысячу пленников. Все это импонировало кавказцам. Ермолов был единственным наместником, которого горцы уважали, несмотря на то, что он был самым жестоким и кровожадным противником. Кавказцы признали в нем воина, равного себе. Кроме того, Ермолов был умным человеком и одним из лучших знатоков Востока, хорошо разбирался в восточной политике, как и в восточном военном искусстве.

Следующая история раскрывает суть политики мудрого генерала и его соратников. Вскоре после назначения наместником Ермолов направился ко двору персидского шаха, чтобы урегулировать вопросы о границах и влиянии Персии на Дагестан. При дворе его встретили холодно, однако он сумел завоевать доверие правителя и министров многочисленными подношениями и постоянным цитированием персидских стихов. Но в делах персы не хотели идти навстречу огромному генералу с львиной гривой.

Тогда Ермолов пригласил персидского министра иностранных дел в роскошный дворец на переговоры, во время которых с мрачным видом спросил перса:

– Действительно ли Его Величество не хочет ни в чем уступать?

– Да! – ответил перс.

Тут Ермолов вскочил, схватился руками за голову и стал рычать как тигр, потом вспрыгнул на диван, показал министру язык, при этом угрожающе оскалившись, сломал несколько стульев и, наконец, прокричал, что он никакой не генерал Ермолов, а потомок Чингизхана, завоевателя Персии. После этого разорвал на себе костюм, и на его обнаженной груди показалось «изображение великого хана». До смерти напуганный министр на четвереньках выполз из комнаты, счастливый, что остался жив.

В соседней комнате его поджидал секретарь генерала.

– Я должен сделать вам одно признание, – серьезно сказал секретарь. – Наш генерал – не просто храбрый воин и потомок великого хана, но еще и немного ненормальный, склонный к приступам бешенства. В таком состоянии он ужасно опасен. Даже сам царь боялся генерала, поэтому послал его в Персию.

Перепуганный министр выслушал секретаря, все это время прислушиваясь к рычанию в соседней комнаты, спешно покинул дом и помчался в шахский дворец, вскоре вернулся и вежливо, насколько это было возможно, заявил, что правитель Персии согласен со всеми предложениями генерала. Ермолов довольно усмехнулся, не забыв все же пару раз дико прорычать во время подписания договора. Он знал, что люди на Востоке ничего так не уважают и не боятся, как умалишенных.

«Никогда не перечь сумасшедшему», – сказано в Коране.

А уж насколько сложно перечить, когда сумасшедший является потомком Чингизхана и доверенным лицом царя?! Кто знает, что может натворить ненормальный человек, которого побаивается даже его господин. Приходится, к сожалению, смириться и проводить свирепого генерала с почестями обратно в Россию. Ведь народная мудрость гласит: «Защити нас Аллах от сумасшедшего».

Впоследствии у всех послов, прибывавших в Персию, на всякий случай брали клятвенные заверения, что они нормальные люди. Но главное, – Ермолов достиг своей цели.

«Безумие» помогло ему еще раз. Благодаря аналогичному приступу Россия овладела тремя ханствами: Ширван, Шеки и Карабах. Все три хана, так же как и их предки, были союзниками царя, а население – верно своим правителям, у России не было возможности превратить самостоятельные ханства в российские провинции. Поэтому Ермолов решил русифицировать их мирным путем. Ханов пригласили к генералу, те прибыли с дорогими подарками, их торжественно принимали в русском лагере, в роскошном шатре. Высокий рост, львиная грива волос и широкие плечи генерала произвели на них глубокое впечатление. Но когда Ермолов, вместо того чтобы принять дары, тотчас же променял их на пару овец у проходившего мимо пастуха, приказав сразу же их зарезать, а потом укутался в шкуру одного из них, ханы поклонились, поцеловали ему руку и спешно отправились восвояси.

Дома они собрали всех своих людей, все имущество и в бегстве покинули родные места.

– Мы боимся и не хотим жить под властью сумасшедшего, – объяснили они.

Генерал только этого и ждал. Он объявил ханства, «покинутые» законными правителями, русскими территориями, занял их со своими войсками. Все это произошло в 1822 году.

Но такое гротескно-идиллическое положение дел продолжалось недолго. Бесконечная война становилась все более жестокой и кровопролитной. Русские солдаты десятилетиями жили в горах, умирали, оставляли после себя потомство – следующее поколение, которое продолжало войну. В итоге противники перестали особо отличаться друг от друга в традициях и мировоззрении, русские все менее оставались русскими и все более становились типичными кавказскими разбойниками.

Наконец, после тридцатилетней войны, когда Россия почти добилась окончательной победы, в сердце Кавказа – в центре Дагестана – началось народное движение, которое уничтожило все плоды тридцатилетних усилий русских и на долгие десятилетия превратило Дагестан в неприступную крепость. В первый и последний раз в своей истории Дагестан сплотился из враждебных друг другу народов в единое самостоятельное государство с авторитарным вождем во главе. Движение это называлось мюридизмом, а его последователи – мюридами. Человека, который тридцать лет правил Дагестаном, сопротивлялся царям и проповедовал тарикат, звали имам Шамиль – повелитель

Кавказа, легендарный герой Востока, который впервые заговорил о «возрождении Востока» и боролся за него. Его учением был воинственный ислам – тарикат, то есть жизнь по строгим религиозным предписаниям. Его воины, мюриды, были воюющими муллами, членами ордена, в который входило почти все мужское население Дагестана.

Жизнь Шамиля была похожа на сказку. То, что не удалось священнослужителям средневековья, о чем мечтал Игнатиус фон Лойола, чего не смогла добиться католическая церковь, сделал этот легендарный воин и ученый, а именно – подчинил целую страну одной абстрактной религиозной идее. На долгие тридцать лет Дагестан превратился в огромный монастырь, полный вооруженных монахов, не признающих никакой другой власти, кроме приказов своего приора – имама. Первый раз в истории человечества принцип теократии был продемонстрирован во всем совершенстве. Во главе народа стоял вождь всех верующих – имам, первый среди молящихся, за ним – мюриды, признавшие тарикат, что предусматривало особенно благочестивый образ жизни. За ними следовали рядовые мюриды – соратники, помощники в религиозной войне за Аллаха и свободу. Всеобщая воинская обязанность, жестокие наказания за малейшие отклонения от религии, забрасывание камнями за пропуск хоть одной молитвы, смертная казнь за курение и строжайшая религиозно-военная дисциплина, какой еще не знал Восток, были методами управления этого дагестанского святого, который на орденах отличия своих воинов приказал выгравировать надпись: «Тот, кто думает о последствиях, не может быть отважным».

В течение пятнадцати лет Шамиль жил, запершись в мечети, и учился у старейшин, изучал Коран – Священную книгу ислама. Пятнадцать лет он был муллой и ученым, чтобы потом стать воином и борцом, который объявил священную войну – газават, чтобы изгнать русских из гор, а изящные буквы арабского алфавита, вековую мудрость старых богословов превратить в реальное теократическое государство.

Никто из захватчиков не знал, как Шамиль начал свою работу. Последнее восстание горцев было подавлено, в горах строились бастионы, стояли гарнизоны. Русские считали, что смогут управлять горами из своих крепостей, и поверили в то, что действительно правят страной. Все было спокойно. Местные князья вели хозяйство и платили дань. Авторитет русских рос день ото дня. Разбойные нападения случались все реже, поводов для беспокойства не было никаких, даже в горах не было особых волнений.

Неожиданно, без веской на то причины началась священная война. Русские гарнизоны были уничтожены, а местные князья, которые не отказывались от своего звания, изгнаны или убиты.

С этого времени не должно было существовать никаких князей или дворян, никакого правителя, кроме имама, основателя нового государства. Сначала русские решили, что речь идет об очередном разбойном набеге, и послали, как обычно, карательные экспедиции. Но когда те одна за другой уничтожались, русские осознали всю опасность ситуации и с ужасом обнаружили, что возникло новое государство и никакие экспедиции тут не помогут.

Против русских выступала высокоорганизованная, казалось, всего за одну ночь созданная, непобедимая армия.

Тридцать лет продолжалась война теократического Дагестана с самодержавной Россией. Русские войска терпели поражение, периодически отступали, но потом снова принимали вызов. Тем временем Дагестан, несмотря на теократический режим, стал вполне современной страной. Княжества были упразднены, страна поделена на провинции, а каждый житель наделен паспортом. Было введено единое правосудие по Корану, кровная месть отменена, налоги упорядочены, созданы военные заводы, типографии и монетные дворы, а разбой запрещен. В первый и последний раз в Дагестане можно было спокойно проезжать по самым диким ущельям и отметиться в полицейском участке. Даже языковые барьеры были сняты с помощью арабского языка, языка Корана, который был объявлен государственным.

Такой необычный религиозно-политический подъем Дагестана продолжался недолго. Свободная страна посреди покоренного Кавказа совсем не устраивала царя. Перестрелки и походы против объединившихся дагестанцев ничего не приносили, а в открытой войне Шамиль был сильнее русских и дошел почти до Тифлиса. Россия изобрела средство, незнакомое европейской стратегии, но здесь, в горах, – единственно верное. Было решено действовать постепенно, систематически уничтожая аулы, поля, родники, скот, людей, и тем самым разрушить империю Шамиля. Каждая завоеванная территория превращалась в пустыню, чтобы в слу-

чае возвращения горцев она не могла усилить врага. Каждый дагестанец должен был быть убит.

Этот «гуманный» метод ведения войны был придуман лично царем Николаем и последовательно проводился в жизнь. Весь Дагестан должен был превратиться в выжженную голую степи, даже если для этого понадобятся годы – таков девиз самой жестокой колониальной войны в мировой истории. То, как отравляли родники, убивали детей и женщин, уничтожали годами возделываемые земли и выкорчевывали леса, трудно описать в нескольких строках. Русские и кавказские источники достаточно подробно сообщают о героико-романтических сражениях на горных вершинах, об отчаянном героизме кавказцев, а также о крови и страданиях, которые нес с собой «постепенный захват».

Итак, после тридцати страшных лет война была завершена. Государство и дело всей жизни Шамиля были уничтожены. Сам он, до последнего сражавшийся на снежных вершинах Гуниба, раненный, должен был прибыть в лагерь противника. Единственным его условием было то, чтобы ни один мусульманин не видел его пленения.

Захватившие Шамиля русские солдаты, преисполненные благоговения, выстраивались у его дома, чтобы поцеловать руку святому чужой им религии. Они не знали другого правителя, который, подобно имаму Шамилю, вел образ жизни святого, оставался бедным, героически сражался и после тридцати лет правления не имел никакого другого имущества, кроме своего израненного тела.

Если бы царь не платил ему пенсию, то повелителю гор в буквальном смысле слова пришлось бы голо-

дать. Шамиль умер в Мекке. Он был и остается великим героем и путеводной звездой для тех, кто борется за освобождение Востока.

Со свободой Дагестана и всего Кавказа было покончено теперь на десятки лет, хотя эта борьба никогда до конца не угасала, время от времени вспыхивали новые восстания. Отряды свободолюбивых абреков, продолжающие борьбу, поднимались в горы, но исход сражений становился все более безнадежным.

В 1917 году произошла великая революция и на долгие годы уничтожила все плоды завоевания русских, которые только теперь поняли, насколько слабые корни они пустили за всю сорокалетнюю историю правления на этой земле. Сегодня очень трудно утверждать, что Кавказ является частью России. Даже самый фанатичный русский националист вряд ли уверен в этом. Самое большее, что он может сказать:

– Кавказ должен стать русской колонией!

А это – новые войны, новый «постепенный захват», новая кровь и страдания!

История покорения гор – кровавая история борьбы сотен свободных народов с северным великаном. Невероятным образом в этой войне была замешана и Германия. Немецкие офицеры поступали на службу в русскую армию, чтобы изучить военное дело на практике. Первым российским генералом, который со своим отрядом пытался покорить горы, был немец – фельдмаршал герцог фон Кобург-Гота. И последний генерал Клюки фон Клугенау – тоже немец, так же, как и первая жертва кавказской войны – ориенталист профессор Гмелин, был похищен разбойниками и

умер в горах до того, как русские успели заплатить выкуп. И нужно упомянуть наиболее авторитетного историка гор – офицера Зиссермана, написавшего в Дрездене первую фундаментальную книгу о Кавказе.

После завоевания Кавказа началось время условного перемирия, которое Россия использовала для поднятия культурного уровня. Эта деятельность состояла в том, что с самых лучших земель изгонялись местные жители, а вместо них заселялись казаки. Начали прокладывать дороги, строить города, открывать заводы и воздвигать памятники. Но в большинстве своем эти попытки носили гротескный характер и чаще всего заканчивались катастрофой.

Единственное и самое значительное, что удалось создать русским, находится на Северном Кавказе, вокруг горы Бештау, там, где бьют из-под земли знаменитые целебные источники. У Бештау были построены пять городов. Самый красивый из них – Кисловодск – по классу и роскоши намного превосходит самые знаменитые курорты Европы. Город состоит из вилл, дворцов и самых прекрасных парков на всем Востоке. Требуется три дня, чтобы разглядеть огромный парк Кисловодска. Весь город представляет собой одно большое чудо природы, которое создали петербургские князья и банкиры для себя. Придворные, бывшие правители, феодалы, министры и генералы каждое лето устремлялись в Кисловодск, вокруг которого расселили казаков, чтобы их гвардия охраняла спокойствие этого божественного города. Сливки российского общества знали свое дело, Кисловодск стал для них лю-

бимым местом отдыха, и они, соответственно, очень заботились о нем.

Я много раз бывал в Кисловодске. И в тот год, когда знакомился с могучими горами, аулами и князьями Дагестана, мое путешествие завершилось у лечебных источников Бештау. Эти целебные ванны и феодальный город, которые навсегда потеряли свой блеск, хотел бы я теперь воскресить в памяти.

ГЛАВА XX

Нарзан – кровь богатыря

Знаменитые кавказские целебные ванны находятся на севере, в Кабарде, хотя в этой области сегодня кабардинцев больше нет. Как уже говорилось, этот народ оттеснили в горы, а на их место поселили казаков, которые должны были защищать курорты от нападений. Этот процесс не был легким. Долгие годы продолжалась война, прежде чем русские вступили на кабардинскую землю и хитрыми договорами сумели подчинить себе местных князей. Конечно, князей – ведь Кабарда была единственной страной на Кавказе, где члены их семей, священнослужители не имели права голоса. Все в Кабарде принадлежало семи княжеским кланам, которые не признавали равными себе ни царей, ни султанов, ни шахов.

В глазах каждого кавказца кабардинский князь являлся олицетворением всех кавказских идеалов, образцом для подражания, неприкосновенной личностью, к которому нужно обращаться, как к святому. Князья знали о своих достоинствах. Никто не сомневался в том, что кабардинцы самый рыцарский народ на всем белом свете, а их князья самые благородные на всем Востоке. Влиятельные люди планеты меркли в сравнении с князьями Кабарды. Две тысячи лет правил этот род, и ни разу ни один князь не был убит своими под-

данными, или хотя бы однажды была бы совершена такая попытка. Все в стране принадлежало им, они обладали правом забирать у своих подданных все, что им нравилось, даже жен. Когда князь путешествовал по стране и по дороге встречал кого-то, то тот должен был прервать свой путь, вне зависимости от того, торопится он или нет, и сопровождать его до тех пор, пока князь не отпустит его, сделав надменный жест.

Сам князь тоже должен был соблюдать традиции своего народа, по которым не только князю принадлежит все, что есть у его подданных, но и им принадлежит все, что есть у князя. Каждый кабардинец мог без проблем поменяться с ним папахой или кинжалом или забрать какой-либо предмет из дома. Препятствовать этому князь не мог, потому что иначе о нем пошла бы дурная слава, а честь была бы оскорблена.

Веками жили кабардинцы – ветвь великого благородного народа – в долине целебных источников, и пока князья, графы, дворяне, крестьяне и солдаты не переехали в горы, продолжали вести феодально-патриархальный образ жизни. В долине же, куда пришли русские, остались только лечебные воды и легенды кабардинского народа, связанные с этими источниками. Одну из них, посвященную истории их возникновения, я хотел бы рассказать.

Много тысячелетий назад – так рассказывают кабардинцы, – когда земля была молода и прекрасна, и на нее еще не легла тень страданий, не было ни мужчин, ни женщин. Ни одно живое существо не обитало в бескрайних степях, пучине морей и на далеких островах; только горы – суровые, мощные каменные

массивы и песок – хранили в себе дыхание жизни – маленькие холмы, нежные и гибкие, как изнеженные женщины, и суровые гиганты, высокие и могучие, как вооруженные мечом и щитом мужчины.

Горы были тогда свободными и могли передвигаться. Они бродили по пустыням и лесам, рассматривали себя в огромных синих зеркалах морей и рассказывали друг другу странные истории, о которых человечество сегодня ничего не знает. Горы часто собирались вместе, громадные и серьезные вершины ухаживали за прекрасными холмиками, которые смущенно пытались кокетничать со своими могущественными друзьями.

Больше всего горам нравилось устраивать свидания на узкой полоске земли между Черным и Каспийским морями. Там можно было встретить разных красавиц, стройных и прекрасных женщин, для описания которых человеческого языка недостаточно. Только орлы на вершинах Кавказа еще помнят прошлое и иногда своими дикими голосами воспевают оды окаменевшим красавицам, которые хранят свои тайны от людей.

Была среди них женщина неописуемой красоты, которой восхищались все великаны Кавказа, Гималаев и Альп. Ее звали Машук. Она была стройна, молода и горда, как и все красавицы. Только два великана могли отважиться подойти к ней. Их звали Эльбрус и Тау. Их вершины вонзались высоко в небо, они были первыми, кто по утрам приветствовал солнце, и последними, кто по вечерам с ним прощался. Но прекрасная Машук была дерзка: она обещала подарить свою любовь то одному, то другому. Тогда произошло то, что в та-

ких случаях обычно происходит: сгорающие от ревности великаны начали войну. Как воплощение гнева божьего Эльбрус напал на Тау, но Тау храбро защищался. Огнем и мечом дрались горы, дрожала земля под их ударами, а алое отражение их борьбы сияло высоко в небе.

Пятьсот лет продолжалась эта война, огонь из сердца великана становился все ярче, кровь текла по их телам ручьями. Победил Эльбрус. Он со всей силой ударил мечом по Тау, который не смог устоять после такого сильного удара и упал, разрубленный на пять частей, к ногам своего гордого соперника. Так из Тау образовался Бештау.

Но радость победителя длилась недолго, когда он отправился к Машук, то нашел вместо молодой девушки старуху с глубокими морщинами на лице, по которому текли прозрачные слезы.

Война великанов продолжалась пятьсот лет. Ни одна красота не может так долго ждать своей любви. Молодость Машук прошла, и теперь она грустила о своей прошедшей жизни, о прекрасном Тау и кровавых ранах Эльбруса. С тех пор прошли века, горы постарели и устали. Они больше не путешествуют по миру. Седина покрывает их голову, а на лице прорезались глубокие морщины. Маленькие и худощавые создания, теперь они живут на широких лугах и в зеленых лесах. Они путешествуют, воюют друг с другом и ждут, когда тоже умрут, окаменев, освободят свои места для молодых созданий.

Но слезы Машук и кровь Эльбруса все еще текут по земле. Высоко в горах, в Кабарде, рядом с Бештау

стоит Машук, из ее недр бьют целебные источники горной земли, в которых находят выздоровление больные от любви и от старости – это и есть слезы красавицы. Кровь мрачного Эльбруса тоже известна, может быть, еще больше, чем слезы Машук, она зовется нарзан, кровь великана. Тот, кто излечился от любви и старости, едет к Эльбрусу, в город Кисловодск, к горе Бештау и купается в его железной крови, которая вновь дает ему красоту и силы.

Князья, министры, феодалы и гвардии лейтенанты делали это вместе с избранными красавицами России. Они строили виллы, сажали парки и смогли создать для себя посреди суровых гор прекрасный курорт, что было возможно только в старой России и лишь в последние годы существования империи, пока там еще были казаки, охранявшие это роскошное гнездышко, и пока кавказские вассалы царя еще не решались нападать на эти места.

Во Владикавказе, русском городе на краю гор, там, где заканчивается Военно-Грузинская дорога, начинается отличная железная дорога, которая соединяет курорт с остальным миром. Купейные вагоны, каких не знает Европа, ожидают путешественников, которые приезжают из сердца гор или царской империи, чтобы познакомиться с этой жемчужиной.

Я тоже сел в этот поезд в сопровождении слуги, попрощался с моими всадниками и первозданной дикостью гор, чтобы испытать на себе особые свойства лечебных ванн. Наш путь длился целый день, пролегал через горы, и поезд почти ни разу не останавливался. Кондуктор появлялся в дверях купе каждые

полчаса и спрашивал на английском, французском и немецком языках, нужно ли что-нибудь господам. Такая демонстрация знания языков, скорее, была делом престижа, потому что редко кто из пассажиров владел каким-либо европейским языком. Перед въездом на курорт, на перевалочной станции, поезд остановился, пассажиры сошли и стали читать вывешенные на стенах зала ожидания официальные правила посещения ванн:

§1. Лицам еврейской национальности въезд в Кисловодск запрещен.

§2. Евреи, которые приезжают для лечения, нуждаются в разрешении министра внутренних дел.

§3. Евреи, которые принадлежат к русскому дворянскому сословию, могут посещать Кисловодск.

§4. Лицам, не являющимся казаками и дворянами, владение землей в Кисловодске разрешается только с одобрения министерства внутренних дел.

Эти четыре параграфа, дополняющиеся еще дюжиной подобных, ясно показывают важность и значение целебных источников. Россия не хотела делить их ни с кем, разве что с местной аристократией.

В большом парке Кисловодска в сезон можно было запросто встретить вассалов царя. Эмир Бухары разгуливал в генеральском мундире в окружении ярко одетых придворных и с завистью смотрел на хана Хивы, который весь в шелках гордо сидел в кафе, попивая апельсиновый сок. Девять белокурых мингрельских девушек разговаривали с сыном последнего абхазского правителя об отношении к русским властям, а шамхал Тарки делал большой круг, когда видел своего соседа

Узми из Каракайтага, так как последний слыл «красным» и мог скомпрометировать осторожного шамхала. То и дело можно было встретить попавшего в немилость к своему брату султана Илису, который приехал сюда, чтобы встретиться с крымским ханом Гиреем, городским наместником и заверить их, что он всегда был врагом своего брата и его зря лишили имущества. Иногда все аристократическое общество вставало по стойке смирно и с благоговением лицезрело Его высочество – наместника царя на Кавказе, решившего прогуляться по парку. Его высочество сопровождали столичные князья и старая аристократия, которые смотрели с презрением на местных князей, на так называемые «народы личной охраны». Ведь вся личная охрана царя состояла из кавказских князей, которым он доверял больше, чем всем вместе взятым старым аристократам. Но главными персонажами все-таки были не князья, шамхалы и увешанные орденами эмиры, а представительницы прекрасного пола со всех уголков России, которые стекались на Кавказ, чтобы завоевывать диких черкесов (в России всех кавказцев называли черкесами) и влюбляться в азербайджанских ханов, испытывая удовольствие уже от одной мысли, что их могут похитить. Они возвращаются в Петербург и рассказывают захватывающие истории о дикой стране. Для того чтобы удовлетворить интерес этих барышень, в Кисловодске, где на самом деле все дикое давно уже было укрощено, специально создавались соответствующие условия.

Всегда готовые на подвиги грузинские князья соглашались на роль дикарей, которые посреди летнего

спокойствия неожиданно выдергивали кинжалы из ножен, издавая непонятные крики, и радовались, когда перепуганные русские со страхом восклицали: «Горячая кавказская кровь». Это нашло в дальнейшем свои отголоски в Европе. Известно, что сегодня в Западной Европе, в любом более или менее крупном городе, у входа в восточный ресторан вас встретит дикий черкес. Разумеется, никто не знает, идет ли эта традиция действительно с Кавказа или была только недавно придумана в прекрасном аристократическом городе Кисловодск из-за недостатка других развлечений.

Кисловодск был сказочным городом, несмотря на казачьи станицы, хорошо оплачиваемых дикарей и мечтательных жительниц Петербурга. То, что представляют себе европейцы, мечтая о «южных странах», то, что будит воображение северянина, нашло свое воплощение в мирных долинах Кавказа. Тропические растения, тропические леса, пенящиеся горные реки, экзотичный народ, утесы, сады и драгоценный нарзан – кровь богатыря, который не отпускает никого не излеченным. В огромном парке, между деревьями и горами, стояли виллы из мрамора, воплощение европейского изящества. Нигде в мире не было больше подобного смешения восточной романтики и европейской культуры, как на курортах Бештау. Без преувеличения можно сказать, что тот, кто не видел Кисловодск до 1917 года, не видел красоту старого мира.

Помимо этой красоты, помимо русско-кавказской смеси народов, существовала еще одна особенность: Кисловодск был местом встречи примитивных, полудиких кавказцев, у которых неожиданно проснулось жела-

ние немедленно, в течение двадцати четырех часов приобщиться к европейской культуре. Дикие жители Пшавии, Кистинии и еще Бог знает какого ущелья, которые не имеют ничего общего с обрусевшими грузинскими князьями, неожиданно появлялись с целой армией родственников в Кисловодске, некоторое время испуганно смотрели, как их прогрессивные соплеменники пользовались ножом и вилкой, после чего хватались за приборы в полной уверенности, что ни в чем не уступают лондонским денди. Эти настоящие дикари вели себе крайне скромно, разрешали своим женам ходить без чадры и удивлялись, когда их безобидное поведение то и дело вызывало крайнее изумление окружающих.

Спустя несколько дней после моего прибытия в Кисловодск, одним тихим солнечным вечером я сидел на скамейке посреди большого парка и с интересом наблюдал за этим странным азиатско-европейским смешением, которое под защитой казаков беззаботно прогуливалось. Возле меня сидела молодая дама с красивым мечтательным лицом и осиной талией. На ней не было чадры, что говорило об ее европеизированности, но на ней был женский дагестанский костюм и колье из золотых монет, что, в свою очередь, было чисто восточным. На Кавказе не принято заговаривать с незнакомыми женщинами, а тем более, женщине заговаривать с юношами, поэтому у меня не было надежды завести знакомство с прекрасной соседкой. Но судьба распорядилась иначе.

Одно маленькое заблуждение, которое я не хотел раскрывать, которое было не особенно лестным для меня, сделало возможным наше знакомство. Молодая

женщина приняла меня за девушку. Я носил тогда черкесский костюм, был молод, еще не имел волос на лице, и меня часто принимали за амазонку, потому что многие женщины в Кисловодске, Бог знает почему, носили черкесские костюмы. И в этот раз произошло именно так. Дама посмотрела на меня какое-то время, склонилась ко мне и произнесла на азербайджанском – интернациональном языке гор:

– Милая девушка, ты ведь точно еще не познакомилась ни с одним мужчиной?

При этом у нее был вид опытной женщины, которая хочет дать мудрые советы наивному ребенку.

Немного ошарашенный, я ответил ей нежным женским голосом, что, действительно, еще не знал ни одного мужчины. Дама глубоко вздохнула и поделилась

тем, что время, когда мне придется пожертвовать целомудрием с избранным мною мужчиной, уже не за горами.

– Тогда ты уже не будешь больше носить этот черкесский костюм. Но надеюсь, тебе не придется приезжать в Кисловодск и, как мне, искать здесь врача.

Она вздохнула еще грустней.

Поскольку лицо дамы было молодым, свежим и отнюдь не болезненным, то я участливо посоветовал ей не очень-то доверять европейским врачам, а лучше наслаждаться красотами этой спокойной жизни.

– А я и не больна вовсе, – ответила она. – Иду к врачу только потому, что этого хочет мой муж. И он, конечно, имеет на это право!

– Ваш муж, наверное, очень любит вас? – спросил я, по-девичьи краснея.

– Возможно, – сказала дама. – По врачам он меня водит в наказание за мое легкомыслие, а не из-за любви.

Немного удивленный, я спросил у дамы, как забота о ее здоровье может одновременно быть наказанием за ее легкомыслие, и сразу же получил ответ:

– Мой муж ведет меня к врачам не из-за проблем со здоровьем!

– А почему же? – удивился я.

Молодая женщина покраснела, наклонилась ко мне и, смущаясь, произнесла:

– Чтобы они отрезали мне нос.

Увидев мое слегка удивленное выражение лица, добавила:

– Сам он не хочет этого делать.

Тут у меня появились некоторые догадки по поводу того, что она имела в виду, но понадобилось еще немного времени, чтобы полностью понять такое необычное желание ее мужа. Эта дама была прилюдно разоблаченной прелюбодейкой, а муж ее – уважаемым благородным дагестанцем, который очень дорожил своей честью и в то же время считал себя олицетворением европейской культуры. По закону гор муж, который застал жену за изменой, в наказание должен отрезать ей нос (что, между прочим, всегда лучше, чем европейское убийство с последующим оправдательным приговором).

Муж моей соседки тоже хотел сделать это, когда застал свою жену на месте преступления. Но вовремя опомнился. По его мнению, знатному европейцу, которым он хотел быть, не пристало следовать этому ди-

карскому обычаю. Он чувствовал себя обязанным, как прогрессивный человек, стать примером для своих земляков.

– Я не отрежу тебе нос, – сказал он при всех своей жене, – после этого может произойти заражение крови. Кроме того, это больно. Слава Аллаху, мы живем в просвещенное время. Летом мы отправимся в Кисловодск, там есть известные европейские врачи, которые искусно лишат твое лицо носа.

Все, кто слышал это, поразились настоящему европейскому образу мышления мужа, а юная дама стала нехотя собираться в дорогу. По прибытии в Кисловодск ее супруг стал искать известных европейских врачей, но всякий раз возвращался домой, качая головой от отчаяния. Несмотря на высокие гонорары, все врачи, шарахаясь, отказывались от выполнения этой необычной операции. А один профессор из Петербурга даже пригрозил заявить на него в полицию. Мужчина не мог понять, почему европейские врачи не проявляют к нему участия, и уже несколько недель водил свою жену по всем врачам города. Жена позволяла ему делать все, что он хочет, в надежде на то, что если он не найдет врача, то простит ей измену. Она шепнула мне на ухо, что в последнее время он стал с ней намного нежней, особенно с тех пор как один настоящий русский генерал, с которым они познакомились в обществе, при всех поцеловал ей руку и восторженно произнес:

– Какой изящный носик! Такое можно встретить только у горянок!

Супруг ее, очевидно, был очень лояльно настроен по отношению к русским. Я попрощался с этой жен-

щиной, не раскрыв себя, пожелал ей сохранить изящный дагестанский носик и высказал надежду, что и мой будущий муж будет обладать европейским образом мышления.

Через несколько дней я встретил ее в сопровождении мужа. Это был рослый, элегантный мужчина с огромными усами, грустными коровьими глазами и самоуверенной походкой человека, который всегда может постоять за себя. Как я понял, в конце концов, он простил свою жену, и, помирившись, они снова вернулись в горы.

Однако тому, что ее нос остался нетронутым, молодая женщина обязана только недостаточному знанию здешней местности ее мужем. В Кисловодске были люди, которые если и не по правилам медицины, то уж точно без заражения крови умели отрезать носы. Один приятель моего отца, бакинский нефтяной магнат Х.У., испытал это на себе. Это был добродушный пожилой человек, всегда статный, хотя когда я увидел его в Кисловодске, он уже слегка располнел. У него были лысина, бурное прошлое, жена приблизительно его же возраста и обширные нефтяные промыслы близ Баку. Но и этого было мало милому человеку. Возможно, виновато солнечное небо над Кисловодском или в целом романтический настрой в горах. Но он вдруг решил в преклонном возрасте развестись с женой и жениться на своей дочери, уже состоявшей в браке. Это его намерение было просто кошмарным. Все, кто думал, что хоть как-то может повлиять на безумца, пытались образумить его, но все напрасно. Господин Х.У. был намерен довести дело до конца, и ког-

да мой отец пригрозил ему всеми земными и неземными карами, возразил:

– Мы все достаточно грешны. Поэтому то незначительное мероприятие, которое я сейчас планирую, уже ни на что не повлияет.

После чего мой отец указал ему на дверь.

Скольких сотен тысяч или даже миллионов с трудом заработанных денег стоило этому человеку исполнение его желания, я не знаю. Во всяком случае, ему удалось развести свою дочь с мужем и, купив нужные документы, сделать ее своей племянницей, самому развестись с женой и, сияя от счастья, повести свое же дитя к алтарю. Сразу же после свадьбы молодожены отправились в свадебное путешествие на машине в горы, в Тифлис. Гордый муж уселся на мягкое сидение своего авто и, обняв молодую жену, повел машину по широкой трассе. То, что произошло потом, он никому не рассказывал. Доподлинно известно только одно, что предприимчивые люди решили наказать его за этот разврат. Как они это сделали, я не знаю. Известно только, что в следующий город он прибыл в менее приподнятом настроении. По лицу его текла кровь, а в руках он держал свой отрезанный нос. С женщиной же ничего не случилось. Впоследствии она с ужасом рассказала мне:

– Вы только подумайте, как просто и я могла лишиться носа!

Свадебное путешествие, конечно, было испорчено, тут не помог и новый нос, который ему искусно изготовили в Тифлисе.

С тех пор прошло много десятилетий. Господин Х.У. живет теперь со своей женой в Европе. Революю-

ция отобрала у него миллионы, ему пришлось бы голодать, если бы его женой не была бы собственная дочь. Это обстоятельство спасло его от голодной смерти. При разводе он отдал своей бывшей жене целый миллион. Женщина была умной и вовремя покинула Восток, поселилась в Англии, сохранив свое имущество. И, как только услышала, что ее дочь и бывший муж в беде, сразу же пришла на помощь и по сей день выплачивает им пенсию. А господин Х.У. тоже счастлив, что женился на своей дочери и заплатил своей жене.

В пору моего пребывания в Кисловодске, на всем Кавказе, но прежде всего на курорте, где собиралась элита страны, происходили какие-то волнения, несмотря на разгар лета и романтику гор. Неожиданно старые друзья перестали здороваться, а представители доселе дружественных народов угрожали перерезать друг другу глотки. Весь Кавказ, казалось, раскололся на две части. Спор, который уже серьезно озадачил русских правителей, разгорелся между армянами и грузинами, ставшими лютыми врагами.

Причина такой вражды заключалась, как ни странно, не в политике, не в экономике. Речь шла всего лишь о древнем, странном и абсолютно никчемном камне, который многие тысячелетия лежал незамеченным и неожиданно вызвал такой интерес. Всякие научные экспедиции, которые состояли больше из путешественников, чем из ученых, обнаружили на камне древние надписи, которые не мог расшифровать ни один из их членов. Надписи переписали и передали ученым, которые определили их возраст – три тысячи

лет. Что же касается происхождения надписей, то одни считали их древнегрузинскими, а другие – древнеармянскими.

Этого было достаточно, чтобы развязать войну между народами. Находчивые фельетонисты моментально стали расшифровывать эти надписи и нашли, что там говорится об очень древней, высокоразвитой мировой империи, заявляли, в зависимости от того, кому принадлежат эти камни, армянам или грузинам – эта нация является самым древним и высокоразвитым народом не только Кавказа, но и всего мира. Газетная полемика принесла много плодов. Никто не хотел уступать своего исторического первенства. Среди простого населения часто происходили столкновения на этой почве.

Для журналистов наступили хорошие времена. Цензура, обычно очень строгая, не знала, как остановить эту научную полемику и не решалась вмешиваться. Это очень устраивало армянскую и грузинскую прессу.

«Какая неслыханная наглость! – писала одна армянская газета. – Такой отсталый и отупевший народ, как грузины, который обязан всем, что есть в их культуре, только нам, смеет утверждать, что эта надпись, подтверждающая наше великое прошлое, относится к временам, когда грузин еще и в помине не было, принадлежит им».

На что грузинская газета отвечала:

«Армяне забыли, что мы еще в глубокой древности владели культурой, схожей с египетской (только что найденные надписи доказывают это в полной ме-

ре), и пытаются путем подлого обмана исказить все факты».

Весть о споре вскоре дошла и до самых низших слоев населения. Крестьяне вполне серьезно утверждали, что в горах найден бриллиант величиной с гору, принадлежащий армянскому или грузинскому народам. Этот камень якобы продали за границей. После чего каждый армянин (или грузин) получил по тысяче рублей. Перспектива получить по одной тысяче рублей на человека настраивала крестьян воинственно, каждый был готов уничтожить народ, который перетягивал огромный камень на свою сторону.

Даже люди, которые не имели ничего общего ни с наукой, ни с культурой, участвовали в этих дебатах. Я, к примеру, лично слышал, как в Кисловодске одна армянка со всей серьезностью утверждала, что как представительница древней цивилизации не может себе позволить общаться с примитивными грузинами. Так как мы не относились к носителям этой культуры, то пользовались доверием обеих сторон. Ежедневно в нашем доме мы встречали представителей обоих народов, которые спешили выдать какую-нибудь новую насмешку. Каждый начинал со слов:

– Вы же знаете – мы являемся самым древним народом на Земле.

Все это сбивало с толку людей непосвященных. Например, обычно очень скромный хан Хивы объявил себя самым культурным человеком на Земле, был оскорблен тем, что его не приветствовали с должным уважением к его титулу. На следующий же день он покинул Кисловодск и отправился восвояси. Даже шам-

хал Тарки, самый осторожный человек, каких я видел, делал загадочные намеки, из которых следовало, что ему тоже три тысячи лет, и он уже долгое время ищет камень, на котором об этом написано.

Этот культурный спор мог перерасти в скандал с неприятными последствиями. Правительство сочло своим долгом вмешаться. Из Петербурга пригласили всемирно известного ученого и поручили ему окончательную расшифровку надписей. Позднее говорили, что правительство оказало на него давление, так как результаты не были благоприятными ни для одной из сторон. Надпись не была ни древнегрузинской, ни древнеармянской, а представляла собой ассирийскую клинопись, повествующую о том, что ассирийская армия, состоящая из армянских и грузинских рабов, дошла до самых высоких гор. Таким образом, великий спор был решен.

Однако позднее нашлись скептики, которые захотели все перепроверить. Но камень бесследно исчез. Ходили слухи, что его, одному Богу известно зачем, забрали немцы по приказу императора.

Этим мирным решением оба народа были довольны и вскоре угрожали друг другу в более мягкой манере:

– Только подождите! В Германии уж точно смогут правильно прочесть эту надпись.

Всеобщее гражданское спокойствие очень чутко охранялось и вплоть до революции больше ни разу не нарушалось. Хан Хивы вернулся к себе, а шамхал счел нужным сделать заявление через газету о том, что он никоим образом не претендует на трехтысячелетний возраст.

ГЛАВА XXI

Замок коварства и любви

Такое романтическое название приобрела скала, похожая на крепость, которая возвышается над крутым обрывом недалеко от Кисловодска. Она является излюбленным местом прогулок для всех, кто не прочь окунуть свои изнеженные ножки в воды нарзана. В самых недоступных местах этой скалы гордые феодалы высекали свои имена. На одной из них персидский принц (прославленный предатель), который следовал в Петербург, где собирался перехитрить царя, начертил следующее четверостишие:

Дорогой брат, мир – одна юдоль,
Брось свое сердце к ногам Создателя,
Не доверяйся мирским радостям,
Ибо Он сотворил и погубил тебе подобных.

Принц Хосров-Мирза.

Принц очень ловко провел царя в отношении земных благ, несмотря на свое презрительное отношение ко всему мирскому.

Со скалой связана одна старинная кабардинская легенда, которую сегодня рассказывают на всем Востоке – в Персии, Туркестане и Индии. В немецком варианте эта легенда звучит следующим образом: султан Махмуд Газневи, владыка мира, заказал себе сказоч-

ную корону. Сколько камней украшало ее, неизвестно, но каждый из них соответствовал одной сказке. Как-то поэт Фирдоуси – царь поэтов – спросил султана о значении этих камней, на что тот рассказал ему сказку.

На Кавказе, там, где кровь величественного Эльбруса разливается по земле, у берега глубокого темного озера стоит высокая скала. На ее вершине как-то сидели юноша и девушка. Их бледные лица были озарены лунным светом, а глаза полны тоски.

– О, мой любимый, – произнесла девушка, – сегодня мы видимся в последний раз. Завтра меня отдадут замуж за богатого князя, и всю оставшуюся жизнь я проведу, как в тюрьме.

Из ее глаз полились слезы.

– Дорогая моя, – заговорил юноша, – твое имя шептали лепестки лилий, когда раскрывались. Ветер подхватил его и понес далеко в горы, а когда пастухи услышали его, то стали играть тебе хвалебные мелодии на своих свирелях. Любимая, жизнь без тебя страшнее жизни прокаженного в глубоких казематах ширванского хана. Там, где ступала твоя нога, из земли вырастают алые розы, аромат которых вдохновляет воинов на подвиги!

Юноша смолк, а в глазах у него блеснули слезы. Потом он продолжил:

– Любимая, перед нами раскинулось глубокое темное озеро. На дне его находится свобода. Пусть его волны покроют нас, а глубь соединит навеки.

– Без тебя мне не жить, – отвечала ему девушка, – а темная вода станет для нас самым лучшим щитом от злых людей.

Решив прыгнуть в воду вместе, они поднялись, и юноша при свете луны бросился вниз, и оттуда донесся стон, которым озеро всегда приветствует свои жертвы.

Девушка тоже приблизилась к пропасти, но всего лишь с любопытством посмотрела вниз и подумала: «Как хорошо, что я избавилась от него, теперь могу беспрепятственно выйти замуж за богатого князя».

Она вытерла слезы и, радостно, весело напевая, сбежала по узкой горной тропинке.

На освещенной луной скале остались слезы юноши и девушки, и Создатель создал из слез девушки жемчужины, а из слез юноши – алмазы и сказал:

– Ты, жемчужина, произошла из лживых слез лживых глаз, а потому заслуживаешь только проклятия!

И жемчужина спряталась от стыда в глубинах мрачного океана. Алмазы же Создатель благословил и поместил в гранитные горы, которые раскаляются под лучами летнего солнца. С тех пор бесцветные и матовые от проклятий Господа жемчужины живут в холодной пучине темного океана, а благословенный Господом алмаз – в гранитной скале, сверкая в солнечных лучах. Люди говорят, что жемчужины приносят тем, кто их носит, слезы, а алмазы их владельцам – улыбку, потому что те видят в них благословенные лучи вечного света.

Это были слова султана Махмуда Газневи, владыки мира. Он взял свою корону, указал на ее вершину и сказал:

– Так как я властелин, то ношу и то, и другое, потому что мне должны быть знакомы и холодные слезы темноты, и светящаяся улыбка солнца.

Фирдоуси поклонился его мудрости.

Люди на Кавказе, бродячие поэты и странствующие князья, рассказывают сказку султана всем, кто пожелает.

Эти рассказы и наскальные надписи опасным образом волновали самые здравомыслящие умы. Так, один толстый, насквозь пропитанный алкоголем русский генерал приказал написать на скале:

– Самоубийство так же противоречит религии, как и прелюбодеяние. Лучше пролить свою кровь на войне, сражаясь за Бога, царя и Отечество!

Впоследствии было приложено много усилий, чтобы соскоблить эту надпись.

Еще сложнее оказалось изменить русло горной речушки, протекающей мимо этой скалы, для того чтобы обыскать ее дно, а потом снова вернуть в свое русло. А искали там, ни много, ни мало, золотое перо, которым Гёте написал свой «Западно-восточный диван». Рассказывают, что Гёте прислал русскому поэту Пушкину свое золотое перо, а тот взял его с собой в путешествие по Кавказу. Пушкин посетил Кисловодск, поднялся на вершину скалы, где к нему пришло вдохновение, и он сочинил стихи. Там-то и выскользнуло у него из рук перо Гёте, утонув в горной речушке, а Пушкин не смог завершить свое творение.

Хотя исторически этот факт не подтвержден, некоторые горячие головы, не страдающие недостатком времени, решили обыскать русло реки. Однако кроме нескольких пустых консервных банок им ничего не удалось найти. Зато с тех пор эти искатели золота считали себя серьезными исследователями в области истории литературы.

В то время, когда я посетил Кисловодск и Замок коварства и любви, здесь разыгралась любопытная история, хоть и не имевшая ничего общего с любовью и изменой. В течение нескольких недель она держала в напряжении все население солнечных гор. Где-то между замком и городом располагалась одна симпатичная вилла с белыми колоннами, ухоженным садом и огромными витринными окнами, через которые была видна вся ее роскошная обстановка. Здесь жил известный на Кавказе мошенник и биржевой спекулянт со своей семьей и прислугой. Спекулянт был очень богат и весьма недоверчив. Его подозрительность распространялась не только на частных лиц, но и банки. «Никогда в жизни не доверю им ни единого гроша», – говорил он. Самым надежным местом для денег он считал свой собственный кошелек.

Итак, его вилла была настоящей сокровищницей. Килограммы золота хранились в стальных шкафах, облигации и акции – в кожаных портфелях, а сам он никогда не покидал своего дома без толстой пачки денег, чтобы у него хоть что-то осталось, если дом вдруг подвергнется пожару. Как вы видите, речь идет об очень осторожном человеке, который позаботился обо всем. Кроме того, он был князем, и в Дагестане жили бывшие его подданные, которым он то и дело подкидывал копейку, за что они были ему благодарны. О недоверии старика ходили легенды на всем Кавказе, что и привело к происшествию, которое стало для всех, кроме него самого, закономерным финалом.

Однажды в его дом пробрались воры. Стальные сейфы, конечно, оказали им достойное сопротивле-

ние, но все же один из них они взломали, что вполне устраивало грабителей. В сейфе хранились ценности на сумму в сто тысяч рублей. Старого спекулянта будто молния сразила. Не то, чтобы его огорчила такая потеря – остальные сейфы хранили в себе достаточно богатства, он просто не мог представить, что кто-то присвоил его деньги. Первое время он, конечно, был в бешенстве, но потом, успокоившись, вызвал к себе своих подданных и приказал им вернуть все деньги, в противном случае угрожая сильнейшими проклятиями и снижением жалования.

Подданные стали было протестовать, напоминая, что они не обучались мастерству сыщиков, но в то же время испугались гнева господина и поклонились, пообещав вернуть украденные деньги. Прошло каких-то две недели, как довольные слуги вернулись к хозяину, найдя пропажу. Однако старику поначалу пришлось слегка разочароваться, потому что его золото и ценные бумаги теперь превратились в банкноты, причем из ста тысяч – в двести тысяч. Так что он получил прибыль в сто процентов, что сполна возместило ему моральный ущерб.

Теперь старый господин был доволен, раздал каждому слуге по серебряной монете, пообещал благословение Божье и спрятал золото. Отныне он стал намного осторожней, не выходил из дома, в доме никого не принимал и не знал, как волновался весь курорт. После кражи, произошедшей у него, началась целая серия аналогичных громких происшествий, чего до сих пор не было на хорошо охраняемом роскошном курорте. Многие состоятельные, но трусливые люди получали

письма с угрозами или неожиданные визиты людей в масках, следствием которых всегда являлось уменьшение их капиталов. Разумеется, выбирали таких людей, которые реагировали на произошедшее только постфактум, чтобы любезные посетители могли успеть надежно спрятать свою добычу.

Но запоздалая реакция была намного сильнее. Знатные русские господа, ограбленные на летнем отдыхе, обращались к чиновникам, жаловались на наглых кавказских разбойников, которые не довольствовались одним нападением на богатого спекулянта. Расследования полицейских оставались безуспешными. Все искали преступников среди известных воров в игорных домах Тифлиса и даже в преступном мире Петербурга. На скромных слуг ограбленных торговцев, конечно же, никто не обращал внимания, даже их собственные хозяева.

Это дело быстро закрыли. Позднее некоторые посвященные настойчиво утверждали, что кражи были организованы самими спекулянтами, и идея ограбления соседей, чтобы покрыть свои убытки, также принадлежала им. История, конечно, странная, но вполне могла иметь место. Возмущенные господа в Кисловодске вскоре успокоились, смирившись со своими потерями, ведь среди них не было бедняков.

То лето в Кисловодске было последним аристократическим летом на роскошном курорте. На следующий сезон там вместо великих князей и феодалов отдыхали только напуганные революцией изгнанные люди, которые все еще называли себя своими прежними титулами, хотя не имели ничего общего с былой

славой. Но даже в этом чудном месте они не находили спокойствия.

Самые лучшие целебные источники в мире – источники Кавказа – стали ареной кровавых событий. Вскоре в Кисловодске появился двадцатипятилетний белогвардеец генерал Шкуро, сопровождаемый своей знаменитой «Армией волков», как называли его солдатов. Шкуро случайно обнаружил в Кисловодске двух некрещеных евреев. Оба еврея были тотчас же повешены, каждый десятый житель города объявлен большевиком и должен был взойти на виселицу, которую установили посреди парка.

Шкуро свирепствовал многие месяцы, после чего двинулся на север воевать против большевиков. Впоследствии он был разбит коммунистами, которые ныне правят в феодальном городе. Теперь каждый пятый казак и каждый второй гость возведен в ранг монархистов и приговорен ЧК к расстрелу.

Курорт превратился в морг.

Позднее откуда-то появились группы кабардинцев или ингушей, которые разграбили все, что еще можно было разграбить. Ненависть их была обращена в первую очередь против казаков, села которых были сровнены с землей. Везде повесили флаги кавказских крестьян, чтобы никто никогда не нашел места, где некогда были казачьи села. Одного дня было достаточно организованным кабардинцам, чтобы превратить казачьи села в пахотные земли. Сами казаки были уничтожены. Они храбро сражались, но когда стало ясно, что битва проиграна, одного из лучших воинов отправили на север, чтобы, как говорили казаки, сохранить казачий корень.

В Кисловодске искали пристанище «белые», «красные» и дикие горцы. Деревья прекрасного парка вырубались, дома сжигались, а бесценный нарзан вытекал из разломанных труб прямо на улицы. Ничего больше не напоминало о былом Кисловодске, когда великие князья и придворные царя купались в крови великана Эльбруса и важно разгуливали по парку.

Ныне Кисловодск более или менее восстановлен, но былой блеск утерян навсегда. Больше нет царей и гордых феодалов. В город пришли коммунисты, которые проводят здесь четырнадцать дней отпуска, вырезают свои имена на оставшихся деревьях, а под ними – серп и молот. Потом они возвращаются домой и рассказывают сказки о странном городе, который раньше принадлежал князьям бывшей империи.

ГЛАВА XXII

Целительство в горах

Сотни европейских врачей ожидали на кавказских курортах, богатых минеральными водами, своих знатных пациентов. Санатории там были оборудованы по первому классу, и усталые гости могли лечить свои наследственные и приобретенные болезни по последнему слову европейской медицины. То, с чем не справлялась наука, превращало целительные источники, которых только в окрестностях Кисловодска, не считая нарзана, было более тридцати, в богатство, которое редко где еще встречается в мире.

Но за пределами казачьих сел, которые оберегали эти источники, вилл и роскошных отелей господство западной науки заканчивалось. В крепостях, аулах на снежных вершинах и у племен, населяющих горы, медицина неверных не пользовалась особым доверием. Разве что порочные князья или полуевропейские купцы звали на помощь врачей. Остальные же – воины, женщины, дети и старики – всячески избегали общения с хакимом – врачом. Они опасались неверных, прятались, когда те путешествовали в горах, и молчали, когда их спрашивали о болезнях. Потому что для горцев очевидным было одно: западные лекарства сделаны из свиного жира, и только если угрожала неминуемая смерть, им разрешалось принимать запретное

средство. Но заболевший кавказец и не думал об угрожающей ему опасности. И зачем ему об этом думать? У него же есть свои собственные врачи, которые тоже творят чудо, как и врачи из Кисловодска, и одновременно являются и благочестивыми мусульманами, и заклинателями духов – истинными повелителями демонов и джиннов, которые вселялись в больных.

Ведь, несмотря на заверения евнуха, на Кавказе еще существуют джинны, хотя они и не живут на горных вершинах, но подстерегают прохожих в ущельях, долинах, лесах, у болотистых берегов рек, нападают на них, запрыгивают через рот к ним внутрь и вызывают лихорадку, малярию, оспу, боли в животе, красные пятна коклюша, мучают женщин при родах, терзают людей и убивают их, если вовремя за дело не примется мудрец, который изгонит зло и восстановит силы больному. Вера кавказцев в великое искусство этих мудрецов непоколебима. Никакие неудачи, даже смерть пациента, не могут лишить их этой веры.

Всего лишь в нескольких километрах от Кисловодска или Тифлиса, где есть много врачей и современных больниц, еще властвует волшебник из прошлого, придерживающийся старых примитивных правил унаследованного искусства и презирающий каждого, кто осмеливается усомниться в его способностях.

В определенном смысле эти волшебники действительно заслуживают всеобщего признания. Вряд ли где-нибудь в мире есть лучшие целители – специалисты по ранениям, чем они. Человек может быть расстрелян, исколот и изрезан вражеским оружием, волшебник гор все равно не откажется от него, а обмажет

самодельными мазями, искусно наложит повязки и почти регулярно возвращает к жизни девять из десяти покойников. То, что он при этом бормочет себе под нос заклинания и таинственным образом размахивает руками над телом больного, никого не должно смущать. У европейских врачей тоже есть свои традиции, которых они придерживаются. Но фактом остается то, что один русский генерал и дюжина русских офицеров, которые были ранены в бою и от которых отказались их врачи, были спасены местными кудесниками. А если какой-то знатный человек, князь, борец за свободу или абрек, истекая кровью, возвращается с поля боя, то горные чародеи переносят его посредством диковинных носилок на одинокие горные вершины и излечивают вопреки диагнозам европейских врачей.

Кавказцы мастера излечивать ранения, ведь именно они чаще всего встречаются в горах. При любых же других заболеваниях внутренних органов лучше не доверяться мастерству кавказских целителей. Лечение, которое предлагает кавказец больному, часто бывает очень странным и иногда стоит пациенту целого состояния. Например, при заболеваниях мозга больной должен принимать настоящие мелкие алмазы или алмазную пыль. Во время мучительных родовых схваток в больших количествах принимают измельченную бирюзу, а жемчуг в уксусе – против всех сердечных болезней.

Вообще, драгоценные и полудрагоценные камни играют большую роль в горном целительстве. Опалы, александрит, сапфиры, изумруды и бриллианты – его составляющие. Существует два вида драгоценных и

полудрагоценных камней – мужские и женские: от одних болезней спасают первые, от других – вторые. Определить пол камней может только специалист. Сложная наука о взаимодействии камней, пользе, которую они приносят, и прежде всего их происхождении, очень серьезно и подробно изложена в трактатах. Согласно им, камни – это живые существа, которые обитают в глубоких ущельях, недоступных для человека, и естественным образом размножаются там, как и все остальные создания Аллаха. Заклятыми врагами камней являются орлы. Паря над облаками, они наблюдают за глубокими ущельями, высматривают там живые камни, хватают их своими когтями и снова вздымаются ввысь. С камнем в когтях летают над горами, любуются тем, как он переливается цветами на солнце, мучают до смерти, а потом бросают на землю, где жалкие людишки подбирают остатки орлиной игрушки. Во всяком случае, так говорится в горских трактатах, которые написаны на арабском языке и распространены на всем Востоке.

Однако не всем больным надлежит принимать бриллианты. Кавказский врач является еще и муллой, и у него есть средства, которые, как минимум, так же ценны, как и лучшие алмазы. Дым сожженной над постелью больного Священной книги – Корана – тоже является отличным средством против всех болезней, вызванных злыми духами. Действие это усиливается, если Коран был переписан профессионалом без ошибок и красивым почерком.

Кстати, на Кавказе знают, что главной задачей врача является профилактика и защита от болезней. Для

этой цели существует одно простое и действенное средство. На тонкой полоске пергамента записываются молитвы и волшебные предписания, она сворачивается и одевается на шнурке на шею. При этом если развернуть листок, то он должен соответствовать в точности до миллиметра размеру ноги человека, который ее носит. Если же этот человек все-таки заболевает, то происходит это только потому, что пергамент не точно соответствовал ступне. Если же болезнь обостряется, злые духи уже проникли в тело больного, а найти подходящие камни невозможно, тут в дело вступают традиционная кавказская медицина и искусство магии, у которых против каждой болезни имеются свои древние методы.

Различные средства используются в зависимости от возраста и пола. Знания, которыми должен обладать кавказский врачеватель для того, чтобы считаться настоящим целителем, довольно обширны. Далее я хотел бы поведать читателям о некоторых средствах, с древних времен помогающих людям в горах.

Начнем с шока, который часто случается с женщинами и детьми. Средство очень простое. Над кроватью больного натягиваются две нити и сжигаются, пепел растворяют в воде и ею омывают ступни больного. Одновременно с этим у изголовья кровати ставится чашка с кипящей водой, куда три раза подряд бросают раскаленное железо. После этого человек выздоравливает.

Сложнее с душевнобольными. Если заговоренная вода не помогает, то нанимают музыкантов, которые целую неделю без перерыва играют кавказскую танце-

вальную музыку. Больной должен при этом танцевать. Если и это не помогает, то больной считается неизлечимым.

Еще труднее с болезнями глаз. Чтобы их излечить, врачу нужны семь девственниц, которые становятся в круг. В центре садится больной, перед которым ставится чаша с водой. Девушки опускают свои пальцы в воду, увлажняют свои глаза и поют под руководством целителя:

– Небо ясное, а значит, и взгляд твой станет ясным.

От болезней сердца и легких дают молоко и мед, смешанные с солью, а при высокой температуре врач прописывает ванны с кислым молоком. Все это рецепты для взрослых.

Детей лечат по-другому. Тут, наряду с многочисленными методами, существует наиболее верное средство, которое применяется во всех случаях: забивают корову, разрезают ей живот, вытаскивают все внутренности и туда кладут больного ребенка. Если по прошествии нескольких часов ребенок покраснеет, то можно говорить о выздоровлении. Помогает также и смена имени тяжелобольного, то есть, приобретая новое имя, он быстрее поправляется. Тогда злые духи покидают его тело, запутавшись в именах. Разумеется, нужно знать, напророчена ли болезнь злым духом или Богом. В последнем случае человек бессилен, тогда остается молиться и ждать помощи Всевышнего. Только в очень серьезном случае прибегают к универсальным заклинаниям, которые, однако, опасны и произносятся на свой страх и риск.

По-грузински они звучат следующим образом:

– Анисани, банисани, мамаверли-каниани.., захлетиха, чвтхиситха, мамизатха да цизатха да кулиса тцминдиза. Аминь.

Их нужно повторять три, пять или восемь раз.

Но это все лечебные средства. Намного важнее профилактика, в которой хорошо разбирается каждый кавказец и, наряду с законами предков и рыцарским кодексом, создает свое духовное благо. Эта профилактика очень необычная. Например, если младенец умирает, еще не получив имени, его поливают кипящей водой и обезглавливают, чтобы он больше не проснулся, потому что это было бы верным признаком того, что все его родственники, начиная с матери, погибнут в ближайшее время.

В защите от болезней важную роль играет пуповина. Ее нельзя просто так выбрасывать. Место, от которого отходит пуповина, является решающим для будущего ребенка. Лучше всего пуповину вообще не выбрасывать, а сохранить до тех пор, пока ребенок не вырастет, тогда завернуть в платочек и повесить на шею. Это защищает от зла. Женщины относятся к ней с особой бережностью. Тот, кто носит ее в нижнем белье, – защищен от беременности. С другой стороны, женщина легко беременеет, если на ее теле разрезается пуповина. Так что нет ничего странного в том, что при рождении ребенка в соседней комнате этого события ожидает целая армия женщин.

Во время эпидемии нужно посыпать постель цветами перед тем, как идти спать, и во всех углах комнаты расставлять сладости и игрушки для отвлечения болезни. При этом нужно учитывать пол болезни, по-

тому что у болезней, как и у камней, есть женские и мужские представители. К примеру, корь – женская болезнь и любит сладости. Оспа же мужского рода и ее можно отвлечь кувшином вина. Во время эпидемии родители ребенка должны воздерживаться от физической близости, потому что это может быть оскорбительным для болезни. От скарлатины, например, очень полезно разукрасить петуха и бросить в комнату заболевшего.

Справедливости ради следует отметить, что врачевание в горах не состоит целиком и полностью из подобных странных методов. Так, оно располагает отличными средствами от высокой температуры, болезней желудка, а также кое-чем интересным для судебной медицины.

Я сам наблюдал один судебно-медицинский случай в Дагестане.

Перед кадием аула, в котором я находился, появился его житель и обвинил своего соседа в нанесении ему телесных повреждений. Много лет назад сосед ударил его по голове, и, как следствие, у него в последнее время появились головные боли.

– У меня было повреждение черепа, и я требую в виде возмещения три коровы и восемь баранов.

Обвиняемый же все отрицал, и судье пришлось обратиться к услугам медицинской экспертизы. Вызвали врача, который начал обследование. Для начала жалобщика обрили наголо, потом врач достал свой кинжал, разрезал кожу на его голове так, что большая часть его черепа была видна. Врач ощупал его пальцами, потом достал иглу, нити, ножницы и снова зашил

кожу. При этом пациент спокойно сидел на полу и курил трубку.

– Да, – сказал, наконец, врач, – его череп действительно имел трещину, что могло быть вызвано только сильным ударом.

После этого обвиняемый сразу же был приговорен к выплате ущерба.

Подобные экспертизы являются обычным делом в горах, и есть особо жадные до судилищ люди, которые даже без особых на то причин позволяют проводить всякие экспертизы.

Кавказцы в большинстве своем живут до восьмидесяти–девяноста лет. Долгожители, доживающие до ста и более лет, здесь отнюдь не редкость.

Этот факт, конечно, не является доказательством высокого уровня кавказской медицины, но при такой средней продолжительности жизни трудно выступать и против нее. И неудивительно, что она процветает и в соседних цивилизованных городах, таких как Тифлис и Кисловодск. Это одно из многих противоречий жизни на Кавказе, где имеются социалисты-конокрады или князья, возомнившие себя социалистами.

Европа посеяла в некоторых городах Кавказа семена своей культуры, создав тем самым маленькие европейские островки посреди азиатского океана. Незамеченными живут они, не оказывая влияния на жизнь гор, замкнувшись в себе, со своим цивилизованным и полуцивилизованным населением.

Кавказцы не видят в их жителях полноценных личностей, относятся к ним с высокомерием, как к порочным людям, которые никогда не смогут понять и при-

нять традиции гор, поэтому не стоят того, чтобы кавказцы понимали их образ жизни. Горец, каким является просто дикий дагестанец, в действительности имеет свою духовную позицию и культуру, которые он высоко ценит, и тот, кто путешествует по Дагестану, ежедневно сталкивается с вещами, позволяющими ему убедиться в этом.

Рассказы из недавнего прошлого, истории про горцев всегда полны суровой романтики, странного разбойничье-аскетического восприятия жизни, которую не в силах уничтожить ни одна соседняя культура.

Подлинные истории, описывающие жизнь в горах, ее самобытную культуру, которые услышал в Дагестане, я хотел бы вам передать. Если эти истории покажутся вам слишком романтическими или безыскусными, то в этом виноваты горы, а читатель – испорченный горожанин, не способный понять горную жизнь.

ГЛАВА XXIII

Подлинные истории Дагестана

Горы, глубокие ущелья, окруженные снежными вершинами, а по краю пропасти, словно почки на ветвях деревьев – аулы и крепости на скалах! Один над другим расположились жилища, соединенные между собой узкими проходами, каждый дом – своего рода крепость, висящая над пропастью. Врагам при нападении приходится брать приступом каждый дом в отдельности. Не только мужчины, но и женщины с детьми защищают свой очаг. Они бросают камни, домашнюю утварь и набрасываются на противника, перекусывая горло. Если их дом захвачен, то они убегают в соседний дом и продолжают там свою борьбу. Только когда враги захватывают последний дом, защитники отходят на задний балкон дома, отстреливаются до последнего патрона, а вслед за этим бросаются вместе с детьми и женами в пропасть. Нигде в мире нет воинов храбрее дагестанцев, не зря персидская поговорка гласит: «Если шах сойдет с ума, – он начнет войну с Дагестаном».

Персы знают, что говорят. Перс Надир шах завоевал всю Индию, сотни ханств, после чего двинулся на Дагестан. Там он был побежден, но не мужчинами, а женщинами. Персы – не ровня их мужчинам!

С тех пор ни один шах больше не отваживается идти походом на Дагестан.

Высоко в горах Дагестана, недоступный, окруженный крутыми горами, раскинулся аул Дарго, главный город даргинцев, центр бесконечных сражений, которые вел имам Шамиль с русскими.

Многие годы находился Шамиль у власти. Весь Дагестан, народы Чечни, кабардинцы и многие другие народы подчинялись одному человеку, жили единым государством во главе с Шамилем, который был одновременно религиозным вождем, храбрым воином и главным духовным лицом. Ни один правитель Востока не мог с ним сравниться. Его окружали сотни придворных, султаны и шахи слали ему хвалебные письма, и даже сам царь относился к нему как к равному. В каждой мечети восхвалялось его имя, и каждый, кто вступал в его дворец, должен был целовать подол его бурки. Шамиль был тогда первым человеком на Востоке.

Чеченский народ сильно притеснялся со стороны русских. Чечня находится на довольно далеком расстоянии от Дарго, резиденции Шамиля. Чеченцы просили его о помощи, но он тогда не мог им помочь.

«Защищайтесь или умрите в бою», – писал он им, и чеченцы вняли этому наказу. В конце концов, они устали, слишком долго длилась война и была слишком безнадежна. Царь посылал в горы все новые и новые войска. Чеченцы же были связаны клятвой, данной Шамилю, и должны были продолжать битву. Страшной была месть Шамиля за предательство. Наконец, чеченцы решили послать делегацию в Дарго, которая была уполномочена доложить имаму о бед-

ственном положении народа и молить его об освобождении от клятвы, после чего заключить мир с русскими. Позже, когда настанут лучшие времена, они готовы вновь сражаться за имама, но в данный момент мир был просто необходим. Имам очень дружелюбно принял делегацию. Он раздавал приказы, говорил о священной войне и долге мусульман. В итоге чеченцы так и не отважились обратиться к нему просьбой народа. Посланники стали искать самых влиятельных придворных и высокопоставленных лиц в окружении имама, предложили им несметное количество золота и серебра за то, что они передадут имаму их просьбу. Но никто не соглашался, каждый боялся гнева имама.

В конце концов, чеченцы решили обратиться к матери имама – Ханум, единственному человеку, перед которым тот склонял голову. Он всегда исполнял любое ее желание, любую просьбу, даже если она просила его о милости для преступника или заклятого врага. Шамиль был хорошим сыном, примером для всех горцев. Это были его слова:

– Будь проклят тот, кто огорчает свою мать, гореть ему в аду!

У Ханум было доброе сердце. «Мой сын правит над столькими народами, что ему чеченцы?» – подумала она про себя и решила поговорить с сыном. Ханум пообещала делегации замолвить перед сыном слово за чеченцев.

Когда Ханум передала имаму просьбу чеченцев, лицо его помрачнело. Он провел рукой по своей бороде и, немного помолчав, ответил:

– Коран запрещает предательство, но в то же время запрещает идти против воли матери. Моей мудрости не хватает для того, чтобы найти выход из этой ситуации. Я должен молиться и держать пост, чтобы Аллах смилостивился надо мной и прояснил мои мысли!

Имам провел три дня и три ночи в мечети. Придворные, генералы, народ и чеченские посланцы денно и нощно ждали его у входа. Наконец, дверь открылась, и показался имам – бледный, молчаливый, со сжатыми губами. Аллах поведал ему свою волю. Он провел рукой по бороде, вытянул руку вперед и произнес:

– От имени Аллаха я заявляю: первый, кто заговорит с имамом о предательстве, приговаривается к ста ударам палкой!

После короткой паузы он продолжил:

– Первым, кто заговорил со мной о предательстве, была моя мать, Ханум. Я приговариваю ее к ста ударам палкой.

Он подал знак своим людям, и вскоре на площади перед мечетью появилась мать правителя. Чадра была сорвана с нее, сама она была брошена на землю и два мюрида с палками в руках приблизились к ней. Они нанесли ей только один удар, когда имам отчаянно бросился к ее ногам, горько заплакал, помолился и сказал:

– Суровы законы Всевышнего, никто не в силах их отменять, даже я. Однако Коран разрешает детям принимать на себя наказание своих родителей, так что я принимаю оставшиеся девяносто девять ударов на себя.

Имам всего Дагестана, правитель чеченцев и кабардинцев, повелитель всех правоверных, скинул с се-

бя одежды, лег перед всем народом у порога мечети и приказал своим воинам:

– Бейте меня, не обращайте внимания на то, что я имам, и если я почувствую, что удары наносятся не в полную силу, то велю вас казнить!

После этого Шамиль получил девяносто девять ударов палкой, Коран допускает не больше ста ударов. Истекающий кровью, с растерзанной кожей, лежал имам у входа в мечеть, не издавая ни звука. Ошеломленная толпа – генералы, солдаты, чеченцы с мертвенно-бледными лицами – смотрела на него. Посланники вернулись на родину, и никто больше никогда не осмеливался на предательство.

Таково было правление в горах, и только так можно было управлять в горах. С тех пор прошло шестьдесят лет, но и сегодня, если кто-то приезжает в Дарго, местные жители показывают путешественникам каменные ступени мечети и рассказывают о том, как имам всего Дагестана, первый человек на Востоке, перед всем народом приговорил себя к ста ударам палкой и залил эти ступени своей кровью.

Эта подлинная история о любви сына и верности своему долгу, которая могла бы быть римской легендой, никогда не будет забыта в горах, как и другая, история могущественного князя из аула Андалал, история его предательства и гибели, которую знают все горцы и рассказывают всякий раз, когда речь заходит о родителях и детях, о родине и войне.

Князь этот слыл хорошим человеком – помогал беднякам, покровительствовал слабым и старался распространять везде мир и нравственность. Его очень

любили, он привил народу любовь к различным видам искусства, открыл школы, нес просвещение. Но все это не особенно интересовало народ Андалала. Это был гордый, самодовольный народ, который не нуждался в обучении и которого раздражало то, что в их рядах находился такой умный, выдающийся человек. Поэтому к нему пришли старейшины и заявили:

– Ты хороший, умный человек, и все же народ больше не хочет тебя видеть. Ты должен немедленно нас покинуть. Если в течение трех дней ты не повинуешься, народ забросает тебя камнями. Сыновья же твои могут остаться, они храбрые воины, могут принести пользу.

Князь вынужден был смириться. Он сел на коня, проехался по аулу, попрощался со всеми, со своими сыновьями и покинул родину, сопровождаемый недружелюбными взглядами. В его сердце зародилась ненависть к своему народу. Он был с почестями принят ко двору персидского шаха, в дальнейшем сопровождал шаха в его походах на Турцию, Индию и Туркестан, купался в лучах славы и заслужил его дружбу.

– В долинах Андалала находится огромное количество золота и драгоценных камней, – рассказал он както шаху. – Народ Андалала слаб и немногочисленен. Надо покорить этот народ!

Шах согласился. Огромная армия двинулась на Дагестан из Хорасана, Ширвана, Мазандарана и Азербайджана. Собрались самые лучшие воины Персии. Во главе скакал сам шах, а рядом с ним князь – предатель и мститель. Они пришли в горы, вошли в страну и начали битву, которой руководил предатель-князь.

Он знал здесь все тропинки, каждую скалу и все-таки персам не удалось победить. Мужчины, женщины, дети – все вступили в битву. Каждая скала превратилась в крепость, народ, в чьих рядах были и сыновья предателя, героически защищался. Персы были разбиты, воины из Хорасана, Мазандарана, Азербайджана бежали от народа Андалала, и первым среди них шах, а последним – князь. Женщины и дети преследовали убегающую армию. Земля Андалала была разорена, поля уничтожены, дома сожжены, а народ возненавидел предателя, который когда-то был изгнан.

Прошло десять лет, приближенный шаха постарел, затосковал по родине и снова захотел увидеть свою землю и народ, который его ненавидел. Он покинул дворец в Тегеране, надел свое старое снаряжение и отправился на родину. Князь медленно приблизился к аулу и осторожно пошел по улицам. Когда жители узнавали его, то плевали в его сторону и закрывали перед ним двери. Он весь день бродил по аулу, так и не встретив ни одного друга. Даже сыновья избегали его. В конце концов, отправился к кадию, но и тот отказался принять его. Тогда предатель сказал:

– Я пришел на родину, чтобы искупить свою вину. Поступайте со мной так, как того требует закон!

Кадий поднял руку и сказал:

– Свяжите ему руки.

На следующий день собрался народ в ожидании приговора. Появился кадий, приказал привести заключенного и провозгласил:

– По закону наших отцов, этот человек должен быть похоронен заживо.

– Да будет так! – поддержал его народ.

Кадий был справедлив и обратился к пленному:

– Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Он ответил:

– Ничего. Я виноват, привел врага в страну и хочу искупить вину. Это очень хорошо, что народ чтит законы предков. Но я все-таки требую справедливости. По закону предков – тот, кто воюет против отца своего, подлежит казни. Мои сыновья остались здесь, сражались против меня и заслужили уважение народа. Я настаиваю на своих правах – они должны быть обезглавлены над моей могилой, иначе народ Андалала опозорит память своих предков.

Сыновья предателя были уважаемыми в народе людьми, мужественно защищали свою родину и считались лучшими воинами в стране. Однако кадий и народ посоветовались и решили:

– Да будет так!

Предателя похоронили заживо, а его сыновьям отрубили головы прямо над его могилой.

По сей день жители Андалала гордятся этим мудрым решением, потому что больше всех других добродетелей, даже любви к Родине и храбрости, кавказцы чтят долг сына перед своим отцом, даже в преступлении и предательстве. Эту историю рассказывают детям, как пример, чтобы те знали, как следует вести себя.

Такие и тысяча подобных историй формируют характер горца, делают его смелым, ответственным, мстительным и жадным до разбоев. Одним удачным разбоем горец заслуживает себе почет и уважение, а когда ребенок в первый раз получает оружие от отца, то тот при этом произносит:

– Пусть это оружие помогает тебе днем и ночью! – что означает в правом и неправом деле.

Нет для горца большей радости, чем грабить во время набегов соседние аулы. Но еще большее удовольствие доставляет ему удавшаяся попытка отомстить, подобная той, о которой рассказывается в предании о разбойнике и поэте Холчваре.

Холчвар попал в ловушку аварского хана, был связан и выставлен на большой площади ханской столицы Хунзах. Аварцы собрались вокруг, насмехаясь над разбойником, а затем решили сжечь его на костре. Пока разжигали костер, он должен был развлекать толпу какой-нибудь песней. Холчвар пообещал спеть, попросив только расслабить кандалы, чтобы он мог играть на своем инструменте. Знаменитая песня, в которой жестокий рыцарь гор раскрыл свое сердце, звучала так:

– Я, разбойник Холчвар, пою перед смертью. Слушайте же мою песнь вы, о, аварский народ, о, князья этого народа и ты, хан страны. Вокруг меня стоит много людей, среди которых я вижу и женщин. Эти женщины стали вдовами по моей вине. Вокруг меня стоит много детей, которые остались без отцов из-за меня. В Хунзахе очень много девственниц, которые смотрят на меня через решетки. Слушай же, о, аварский народ! Каждую из этих девственниц целовал я в грудь, каждую я обесчестил. Даже у жены хана я украл штаны. Теперь стою у костра, а вы слушайте последние строки моей песни. Сладок голос мой, он привлекает детей, смотрите же!

При этом он наклонился и схватил обеими руками двоих сыновей хана, которые слушали его песню, и

бросился вместе с ними в костер. Оттуда донеслись последние слова:

– Замолчите вы, сукины дети, я тоже горю вместе с вами! Слушайте вы, аварцы, и ты хан, слушай! И расскажи моей матери, как я умирал и, умирая, мстил, я – вождь разбойников Холчвар!

Он стал идеалом для каждого дагестанца, для которого месть, разбой и любовь к родителям являются важнейшими добродетелями.

Этих историй должно быть достаточно для того, чтобы читатель смог понять горский народ, который многие тысячелетия находится под влиянием арабской, грузинской, персидской и европейской культур.

Однако старое рыцарство, древняя романтика сегодня живут только в Дагестане, у чеченцев и некоторых грузинских племен. В остальных же областях Кавказа царят уже другие порядки, а некоторые настолько европеизировались, что пытаются уже искусственным образом возродить романтику гор. Но тому, кому посчастливилось познакомиться с настоящей горной романтикой, хоть даже и на коротком горном отрезке, искусственная кажется невыносимой.

Конечно, ленивые князья в Кисловодске доказывают, что они кавказцы тем, что время от времени вытаскивают из ножен свои кинжалы и яростно скрипят зубами, добиваясь расположения дам. Одновременно они со всей серьезностью заклинают духов, побеждают врагов, похищают девушек и делают все это не скрипя зубами, а со спокойной самоуверенностью кавказцев, чтящих законы предков.

ГЛАВА XXIV

Будьте моим гостем!

В те времена, когда на берегу Черного моря, на западном Кавказе процветали греко-римские города и колонии, римские наместники постоянно держали при себе сто тридцать переводчиков, чтобы хоть както объясняться с местным населением. Однако очень часто и их не хватало, приходилось привлекать двух, а то и трех переводчиков, чтобы один переводил другому, а тот – уже наместнику. Неспроста древние географы называют Кавказ не только «страной гор», но и «страной языков». Непонятно, какой язык нужно изучить в первую очередь, чтобы уметь объясняться на Кавказе. В Дагестане достаточно знать азербайджанский, западные же области Кавказа, напротив, еще не имеют какого-либо интернационального языка, и тот, кто держит туда путь и не имеет достаточного количества переводчиков, должен прибегать к языку жестов и мимике лица.

Сванский язык, конечно, очень красивый, но я не уверен, что его изучение даже на Кавказе претендует на то, чтобы войти в программу общего образования. Мне и моим друзьям, которые вместе со мной совершили многодневное путешествие из Кисловодска на юго-запад, т.е. в Сванетию, Имеретию и Мингрелию, незнание этого языка доставило много неприятностей.

Мы скакали по зеленым лугам, окруженным горами, в долины Риони. Мои друзья впервые были в этой стране, так же как и мой постоянный провожатый – евнух. Наш проводник – пожилой карачаевец, хоть и знал дорогу, зато не владел информацией о ситуации в стране. Единственное, чем он мог с нами поделиться, было то, что сваны – дикари, и две недели назад они ограбили русских туристов, путешествующих в этих местах. Однако проводник признался, что сваны – заклятые враги карачаевцев, и только поэтому он не может сказать о них ничего хорошего.

Мы довольствовались его рассказами и медленно продолжали свой путь через Сванетию. Неожиданно из-за холма появился какой-то великан, быстрыми шагами приближающийся к нам. За ним, на приличном расстоянии, следовала еще дюжина таких же «худощавых» фигур. Этот человек приблизился к нам, наведя на нас ужас, потому что выглядел словно дьявол во плоти: огромного роста, с испещренным оспой лицом, опухшими губами и маленькими водянистыми глазами. Одет он был в лохмотья, из разрезов шкуры виднелось голое тело. Весь его облик больше напоминал призрака из кошмарных снов, чем человека. Чудовище схватило одного из наших коней за уздцы и стало угрожающе выкрикивать что-то непонятное, но мало похожее на приветствия. Его подошедшие собратья окружили нас и кивали головой после каждого предложения своего предводителя, который становился все яростнее. Мы не понимали ни слова, впрочем, как и наш проводник, который только печально заявил, что нас хотят ограбить и убить. В это несложно было пове-

рить, неясным оставалось только одно – для чего вся эта лекция? Наконец, мы попытались прервать речь дикаря некоторыми словами. Но он нас не понимал и еще больше распалялся от этого, указывал на луга и горы, бил себя в грудь и кричал все громче и громче. В то же время его люди хватали наших лошадей, угрожающе поглядывая на нас. Несмотря на все наши усилия, мы не могли понять ни слова из пространной речи свана. Тут нашему карачаевскому проводнику в голову пришла какая-то мысль, что, судя по всему, случается крайне редко. Если он не знает сванский, а сваны – карачаевский, то может они смогут объясниться на каком-либо третьем языке. Сначала он безуспешно попробовал осетинский, потом – адыгейский, и, о чудо, между нами и дикарями-разбойниками исчезла пропасть. Однако лично мы от этого ничего не выиграли. Разговор превратился из сванского монолога в диалог между дикарями и нашим проводником. Мы и дальше ничего не понимали. Они оба говорили, отчаянно жестикулируя, периодически рычали друг на друга и показывали пальцами на нас. Мы уже представили, как сверкают кинжалы, а вокруг растекаются лужи крови. Тогда один из наших схватил проводника за руку и приказал ему не продолжать разговор до тех пор, пока он не переведет нам все вышесказанное.

– Подожди, мой господин, – попросил тот, – мне бы хотелось еще кое-что сказать, – и все началось заново.

Только после многочисленных, вежливых и настойчивых вмешательств нам удалось заставить проводника перевести нам разговор. К нашему величайшему удивлению речь дикаря сводилась к следующему:

– Я – представитель благородного сванского рода. Любой вам это здесь подтвердит. И я не нищий, а это моя рабочая одежда. Вся земля, которую вы здесь видите, принадлежит мне. Я очень богат и благороден и прошу вас оказать мне честь – стать моими гостями. Еще никто не путешествовал по этой земле, не посетив меня, и я клянусь, что вы сможете у меня хорошо отдохнуть.

Так что, этот грозный разбойник был всего-навсего гостеприимным хозяином, который хотел пригласить нас к себе, согласно обычаям этой земли.

– Я вижу, что вы достойные люди, – продолжал он, – я тоже приличный человек, так пойдемте же ко мне. Нигде в стране вам не окажут лучшего приема.

Потом, видимо, для большей убедительности, прибавил:

– Я почти все время провожу здесь, ожидая случайных проезжих, и всех приглашаю к себе. В эти края мало кто наведывается, но все становятся моими гостями.

Нам не оставалось ничего другого, как принять приглашение сванского помещика и позволить проводить себя в его дом. Мы поехали верхом, а сваны указывали нам дорогу. Они шли пешком, но такими огромными шагами, что не отставали от лошадей. Такая быстрая ходьба – наследственная черта сван, и если бы они захотели, то могли бы прославить свою страну на международных соревнованиях. По дороге к сванскому помещику мы повстречали всадника, что является большой редкостью для сванов. На подступах к деревне навстречу нам выехал восьмилетний сын хозяина. Это был здоровый юнец, вооруженный до зубов, кото-

рый в свои восемь лет был полноценным всадником. Но в этом нет ничего удивительного, я встречал на Кавказе четырех- и пятилетних детей, хорошо разбирающихся в оружии и лошадях. С семи лет детей обычно уже берут с собой на войну или в разбойные набеги. Сын этого свана тоже не был особенно дружелюбен, хотя и приветствовал нас по всем правилам сванского гостеприимства.

Проехав еще немного, мы подъехали к сванскому дворянскому гнезду. Это был хорошо сохранившийся замок, который возвышался на холме, и как обычно, был окружен несколькими мазанками. Замок нисколько не устарел и служил своему хозяину верой и правдой, как замки европейских князей в средневековье. Войдя, мы должны были первым делом убедиться в богатстве и благородном происхождении хозяина. С вершины своей крепости он показал нам свои овечьи отары, земли и «священную» скалу, на которой погиб его дед в битве с Дадешкелиани, князем Сванетии. Дедушка, по всей видимости, был мятежником, как, впрочем, и все сваны. После того как мы оценили богатство и высокое происхождение хозяина кивками и рукопожатиями, он провел нас в приемный зал своего замка, огромное помещение, стены которого были увешаны рогами диких животных.

– Я убил большое количество зверей, – заметил он при этом, – но самые лучшие рога пожертвовал Богу.

Какого бога он имел в виду, осталось непонятным. Официально сваны являются христианами, но очень часто приносят в жертву своему богу охоты, чей храм находится где-то в горах, рога своей добычи. Но и хри-

стианскую церковь не забывают. На каждом холме, на каждом перекрестке стоят своеобразные сванские распятия. Голову и тело распятого составляет вертикальный ствол, а руки висят в воздухе. На лицах выражение лютой ненависти, и они выкрашены в яркие тона. В принципе, они вовсе не являются распятиями, так как крест, как таковой, отсутствует. Скорее всего – это человеческая статуя с распростертыми руками, наводящая на проходящих мимо ужас. Но сваны очень любят эти распятия и ценят их гораздо больше, чем какие-либо другие святыни грузинской церкви. Наш друг тоже был благочестивым христианином. А вот манеры хозяина за столом мы старались не замечать – едят сваны отвратительно.

Самым вкусным является сванский охотничий сыр, который можно было бы предложить искушенному европейскому потребителю. Готовят его следующим образом: обычный кавказский сыр кладут в котелок с кипящим маслом и размешивают до образования тестообразной массы. Потом добавляют немного муки и специальной палкой хорошенько перемешивают до тех пор, пока вся масса не станет густой и тягучей. После чего ее кольцевидно наматывают вокруг веревки. Затем эту веревку наматывают на палку, опущенную в воду, и ставят в прохладное место. Когда сыр затвердевает, его снимают с палки, а во время охоты перекидывают через плечо, он служит отменным провиантом. Сыр эластичен по консистенции, долго не портится и имеет превосходный вкус, полностью может заменить европейский хлеб с маслом, ведь он содержит и муку, и масло.

Мы наслаждались гостеприимством сванского дворянина, а во время трапезы к нам присоединялись и другие представители сванского общества, кроме восьмилетнего воина, неожиданно скрывшегося из виду. Мы решили, что он снова ускакал в поле и будет кушать позже, но мы ошиблись. Когда после обильного обеда мы выходили из замка, то на пороге нас ждала странная картина: восьмилетний сорванец, сложив свое оружие, сидел на земле и сосал грудь своей кормилицы. У нашего воинственного всадника, так сказать, еще молоко на губах не просохло. Любящий отец довольно смотрел на то, как вскармливают его отпрыска, и с легкой грустью добавил:

– Скоро нам придется отучать его от груди!

Мы были достаточно тактичны для того, чтобы скрыть свое удивление, и узнали, что у сванов благородного происхождения так принято – максимально долго кормить своих детей грудным молоком, потому что это укрепляет силы. Кормилицы должны все время сменяться, хотя бы каждые шесть месяцев. Даже для крупного младенца не хватает одной кормилицы, после трех лет ему нужны уже две, а позже и все три кормилицы одновременно, чтобы удовлетворить аппетит маленького великана. Молоко хорошо действует на сванов, они растут крепкими и становятся сильными парнями, будущими долгожителями. Вообще, всюду на Востоке принято довольно долго кормить детей молоком, но так долго, как у сванов, насколько мне известно, больше нигде.

Мы провели три дня в доме сванского феодала, после чего попрощались, и он проводил нас до границ

своих земель. А мы путешествовали дальше через всю Сванетию, вплоть до долин Мингрелии.

Сваны, первому знакомству с которыми я обязан этому дворянину, конечно, странный народ, но ни в коем случае не загадочный, как, Бог знает почему, считают многие путешественники. Это всего лишь племена грузинского происхождения, которые оттеснены в горы и потеряли прежнее значение. Но они настоящий клад для тех, кто хочет изучать древних грузин. До недавнего времени сваны были поделены на три части: дадианские сваны, княжеские и знаменитые свободные сваны. Первые принадлежали Дадиани – царю Мингрелии, вторые образовали Сванское княжество, которым до второй половины прошлого столетия управляли Дадешкелиани, и, наконец, последние жили в непроходимых ущельях, не имея понятия о том, что такое правительство или власть, были неописуемо примитивны и в основном занимались грабежами. Какой-либо другой профессией, кроме разбоя, свободные сваны никогда не владели и объясняли это тем, что очень бедны, в то время как их соседи утопают в роскоши и с легкостью могли бы поделиться своим богатством. О том, как свободные сваны стали русскими подданными, стоит рассказать отдельно!

Однажды в Тифлис, в резиденцию наместника пришло известие о том, что какой-то неизвестный народ – свободные сваны – посылают к наместнику свою делегацию с просьбой признать их подданными царя. Весть была принята радостно. Его Превосходительство господин наместник довольно улыбнулся и лично написал царю, что «русское влияние все больше распро-

страняется в горах». Хотя о свободных сванах никто ничего конкретного не знал, даже правящий князь Сванетии, который как раз прохлаждался при дворе наместника, это не помешало газетам тут же напечатать: «Народ, который до сих пор никому не был подвластен, который не смогли подчинить себе ни Цезарь, ни Митридат, ни Александр Великий, добровольно бросает свою свободу к ногам мудрого царя».

Эта статья очень понравилась наместнику, и общий настрой при дворе заметно улучшился. Наконец, появилась и сама делегация. На приеме, когда наместник увидел этих грубых, никем доселе не побежденных горцев, которые к тому же были христианами, которые припали к его ногам и клялись ему в верности, праздничное настроение усилилось еще больше.

Посланников щедро одарили, даже наградили орденами и послали на родину с наилучшими пожеланиями. За ними поехал вместе со своим штабом князь Эристов – новоиспеченный губернатор свободных сван. О том, что князь пережил на земле свободных сван, он довольно сухо описывает в своем послании наместнику со всеми интересными подробностями.

Новые подданные царя принимали губернатора со всеми почестями, на которые были способны. Они склоняли перед ним колени и, почтительно смущаясь, спрашивали, не привез ли он с собой водки. Губернатор был немного удивлен, но сваны были настойчивы в своей просьбе – они знали, что царь всем своим новым подданным в течение десяти лет бесплатно раздает водку. Этот факт сыграл основную роль в принятии ими решения стать русскими подданными. Губерна-

тор со своим штабом оказался под давлением сванов и, чтобы не испортить торжественный прием, раздал им весь свой запас водки. После чего на всякий случай спросил, не хотят ли они еще чего-нибудь. Тут оказалось, что да – у них есть еще одна просьба.

Они объяснили ему, что основным их занятием было воровство, и у них до сих пор бытовал такой обычай: если кто-то из соседнего племени находил у свободного свана свои украденные вещи, то сваны, чтобы избежать кровопролития, возвращали тому половину украденного. Сваны считали этот обычай несправедливым и невыносимым. В связи с этим они просили об издании закона за подписью царя о том, что свободные сваны в случае обнаружения кражи возмещали всего лишь десять процентов.

Губернатор был озадачен и не знал, как ему поступить. Жалованье у него было довольно высоким. После таких торжественных речей вернуться обратно в Тифлис, отказавшись от власти над сванами, было бы слишком позорным. Он решил выиграть время.

– Я напишу государю о вашей просьбе, – пообещал он, – но сначала хотел бы поближе узнать вашу землю и свою губернию, посетить города, села и увидеть народ.

Теперь пришло время сван удивляться.

– Какой еще народ? – вопрошали они. – Какие села? Весь народ, все свободные сваны стоят перед тобой!

Тут уж губернатор пришел в ярость. Эта жалкая кучка людей, эта пара домишек и есть все, чем он должен править?! Он не мог в это поверить, но ему пришлось, – весь свободный сванский народ состоял из двух

тысяч человек, живущих в одной долине и грабивших своих соседей. Это была всего лишь большая банда разбойников, которая хотела поживиться за счет русского господства, казавшаяся русским из Тифлиса большим, непобежденным народом.

Губернатор спешно вернулся в столицу и написал рапорт Его светлости, в заключение которого предложил ему послать для управления сванами одного вахмистра и десять полицейских, а потом приписал: «И одного священника для повышения культурного уровня сванов».

Так и сделали: спившийся вахмистр, десять сомнительных полицейских и один священник с хорошим жалованьем были посланы к сванам и посылали оттуда счета о строительстве церквей, дорог и т.д. Им было дозволено абсолютно все. Подсчитали, что свободные сваны обошлись русским дороже, чем если бы их всех переселили в Тифлис и пожизненно выплачивали пенсию. Все описанное касалось, конечно же, только свободных сванов – дадианские и княжеские тут ни при чем.

Местности, где проживают свободные сваны, и по сей день остаются такими же непроходимыми и дикими, как и прежде. Но они не жалуются на то, что стали подданными русского царя. Деньги, которые вахмистр и священник получали от правительства, всегда по-христиански делились между всеми. Единственный, кто пострадал от этого, оказался правящий князь Сванетии – Константин Дадешкелиани, потому что после того как свободные сваны стали русскими подданными, ему стали намекать, что он должен последовать их

примеру и отдать свою землю русскому царю. Но Дадешкелиани был смелым правителем и не хотел отказываться от власти. Переговоры продолжались очень долго и, в конце концов, закончились тем, что последний правитель Сванетии прямо за столом переговоров собственноручно зарезал кинжалом личного друга царя – князя Гагарина, за что и поплатился жизнью. Его прилюдно расстреляли в Кутаиси, а его страна была объявлена провинцией Российской империи. Княжеская Сванетия, а затем и земли Дадиани стали русскими, однако это не оказало на их культурное развитие какого-либо существенного влияния, в чем мне пришлось убедиться во время визита к «сванскому дворянину». Они и сегодня – один из самых диких и не изученных, грубых, но, вместе с тем, самых дружелюбных народов западного Кавказа.

ГЛАВА XXV

Развалины, мертвые города и церкви

К югу от Сванетии располагаются две бывшие грузинские страны – Имеретинское царство и княжество Мингрелия. У каждого из них древняя история и славное прошлое, идущее от времен, когда греческие аргонавты искали на берегах имеретинской Фазис, сегодня Риони, золотое руно. Жители Имеретии – грузины, утверждают, как и их соседи – гурийцы, что они по происхождению евреи, которые во время вавилонского плена поселились на Кавказе. Имеретинские филологи называют множество слов, которые якобы имеют еврейское происхождение, даже слово Имеретия, древняя Иберия, с их точки зрения – это измененное слово «хербреер», «хубер» – переселенец.

И на самом деле современные имеретинцы внешне очень похожи на евреев и признаются самыми хитрыми и остроумными адвокатами и ораторами на Кавказе. Имеретинская царская династия тоже еврейская и считает себя самой знатной, благородной и древней династией в мире. Это – знаменитый род Багратиони, который, как известно, уже три тысячелетия носит царский титул. Почти в каждой кавказской стране когда-то правили Багратиони. В истории Грузии и многих других стран можно встретить царей с этим име-

нем и даже в Париже, в усыпальнице французских королей можно увидеть могилу одного из Багратиони, царя, который был изгнан, а потом жил в Париже в качестве кузена царя. Кстати, и сегодня в Париже живет последний Багратиони, однако не в качестве кузена царя, а водителя такси. И все-таки нет более благородного рода, чем род Багратиони. Все князья Европы и Азии, Габсбурги, Бурбоны, Романовы – мелкие помещики по сравнению с Багратиони, потому как Багратиони происходят от царя Соломона и царя Давида и, кроме того, являются потомками пророка Моисея. По другой линии они родственники Иисуса и таким образом по праву утверждают, что нет им равных. Царский титул Багратиони звучал следующим образом: «Я, благословенный богом Багратион, царь по милости Божьей, правитель земли (тут следует название страны), потомок Спасителя нашего – Иисуса Христа, сын царей Соломона и Давида, наследник Моисея, законный владыка всех владык». Перечисление титулов может растянуться на три листа. Слово «Багратион» означает «тот, кто родом с горы Сион», и даже если официально признанная генеалогия не совсем соответствует действительности, то трехтысячелетняя история правления Багратиони, так же как и их еврейское происхождение, исторически доказаны. Это – единственный такой пример в мировой истории.

В девятнадцатом веке один из Багратиони переехал в Россию, где позже принял участие в войне с Наполеоном. Александр I, самодержец всея Руси, предложил ему руку своей сестры. Это предложение Багратиони отклонил, так как счел его унизительным.

Сестра правителя всего лишь одной шестой части земной суши не является подходящей для него партией.

Возмущению царя не было предела, и только война спасла надменного кавказца от изгнания. Вскоре он погиб в битве под Бородино.

Вплоть до девятнадцатого века Багратиони правили в Имеретии, правда, довольно примитивным способом. И сегодня можно видеть в их древней столице – Кутаиси – деревья, под которыми царь Имеретии Соломон II проводил суды и на которых тут же вешали приговоренных. Этого Соломона после героического сражения изгнали русские.

Имеретия богата легендами. Развалины древних городов и храмов говорят о том, что не все эти предания – выдумки. Больше всего легенд христианского происхождения. Здесь бесконечное число церквей, обломков святого Креста, золотых и серебряных гвоздей, при помощи которых был распят Христос, хитон Христа и другие реликвии.

Разумеется, церкви этой земли самые древние в мире, а самая древняя среди них – Мартвили, «церковь большого дуба», которая была построена апостолом Андреем еще в сороковом году нашей эры. К церкви был пристроен монастырь, в котором испокон веков жил епископ большого дуба – Чкондидели. Он был архиепископом Мингрелии, родственником царей и, по сути, больше феодалом, нежели священнослужителем. Посреди святой дубовой рощи стояла крепость, построенная из камней, которая была когда-то языческим храмом. Чкондидели, как и все христианские князья Грузии, имел собственную армию, вассалов

князей, дворян и воинов, которых посылал в походы. Вообще, грузинские священнослужители очень воинственны. В старину не так-то легко было определить кто священник, а кто воинственный феодал. После успешного сражения предводитель, который только что сразил врага, снимал с себя снаряжение, облачался в церковные одеяния, брал крест и отпускал грехи погибшим. Эти священники зарекомендовали себя лучшими воинами, чем профессиональные солдаты и князья, которые к тому же легко могли предать веру.

Войны, которые вела Грузия, были в основном религиозными – с мусульманами, которые окружали древнюю христианскую страну со всех сторон, так что воинственность духовенства была вполне оправдана, даже если она не всегда была направлена только против мусульман.

Неподалеку от резиденции епископов святого дуба (дуб почитается во всей Мингрелии как святое дерево, которому поклоняются) располагаются знаменитые развалины города Николакеви, который теперь, наконец-то, начнут исследовать научные экспедиции. Николакеви – это самые древние руины на западном Кавказе и интереснейшее место для археологических раскопок. Слово «Николакеви» означает на мингрельском древний город и на греческом звучит как археополис. У города, который уже тысячелетия носит имя «древнего», должно быть солидное прошлое. По мнению некоторых ученых, – это ни много, ни мало город Эя – столица Колхиды – мечта греческих искателей приключений. Здесь когда-то колдовала божественная Медея, здесь сошли на берег аргонавты, а Ясон искал золотое руно.

Поистине сказочное место, которое, без сомнений, рано или поздно станет местом паломничества туристов и исследователей старины! Быть может, даже очень скоро будет раскопана древняя крепость и найдена латунная табличка, которая обозначит то место, где Медея околдовала Ясона. Но это время еще не пришло. Экспедиции, которые должны будут раскопать сокровища грузинского прошлого, пока еще в пути.

Среди жителей Мингрелии и Имеретии и сегодня живет классическая старина. Многочисленные древние легенды являются не чем иным, как разновидностью греческих мифов. Так же классически прекрасны и фигуры мингрельцев, что не дает усомниться в том, что в их жилах течет греческая и генуэзская кровь. И никогда не пропадет в них вековой дух греческих колонистов, итальянских купцов и византийских завоевателей.

В пятом столетии Николакеви-Археополис был столицей христианского Лазского царства. В шестом столетии могущественный правитель Византии Юстиниан построил огромную церковь, чьи руины перемешались сегодня с руинами классического времени. Скромные хижины мингрельских крестьян и монахов тоже стоят посреди руин. Здесь поселился полицейский чиновник, который следит за порядком и вскоре должен будет выполнить сложное поручение: разместить ученых, которые приедут сюда, чтобы открыть новый мир.

Вокруг Николакеви, в Мингрелии, а особенно в скалистых горах Имеретии и дальше на восток, в собственно Грузии, находятся руины, которые по сравнению с Николакеви относятся к новому времени. Это

таинственные пещерные жилища, города и дворцы народа, чье имя даже сегодня никому не известно. Самый знаменитый среди этих мертвых пещерных городов – Уплисцихе – «город богов», находящийся близ города Гори и прославленный в легендах, считается у грузин национальным достоянием. Уплисцихе – это каменистая гора, без лесов, ее серые крутые скалы и стены возвышаются над рекой Кура. Поначалу даже не замечаешь, что стоишь перед мертвым городом. Только на недоступной высоте можно увидеть пещеры, узкие прорези в скалистых стенах, подойти к которым кажется невозможным. Один-единственный вход у края реки ведет к проходу наверх, пройти в который можно лишь с надежным проводником. Иначе безнадежно заблудишься в темных лабиринтах залов, дворцов и улиц скалистого города. Сам город ни в коем случае не является примитивным жилищем доисторических пещерных людей. Более того, изящные колонны подпирают потолки в залах, они воплощают стиль и культуру той эпохи. Стены залов и шкафы расписаны узорами и надписями, а продольные углубления, тянущиеся вдоль стен, были, скорее всего, предназначены для освещения и отопления. Но наряду с этим можно увидеть грубо высеченные пещеры с неровными окнами и простые стены настоящих троглодитов. Должно быть, многие поколения жили в этом городе. Разнообразен не только стиль построек, но и надписи, которыми покрыты стены: древнегрузинские наряду с иероглифами, которые до сих пор не расшифрованы.

Некоторые дворцы этого пещерного города имеют два этажа, куполообразные потолки. Там стоят огром-

ные винные кувшины, будто ими пользовались еще вчера. Но, наверняка, прошли тысячелетия с тех пор, как последний житель покинул этот закрытый, невидимый, высеченный в скалах город. Когда возник Уплисцихе, никто не знает. Он упоминается в древнейших грузинских рукописях, и ученые утверждают, что лабиринты этого города были высечены не стальными инструментами и имеют очень много общего с древними пелагическими катакомбами. Должно быть, им приблизительно три тысячи лет. Однако грузины другого мнения. Они считают, что великая царица Тамар построила этот город. Но это ничего не значит, поскольку в Грузии, как известно, любые руины, даже если им всего пятьдесят лет, были построены царицей Тамар. Древние рукописи гласят, что Александр Македонский посещал город Уплисцихе, а некоторые ученые сравнивают его дворцы с роскошными древними храмами Астарты и Ваала.

Как бы то ни было, город остается загадкой, так же как и второй сказочный город, который воздвигнут в чреве скал, глубоко в недрах земли. Но его еще никто не смог обнаружить. Найден был лишь вход туда, который так же тщательно был скрыт, как и вход в Уплисцихе.

Пещерный город со своими укреплениями, ходами и пещерами должен был быть неприступной крепостью. С внешним миром его соединяли лишь два узких прохода, и один из них снаружи невидим даже для самых внимательных глаз.

Посреди разрушенного города стоит относительно молодая церковь. Ее почитают и сегодня, но не по-

христиански. После сбора урожая винограда в город поднимаются крестьяне и приносят в церкви духам мертвого города свои языческие дары: огромные кувшины с вином, которые открытыми оставляют возле алтаря. Вино испаряется на радость богам. Духовенство Грузии не борется с этим обычаем, оно толерантно и терпит еще куда более странные обряды. Грузинская церковь приняла почти все обряды язычества, пополнилась ритуалами греческой церкви и таким образом создала религию, которую народ считает основой всех национальных традиций. Именно поэтому грузинская церковь и сегодня остается центром духовной жизни народа, носительницей национальной чести и мощи. Грузинские церкви, древние и часто полуразрушенные, сохранились неизменными на протяжении столетий. Фундамент грузинской церкви представляет собой крест. Над средокрестием возвышается узкий восьмиугольный купол. Все церкви страны построены таким образом. Грузины не признают каких-либо отклонений от своего стиля, никогда не променяют проверенное, надежное на сомнительные новшества.

Вечерами, когда церкви пустеют, туда пробираются грузинские девушки с клубком веревки в руках. Уста их нашептывают языческие заклинания. Они медленно подходят к входу в церковь, становятся на колени и бросают клубок на землю. Конец веревки держат в руках, целуют клубок и начинают ползать на коленях вокруг церкви до тех пор, пока вновь не встретятся с клубком. Затем первый конец перевязывается с остатком клубка. Если ей это удастся, то девушка встает с колен радостная и уверенная в том, что через год она

выйдет замуж за одного из своих поклонников. Духи церкви помогут ей в этом, потому что она превратила их в своих пленников, связав веревкой. Только после того, как исполнят долг перед девушкой, они смогут покинуть церковь, лететь в деревни, забирать дары, которые грузины выставляют для них у своих окон. Часто грузинские церкви окутаны целой сетью таких веревок, да так, что приходится поднимать ногу, чтобы переступить через порог церкви. Так много девушек хотят выйти замуж!

Грузинским святым действительно приходится нелегко. Однако в грузинских церквях находят пристанище не только святые. Даже в церквах Италии нет такого количества реликвий, как в монастырях и церквах Грузии. К примеру, в одной из церквей выставлены одежды Спасителя, в другой – древнейшее изображение Христа, нарисованное одним из апостолов. А в одной знаменитой церкви изображена ветвь виноградной лозы, которую Матерь Божья передала во сне святой Нино, принесшей христианство в Грузию.

Но самая необычная святыня выставлена в одной армянской церкви близ горы Арарат. Это кусок трухлявой древесины, который якобы является куском от Ноева ковчега, который во время всемирного потопа причалил к вершине Арарата.

Священные легенды грузинского народа описаны во многих книгах. Они неизвестны в Европе, хотя, возможно, прекраснее и естественнее некоторых западных легенд. Восточное христианство, которое так часто осуждалось и высмеивалось, отображается в этих наивных легендах. Оно по-детски набожно, фантастично и

искренне. Это самое древнее христианство в мире и за время своего существования намного больше воевало за Крест, чем западная церковь. По сути, вся история Грузии за последние два тысячелетия является непрерывной войной за веру. Окруженный со всех сторон врагами, грузин сражался, защищал свою веру и своей беспримерной храбростью добился того, чего не смогла добиться величайшая христианская империя Востока – Византия – сохранил свое христианство. Неудивительно, что при этом грузинские священники и монахи стали воинами и научились быть толерантными к своим землякам, ради свободы своей страны примирились с древними языческими богами. Потому история Грузии не знает никаких сект. Древний бог воды, богиня охоты, бог урожая занимали свое скромное место наряду с христианством. Ни один грузин не протестует против того, что в некоторых частях страны вместе со святым Георгием, покровителем грузин, почитаются и старые боги с их дарами и легендами. Кроме того, в Пшавии и Тушетии на этих богов даже не надевали покрывало христианских святых. Не изменились ни имена, ни сами эти боги. Их культ процветает наряду с культом официального христианства. В Тушетии были даже свои жрецы – дадеконы, которые не всегда ладили с христианскими священниками. В Грузии вообще очень сложно определить, где кончается христианство и начинается скрытое язычество, потому что здесь все, что не относится к исламу, сразу же нарекается христианским. Даже дикари-хевсуры, которые являются настоящими язычниками и не имеют ничего общего с христианством, тоже называют себя

христианами, чтобы показать, что они немусульмане. Тот факт, что они при этом не пускают на свою землю христианских священников, является для кавказцев второстепенным. В официальных докладах хевсуры действительно фигурируют в качестве греко-православных христиан.

В борьбе за веру грузины смогли сохранить языческое прошлое своей страны. Так что, долины западного Кавказа стали настоящей сокровищницей истории культуры, археологии и этнографии; Мингрелия, Имеретия, Сванетия и Гурия хранят еще руины, исследование которых будет так же важно, как когда-то Византии и Египта. Египтяне, ассирийцы, греки, хетты, римляне, византийцы, генуэзцы, арабы, персы, тюрки, русские правили в долинах Грузии. Следы, которые они оставили, города, которые они построили, и обычаи, которые они ввели, пока еще не раскрыты. Глубоко в лесах Имеретии, у берегов древней Фазис, находятся наполовину разрушенные стройные колонны, остатки мощных крепостей и изящных мраморных дворцов, надписи, которых не видел еще ни один ученый. Дикие потомки когда-то могущественных правителей живут по соседству с этими руинами, пасут своих овец и почтительно, с суеверием избегают города былой славы. Знаменитая земля волшебницы Медеи ждет своего открытия.

ГЛАВА XXVI

Колыбель человечества

Страна колдуньи Медеи – будущее место паломничества археологов и путешественников – непосредственно граничит с Главным Кавказским хребтом, страной вечных снегов. Здесь высятся горы, которые выше, чем Монблан, но и по сей день не имеют названий. Потому что они невысокие по сравнению с великанами Кавказа – Эльбрусом, Казбеком и Араратом, у подножия которых, согласно древним легендам, лежит колыбель человечества.

Невообразимо красивы их необъятные снежные просторы, неописуема чистота горного воздуха. Тот, кто хоть раз видел панораму этих гор и вдохнул сказочный воздух Кавказа, будет всегда скучать по ним, потому что нигде в мире нет более красивых гор и более чистого воздуха. Если смотреть с вершины даже самой невысокой горы, можно охватить взглядом чуть ли не весь Кавказ, от берегов Черного моря до дагестанских ущелий, грузинских долин и казачьих земель. Многие горные массивы не имеют названий. Но даже названия самых высоких гор, тех, что выше самых высоких гор Европы, знакомы здесь только специалистам. Джимарай-Хох (гора Гомера), Зирхубар, Тепли, Цмиакоми-Хох, Паливтер и другие – о чем говорят вам эти названия? Неизведанные и непокоренные, тя-

нутся они своими белыми вершинами к небесам, окруженные мистическими преданиями. Ни одно живое существо не подбирается к вечным снегам, ни один звук не пробьется сквозь угрожающее молчание этих великанов. Таинственные и могучие, замерли они в своей гигантской красоте. И нет ничего удивительного в том, что в те дни, когда горы окутаны облаками, кавказцы склоняют перед ними колени, касаются лбом земли и молятся духу этого великана. Что-то священное, ужасающее и возвышенное есть в этих притягивающих к себе горах, которые с доисторических времен считаются границей мира. Древние народы называли эти горы Каф и рассказывали, что они охватывают землю, как кольцо палец.

На Кавказе рядом со звездами Зевс сражался с Тифисом, здесь жили Титаны, сюда были изгнаны древние боги, отсюда похитил Прометей священный огонь, здесь орел терзал его печень. Любой путешественник может увидеть на границе Абхазии с Имеретией почитаемую местными жителями скалу, к которой был прикован Прометей. Все мифы Древней Греции, которые в различных вариациях встречаются у многих других народов, сохранились в этих горах.

– Колыбель человечества, – здесь возникли народы, – говорит гордый кавказец. – Здесь зародилось человечество во второй раз после потопа, о котором рассказывается не только в Библии, но и в легендах разных народов Кавказа.

По Кавказу плыл Ноев ковчег и задел вершину Эльбруса, который при этом раскололся на две части. Как знак божьей милости, расколовшей гору, чтобы

спасти Ноев ковчег, возвышаются теперь две вершины Эльбруса. У горы Арарат, к которой приплыл ковчег, жили сыновья Ноя. Царя Армении звали Амиран. Он был очень жестоким правителем, за что был изгнан своим народом. Но царь продолжал грабить и убивать свой народ. Господь смилостивился и заключил жестокого правителя в темницу в одном из ущелий Арарата. Он был прикован железной цепью, и только его любимая собака, которая днем и ночью грызла цепь, делила с ним заключение. Жестокий царь давно уже был бы освобожден, но каждый год в новогоднюю ночь все армянские кузнецы трижды ударяли своим молотом по наковальне, приговаривая при этом какие-то магические заклинания. Этим самым они снова и снова закрепляли его цепь.

Но более всего легендами овеян не Арарат, а самые высокие вершины Кавказа – Эльбрус и Казбек. К скалам Эльбруса были прикованы все великаны, изгнанные во время великой битвы богов. По сегодняшний день осетины ищут в заброшенных пещерах прикованных гигантов, чтобы получить за них золото и драгоценные камни. Эльбрус знает историю, противоположную легенде о Барбароссе.

В горах сидит старый правитель, охраняемый стражей, который один раз в сто лет спрашивает у них:

– Растет ли еще трава на земле, плодятся ли овцы?

Если охрана положительно отвечает на этот вопрос, то старый царь начинает стонать и бить кулаком по стенам пещеры. От этого дрожит земля, и с Эльбруса падают лавины. На вершине Эльбруса живет птица Симург, царица птиц. Одним глазом она видит прошлое, а другим – будущее и правит в незримом

царстве Эльбруса, стране джиннов – Джиннистане. Джинны Эльбруса – не злые духи. Это прекрасные девушки, которых Симург воспитывает для будущих героев. Симург знает героев будущего и для каждого из них подбирает красавицу – пери.

На склонах Эльбруса есть еще и невидимые силы – Гог и Магог, которые, согласно Корану и Евангелию, в конце света поднимутся из преисподней, чтобы уничтожить мир. Это все об Эльбрусе.

Не менее интересны легенды, связанные с Казбеком, второй по высоте горной вершиной Кавказа. Казбек – это случайное имя, которое русские дали этой вершине. Народы Кавказа называют ее, каждый на свой лад, «христианская гора». На вершине горы возвышается церковь. В ней небесная сила соорудила палатку для Авраама, в ней находится самая большая святыня – колыбель Спасителя. Бесчисленные сокровища лежат вокруг, но только истинно верующий может протянуть к ним руку. Огромное количество людей считали себя таковыми и поплатились за это жизнями. Даже монахи и жрецы были среди этих кладоискателей. И последний правящий царь Грузии тоже посылал людей на поиски колыбели христианства. Англичане, которые впервые покорили Казбек в 1868 году, не смогли ее найти. Они увидели лишь древние каменные кресты в самых непроходимых горных массивах, как памятники исчезнувшего христианства.

Попытки покорить себе царство вечных снегов не прекращаются. Все время находятся смельчаки, которые отваживаются проникнуть в волшебный мир Кавказских гор. Легенды постепенно стираются из памяти горских племен, но все же Кавказ – страна, которая в

самую последнюю очередь откажется от своих нравов. Никому еще не удалось стать властелином гор. Горы знают, как защитить себя. Тоскливые песни, забавные поступки, необычные народности и многовековое молчание великанов все еще остаются стеной, разделяющей два мира – Европу и Азию. Но однажды Кавказу пришлось уступить. Там, где кончаются горы, начинается плодородная земля, которая еще пятьдесят лет назад была родиной многих народов. Это были богатые села с мирным населением. Но сегодня их уже нет, они исчезли, как и племена, и языки. Здесь поселились переселенцы с севера. Но все это произошло не в результате завоеваний, а путем великого переселения народов. Миллионное население покинуло свою родину пятьдесят лет назад, чтобы добровольно раствориться в чужой далекой стране и чужом народе. Их родной язык на Кавказе сегодня забыт, а огромное количество филологов напрасно проливает горькие слезы над безвозвратно ушедшей возможностью изучать новые языки. Историю этого переселения на Кавказе рассказывают так.

Однажды пять кавказских князей решили изгнать русских из Кавказа. Это были осетин Муса Кундух, табасаранец Муса Узми, ингуш Зур, чеченец Садулла Осман и кабардинец Аташук. Кабардинский князь раскрыл перед царем план заговорщиков, в ответ тот решил уничтожить народы, представителями которых являлись заговорщики. Но Кундух и Осман решили спасти свои народы:

– Тебе не надо нас убивать, – сказали они царю. – Мы сами покидаем страну неверных, великий султан Стамбула будет к нам милостивее.

Так началась волна миграции. Народы стали переезжать в Турцию под руководством Мусы. Пешком или на корабле добирались они до Османской империи. Ничего хорошего их там не ждало. Земля, которую им дал султан, была скудной, жизнь – непривычной для горцев, разбойные набеги запрещались. Они голодали и тосковали по родине, вымирали или ассимилировались с турками. Только незначительная их часть была способна перестроиться. Это черкесы, из которых формировалась знаменитая охрана султана, и которые до недавнего времени поставляли Турции лучших чиновников и министров. И Муса Кундух, предводитель этого переселения, умер, будучи знатным османским пашой. А его народ, который когда-то у кавказских берегов провожал его тремя выстрелами, переехав в Турцию, оказался в бедственном положении, не забывая при этом восхвалять Муса Кундух пашу, как своего спасителя. Их земля на Кавказе потом досталась казакам.

С тех пор прошло много лет, Кавказское управление открыло свои архивы, теперь можно узнать правду о тех событиях. Все руководители этого переселения народов во главе с Мусой Кундухом, как оказалось, были хорошо оплачиваемыми агентами русского правительства. За каждую переселившуюся кавказскую семью они получали определенную сумму. В подробных докладах говорилось о каждом эмигрировавшем кавказце, а радости русских не было предела, когда освобожденные земли передавались в распоряжение русским казакам. Муса Кундух был предателем и организатором национального переселения. И все-

таки память о нем среди кавказцев, переселившихся в Турцию, свято чтится.

Переселение народов, это исчезновение целых народов по приказу царя, при помощи предательства достопочтенных генералов и князя Мусы Кундуха, – страшная глава в новейшей истории Кавказа, глава, которую еще предстоит написать.

Это – единственный случай, когда горы отступили перед врагом и приняли его. Но победа над Кавказом длится недолго. Уму непостижимо, как быстро психологию покорителя меняют воздух и великолепный ландшафт Кавказа. Казаки и русские, которые когда-то изгнали кавказские народы и захватили их земли, через какие-то десятки лет сами превратились в истинных кавказцев. Сегодня уже определение «кавказский русский», не имеющее ничего общего с Россией, относится к роду, который ничем не отличается от остальных народов Кавказа.

Следствием этой миграции стал тот факт, что некоторые кавказские языки, более не встречающиеся в горах, употребляются далеко отсюда, на сирийских равнинах, в горах Ливана, потомками этих эмигрантов. Рыцари воюют там с соседями, совершают набеги, остаются верными законам кавказских предков и вечному обычаю кровной мести. Кавказская родина продолжает притягивать их к себе, несмотря на то, что они оторваны от нее уже несколько поколений. Они тоскуют по ней в своих песнях, сказках и рассказах о белом великане Эльбрусе и колыбели гор на вершине неприступного Казбека, которые рассказывают на своем родном языке.

ГЛАВА XXVII

На грани китча

Я слышал много чудесных историй на Кавказе про ограбления, борцов за свободу, клады и прекрасных женщин. Может быть, большинство из них вымышленные. Но все они так же правдивы, как и то, о чем рассказывают древние рукописи, надписи, пожелтевшие архивные документы и каталоги. Для того чтобы познакомиться с Кавказом, не надо копаться в старых бумагах или сомнительных музейных раритетах.

Важно то, как кавказец рассказывает о себе и своей земле. Никто больше так не верит в плоды своей фантазии, как кавказец, который может с полной уверенностью показывать на гору и утверждать, что та изнутри состоит из чистого золота. Это для него неоспоримая истина, любую другую он возмущенно отвергает. Очень трудно найти различия между вымыслом и правдой на Кавказе. Признают ли они когда-нибудь то, что не все горы на Кавказе из золота и не все разбойники одновременно являются и благородными рыцарями? Для кавказца существует только один Кавказ, который он видит и знает, где есть крестоносцы, злые духи, сокровища, приключения и легенды о святых. Кавказ – сказочная страна, а люди здесь действительно не виноваты в том, что в своих долинах рассказывают легенды, на которые ученые просто улыбаются. То, что

каждое предположение сразу же становится для кавказца достоверностью, показывает история о переселении народов и хитром генерале Мусе Кундухе, предавшем свой народ, которого до сих пор считают цареотступником, хотя все уже давно знают правду.

История, которую я теперь хочу рассказать, кстати, не кавказская, а исторически подтвержденная даже с точки зрения Европы, требующей документальных доказательств. Ее мне рассказал кавказец в деревне Пасанаури, на прославленной Военно-Грузинской дороге, которой я воспользовался на обратном пути из страны прекрасной Медеи в Бештау. Но это было правдой не потому, что ее мне рассказал кавказец, а потому что существуют полицейские протоколы, которые ее подтверждают. А полицейские протоколы на Кавказе обычно не бывают вымышленными, по сравнению с таковыми еще где-либо. История эта тоже ни в коем случае не является вымышленной, а может быть, только лишь безыскусной. Сам не знаю почему, именно эту историю я люблю больше всех из привезенных мною с Кавказа, она просто захватила меня сильнее других.

Итак, незадолго до кавказской войны на Кавказе жил разбойник по имени Керим, он грабил путешественников, нападал на станции и готовился к карьере генерал-адъютанта при персидском шахе. Как произошло, что он стал заниматься этим ремеслом, неизвестно. Говорят, его отца убил русский офицер, что и послужило поводом для кровной мести, а позже переросло в постоянные грабежи. Керим был благородным человеком, нападал только на богатых людей и

только на мужчин. По отношению к женщинам вел себя как самый галантный кавалер. Когда он совершал нападение на поезд, то раздевал мужчин до рубашки, а женщинам любезно целовал руки. Он не притронулся бы к ним, даже если у них при себе были бы мешки с золотом. Это, конечно, приводило к тому, что все мужчины при каждом нападении сразу же передавали все свои ценные вещи женщинам и оставляли при себе лишь незначительную сумму.

Даже в своей борьбе с полицией Керим всегда вел себя как джентльмен. Он убивал офицера лишь после того, как три раза предупреждал его. Предупреждения состояли в том, что он сначала воровал у спящего офицера одежду, потом сжигал его дом, а в конце убивал его лошадь. И когда видел, что это все не помогло, безжалостно убивал его.

Целые полки направлялись на его поиски, но он умел вовремя избегать опасности. Восторженные кавказцы возвели его в ранг национального героя. Наконец, русское правительство решило прибегнуть к старому испытанному методу – вознаграждение за поимку, который уже помог отдать в руки правосудия многих преступников. Пятьдесят тысяч рублей – сумма фантастическая для Кавказа – должен был получить тот, кто выдаст разбойника русским властям. Весть о пятидесяти тысячах быстро распространилась по стране. В таких случаях информационная служба работает здесь на удивление быстро. Каждая новость молниеносно разлетается по горам и долинам. Не нужны никакие газеты, по горным тропам и ледникам новости пробегают как по проводам. Если в заброшенном Бо-

гом горном селе рассказывают последнее известие, привезенное прямиком из города, слушатели просто высмеивают его:

– Да об этом мы уже давно знаем, расскажи лучше что-нибудь действительно новое!

Так же случилось и в этот раз. Через несколько дней об этом знал весь Кавказ и смеялся. Разумеется, на Кавказе не было ни одного человека, кто мог бы предать Керима. Тот, кто хотел его предать, не мог этого сделать, а кто мог – не делал. На этот раз уловка русских не сработала.

Приходили годы, деньги ожидали предателя, а Керим беззаботно продолжал заниматься своим делом. Однажды он серьезно заболел, врачи сказали ему:

– Пришло твое время, ты проживешь еще только четыре недели.

Керим долго размышлял, и в нем созрело мудрое решение. Он выбрал село, которое долгое время служило ему убежищем, и остановился в доме самого бедного крестьянина. Теперь он решил осчастливить этого беднейшего из бедняков, который так часто спасал и укрывал его.

– Друг мой, – молвил он, – сходи в город к русскому генералу и скажи ему, что в твоем доме живет разбойник Керим. Тогда за мной придет генерал, а ты получишь пятьдесят тысяч рублей.

Крестьянин возмущенно вскочил с места:

– Я не предатель! – закричал он. – Я не предаю своих друзей!

Но Керим настоял, чтобы позвали старейшину села и кадия, и объяснил им, как он хочет помочь бедному крестьянину.

– Моя жизнь больше ничего не стоит, – говорил он, – я хотел бы, чтобы мой друг получил эти деньги, почему они должны оставаться у русских?

На том и порешили. В селе появился отряд полицейских, они окружили дом бедняка и после продолжительного боя задержали разбойника. Керим умер от своей болезни прежде, чем его расстреляли. Но крестьянин получил деньги еще до его смерти, желание грабителя исполнилось, государственная казна стала на пятьдесят тысяч беднее.

Это – трогательная история разбойника Керима, который сделал своего друга счастливым и променял свою угасающую жизнь на пятьдесят тысяч рублей во благо бедняка.

Как я уже говорил, на Кавказе тысячи таких историй про разбойников – жестоких и романтических, кровожадных и добрых, но ни одна из них не сравнится с этой. Быть может потому, что она не типична для Кавказа, хотя и приподнимает завесу над своеобразной духовной жизнью кавказских разбойников, защитников бедняков, борцов за свободу. Толстый, доброжелательный кавказец, который мне ее рассказал, сам был бандитом, и я не знаю, сможет ли европеец понять, как храбрый джигит плакал, рассказывая о славной жизни и смерти Керима. Может быть, потому что за его голову не давали пятьдесят тысяч рублей, и он не мог никому доставить радости. А может, потому что вечер в Пасанаури был теплым и романтичным, горы угрожающе врезались в безоблачное небо, а певец при небольшом гостевом дворе напевал тоскливые песни. Может быть… Трудно сказать.

Это была последняя история, которую мне довелось услышать на Кавказе. Я направился в Кисловодск, время моего пребывания заканчивалось, нефтяной город на Каспии ждал меня. Поезд привез меня домой, и я только издалека мог теперь видеть снежные вершины, горные реки, маленькие села, кавказских всадников, которые на спор пытались обогнать поезд. Там простиралась чудесная, незабываемая, сказочная горная страна.

В то время в стране еще царил мир, кавказский мир. Еще в огромном дворце в Тифлисе правил наместник – великий князь, – и никто не мог предвидеть, что последний час древнего Кавказа пробил. Это было в 1916 году, в канун великой революции, перед временами, которые принесли с собой еще больше своеобразия, чем все яркие народы и их романтические истории!

Прошел еще год, и весь Кавказ полыхал в огне. Снова многие народы вооружились для борьбы за свободу. В горах сражались с винтовками, на самолетах и в рыцарском снаряжении.

Великий князь сбежал в одну ночь, его сменила фантастическая власть. Многие годы на Кавказе бушевала война, ему пришлось повидать на своем веку различные формы правления, от теократической монархии до демократической республики, и не успели утихнуть войны, как с севера снова пришел старый, некогда изгнанный властитель – русские. А во дворце в качестве наместника поселился советский комиссар.

Но и тогда на Кавказе все осталось по-прежнему. Годы революции и правления советской власти не оказали особого влияния на кавказцев. Как и прежде, там

процветает кровная месть; и сегодня по горным тропам скачет борец за свободу; неизученные горные народности живут в горах с их непонятными языками, древними обычаями и легендами, которых теперь, после революции, стало еще больше. Видно, не может кавказец ничего изменить, он упрямо держится за образ жизни своих отцов, а пресловутая европеизация едва ли коснулась городов, сел и аулов этого горного края.

Горцы – не европейцы, но и не азиаты, они – кавказцы, то есть особая раса людей, и таковыми останутся навсегда!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Отъезд в горы 7
Глава II. Идиллический разбойничий приют 13
Глава III. Страна гор 18
Глава IV. Неприступные сокровища 29
Глава V. «Раздетый» город 40
Глава VI. Кавказская сабля 50
Глава VII. Создатели ароматов 56
Глава VIII. Любовь 61
Глава IX. Работорговля 77
Глава X. Кровная месть 87
Глава XI. Аламут – небесный сад 100
Глава XII. Христиане, не знающие имени Христа 108
Глава XIII. Германия в горах 118
Глава XIV. Civis romanus sum 128
Глава XV. Герой гор 136
Глава XVI. Ламаройцы 148
Глава XVII. Село поэтов 165
Глава XVIII. Еврейское царство 177
Глава XIX. Как завоевывали Кавказ 195
Глава XX. Нарзан – кровь богатыря 215
Глава XXI. Замок коварства и любви 233
Глава XXII. Целительство в горах 242
Глава XXIII. Подлинные истории Дагестана 252
Глава XXIV. Будьте моим гостем! 262
Глава XXV. Развалины, мертвые города и церкви 274
Глава XXVI. Колыбель человечества 285
Глава XXVII. На грани китча 292

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

М. Асад бек
«Двенадцать тайн на Кавказе»

Литературный редактор: **Элина Тагиева**

Дизайнеры: **Александра Самуйлова**
Аэлита Фролова
Айнур Бабаева

Художник: **Марзия Гусейнова**

Директор издательства: **Расим Музаффарли**

East West 1986-cı ildan since 1986 BAKI 2013

www.eastwest.az
www.fb.com/eastwest.az

Подписано к печати: 18.02.2012. Формат 60x90 1/16
Офсетная бумага. Офсетная печать. Физических печатных листов 19
Условных печатных листов 19
Заказ № 12199. Тираж 1000

Отпечатано в типографии Издательского Дома "Şərq-Qərb"
AZ1123, Баку, ул. Ашуг Алескера, 17
Тел.: (+99412) 374 83 43. Факс: (+99412) 370 18 49

Все книги Издательского Дома по адресу:
http://www.eastwest.az/az/books/